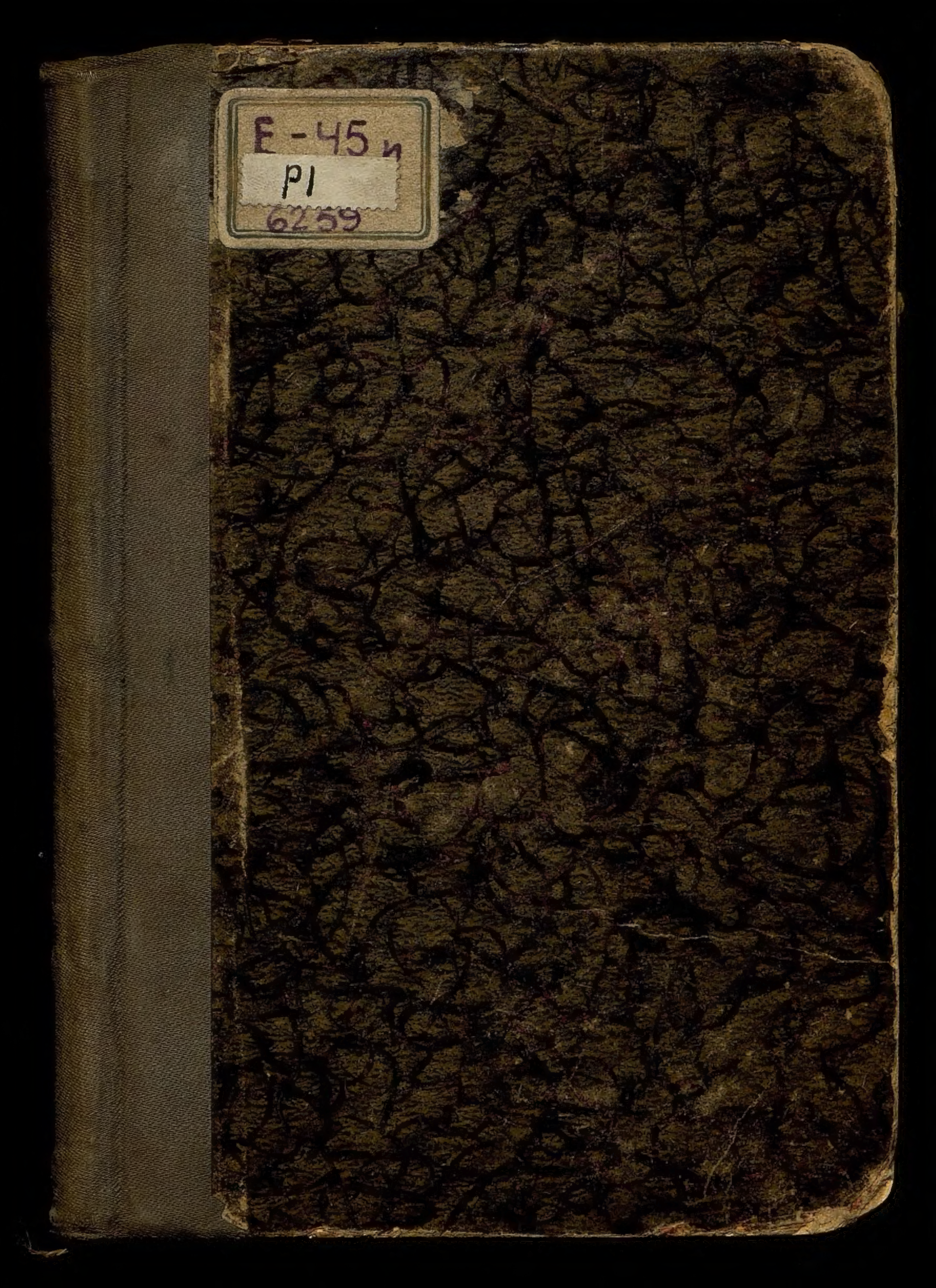
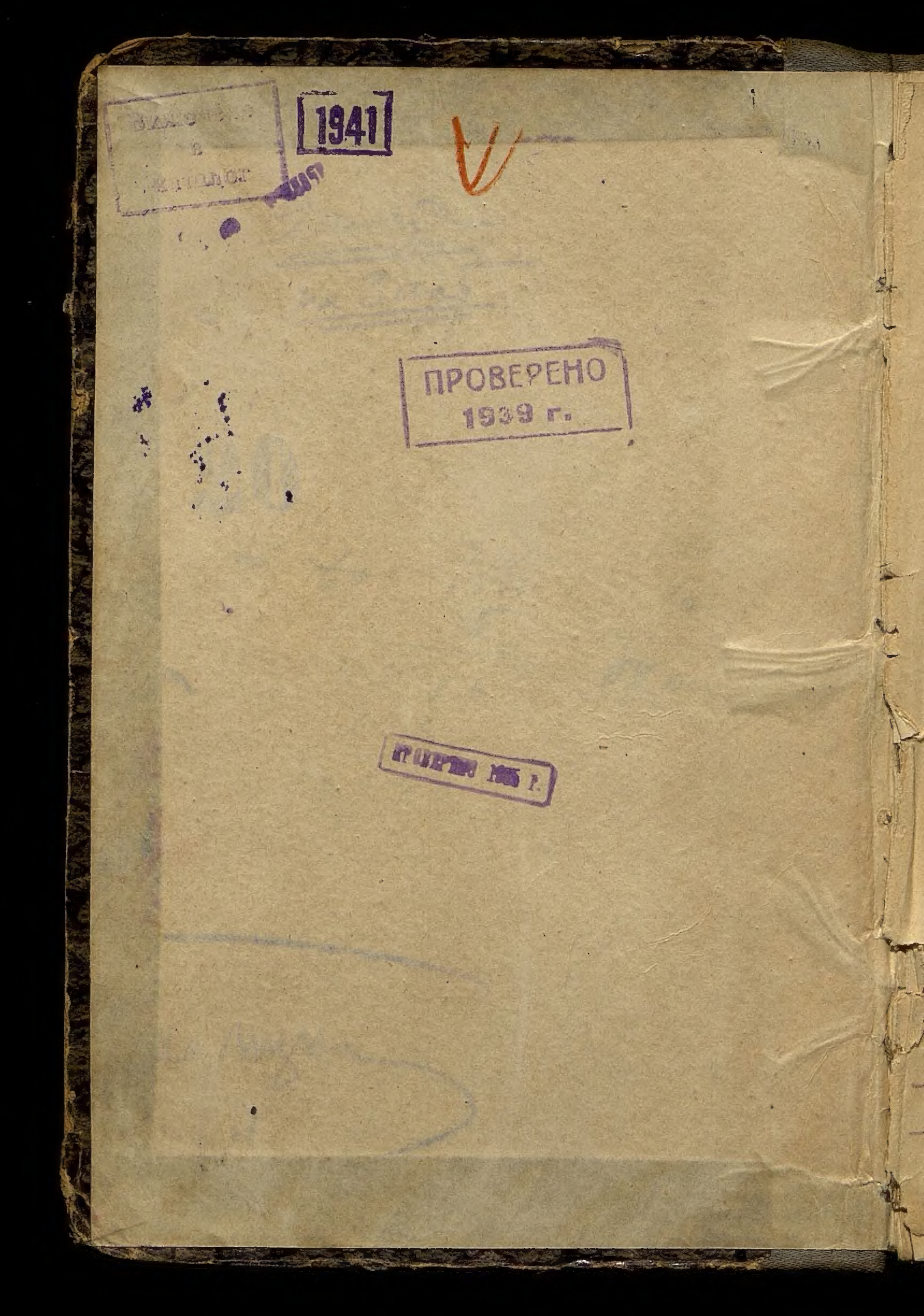
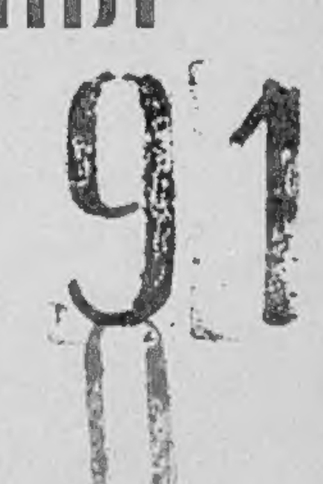

E-45 и
Pl
6259

1941
ПРОВЕРЕНО
1939 г.

ИЗБРАННЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II

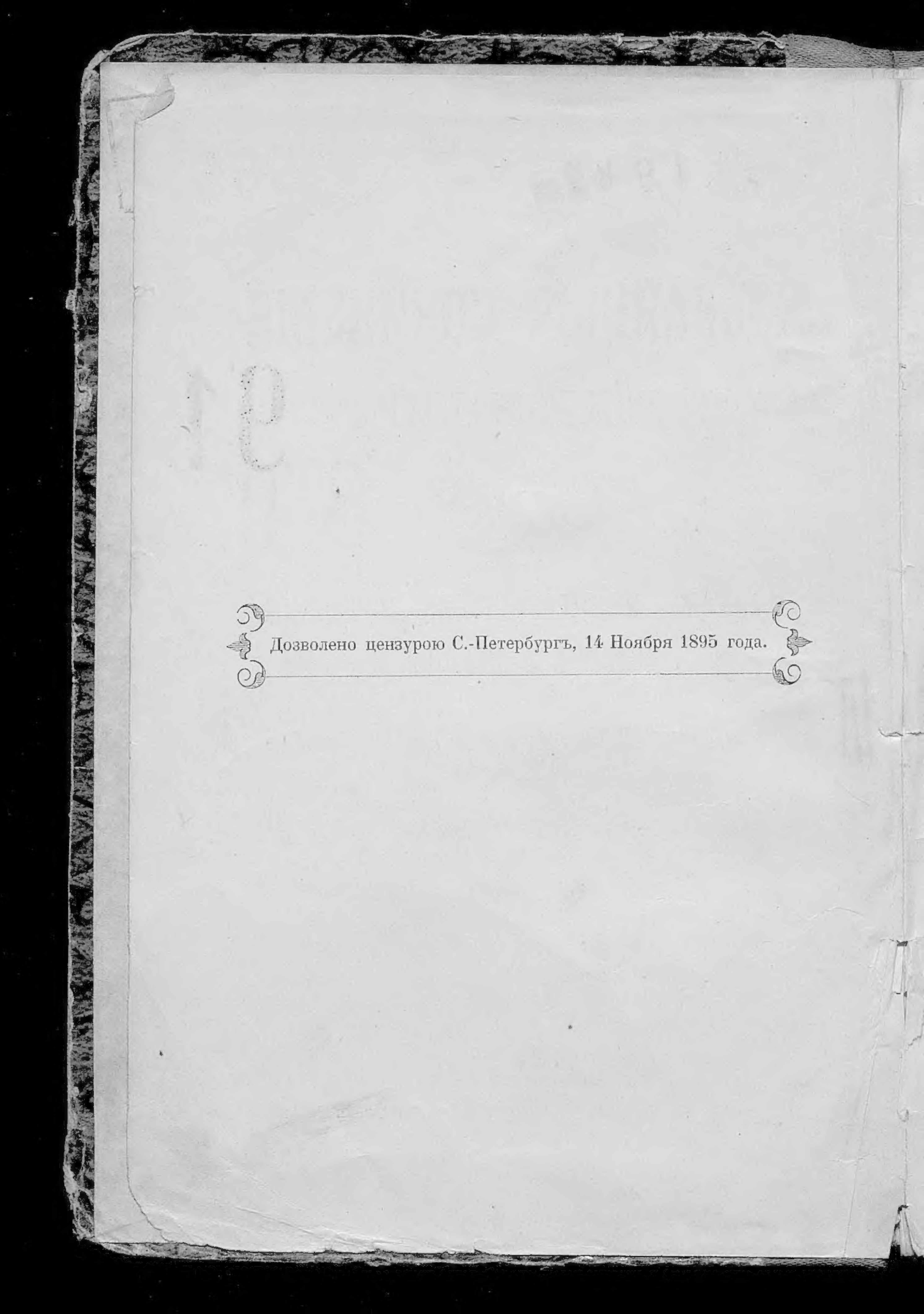
(1729—1796).

„Наказъ", педагогическія сочиненія, комедіи и сатиры.

СЪ ПОЯСНИТЕЛЬНЫМИ СТАТЬЯМИ.

Подъ редакціей Н. С. Карцова.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія И. А. Фролова, Галерная ул., д. № 6.
1896.

Дозволено цензурою С.-Петербургъ, 14 Ноября 1895 года.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЦАРСТВОВАНІЯ.

„Этотъ великій вѣкъ оставилъ по себѣ глубокій слѣдъ въ русской исторіи. Вокругъ геніальной, многодумной и многопонимающей царицы собралась цѣлая плеяда замѣчательныхъ людей, „Екатерининскіе орлы“; тутъ были и представитель русской широты въ замыслахъ и русской хандры, полной противорѣчій, геніальный создатель Новороссійскаго края *), тутъ былъ и русскій чудо-богатырь Суворовъ, юродствующій, чтобы имѣть болѣе независимости, и методичный Румянцевъ, и тонкій дипломатъ Безбородко, и безкорыстный, умный, вѣчно недовольный Панинъ; тутъ были и представители зарождающейся новой русской литературы: здѣсь проявлялъ свою необузданную силу Державинъ, здѣсь показывалъ фонъ-Визинъ зеркало невѣжеству, а Новиковъ затѣвалъ борьбу съ скептицизмомъ вѣка и со старыми неисцѣлимыми еще язвами русскаго общества; было и много

*) Потемкинъ.

другихъ. Всѣхъ выслушивала императрица, всѣми старалась пользоваться и всѣхъ старалась направлять. Изъ послѣдняго стремленія выходили въ концѣ ея царствованія прискорбныя столкновенія: она платила дань злобы дня, объ этомъ пожалѣетъ историкъ, но обвинить не можетъ: у каждаго дня есть своя злоба, и никому изъ людей не дано миновать ея вполнѣ. Царствованіе Екатерины было блистательно и извнѣ, и внутри; не напрасно говорилъ Безбородко уже послѣ кончины императрицы: „не знаю, какъ теперь, а при насъ ни одна пушка не могла выстрѣлить въ Европѣ безъ нашего позволенія“. Вліяніе Россіи въ дѣлахъ Европейскихъ было значительно: быть можетъ это не всегда было хорошо и впослѣдствіи привело Россію къ войнамъ, не всегда нужнымъ для ея интересовъ, хотя бы къ войнѣ 1799 года, героическіе эпизоды которой не выкупили всей ея безполезности, тѣмъ не менѣе, однако, при Екатеринѣ еще не видать было оборотной стороны медали. Своимъ положеніемъ въ Европѣ Екатерина умѣла пользоваться съ большимъ искусствомъ и своими успѣхами еще усиливала европейское положеніе Россіи. При Екатеринѣ Россія дошла до Чернаго моря и твердою ногою стала у него; при Екатеринѣ Россія получила право покровительствовать своимъ единовѣрцамъ въ Турціи и пробудила тѣмъ христіанъ турецкихъ къ новому сознанію; при Екатеринѣ Россія возвратила отъ Польши почти всѣ свои коренныя земли. То, что Россія не дошла

на западѣ до предѣловъ, въ которыхъ ее оставилъ Владиміръ Святой, постоянно озабочивало Екатерину. Польша пала по своей собственной винѣ, раздѣленіе ея — событіе печальное; конечно, было лучше, если бы совершилось добровольное соединеніе или если бы, оставаясь отдѣльно, Польша могла отказаться отъ своихъ притязаній на обращеніе русскаго народа въ рабство; но Польша этого не могла сдѣлать, существовать сама по себѣ она не могла, допустить иноплеменниковъ поглотить всю Польшу не могла Россія, и потому пришлось сдѣлать уступку, пришлось итти на сдѣлку. Бываютъ трагическія положенія въ жизни народовъ. Такимъ трагическимъ эпизодомъ является и разрѣшеніе роковаго польскаго вопроса; горькія его послѣдствія сказались позднѣе и едва ли миновали и теперь, но инаго разрѣшенія нельзя было ожидать при данныхъ обстоятельствахъ.

Внутри при Екатеринѣ сдѣлано такъ же много, какъ и во внѣ: задумавъ перестроить администрацію страны, только намѣченную Петромъ Великимъ и почти нетронутую его преемниками, Екатерина сочла нужнымъ ознакомиться съ потребностями и положеніемъ различныхъ слоевъ, чтобы затѣваемая администрація соотвѣтствовала росту общественному, и для того собрала въ Москву свою знаменитую комиссію, которая ярко выразила желанія и настроенія общества. „Теперь—говорила Екатерина—мы можемъ судить о цвѣтахъ по цвѣтамъ, а не такъ, какъ слѣпые судятъ о цвѣтахъ“. Рядъ преобразова-

ній, начатыхъ Екатериною, удовлетворилъ требованіямъ тогдашняго интеллигентнаго слоя: служилое сословіе, освобожденное отъ тягла, сдѣлалось дворяниномъ; въ руки его отдано было въ значительной степени мѣстное управленіе; оно выбирало судей, полицію, въ своихъ собраніяхъ блюло за своими интересами, представляло мѣстность предъ верховною властью. Для развитія общественнаго—такая роль, данная дворянству, не прошла безслѣдно: розрозненные дотолѣ по разнымъ мѣстамъ на службѣ, или доживающіе свой вѣкъ въ деревнѣ, стали сходиться, явились въ провинціи центры съ нѣкоторою интеллигентною окраскою; конечно, дворянство, опирающееся на крѣпостной трудъ, не стояло на высотѣ своей задачи, но все-таки положено начало обществу, какъ обществу, Города тоже получили нѣкоторую долю самоуправленія; но, къ сожалѣнію, внесенное съ запада и чуждое намъ начало сословности много исказило всѣ эти начинанія; къ сожалѣнію, мысль Императрицы, поддержанная кое-кѣмъ въ обществѣ и литературѣ, освободить крестьянъ, разбилась о сопротивленіе дворянъ и апатію общественной мысли, не смотря на то, что пламя, зажженное пугачевщиной, и необходимость, сознанная правительствомъ, наказывать слишкомъ злоупотребляющихъ своею властью помѣщиковъ, казалось, должны были бы указать на необходимость этой мѣры. Крѣпостное право еще жило въ сознаніи общества и отдѣлаться отъ него было не легко; то, что Екатерина не

рѣшилась на эмансипацію, не должно закрывать отъ насъ значенія ея царствованія; народы историческіе умѣютъ постепенно отдѣлываться отъ язвъ и золъ, оставляемыхъ предшествующими эпохами и составляющихъ необходимую принадлежность всякаго развитія. Точно также прискорбные случаи въ мірѣ литературномъ послѣднихъ годовъ жизни Екатерины не должны заставлять насъ забывать того мощнаго толчка, который она дала русской мысли, и собственнымъ участіемъ въ литературѣ, и поддержкою журналовъ, и открытіемъ типографій, и стараніями о водвореніи образованія. Образованіе, данное временемъ Екатерины, было образованіе европейское. Петръ думалъ о знаніяхъ практическихъ: ему нужны были техники. Екатерина, дочь просвѣтительнаго вѣка, ученица философовъ—энциклопедистовъ, думала о просвѣщеніи обще-человѣческомъ, что на языкѣ того времени значило просвѣщеніе французское; и вотъ, несмотря на ужасъ, внушенный французской революціей, частью подъ вліяніемъ благоговѣнія къ золотому вѣку Франціи, а частью и при пособіи эмигрантовъ, все русское образованное общество заговорило по-французски".

Изъ ст. проф. Бестужева-Рюмина.

Сочиненія Императрицы Екатерины II оказали большое вліяніе на русскую литературу, во первыхъ, въ силу того уже, что исходили отъ самой монархини, руководительницы государственныхъ начинаній, и, во вторыхъ, въ силу того, что представляли много новыхъ для того времени идей. По вступленіи на престолъ, Государыня предпринимаетъ рядъ мѣръ съ цѣлью улучшить общій строй въ государствѣ, поднять въ немъ степень образованія и благотворно повліять на общественные нравы. Сообразно съ этимъ ея сочиненія представляютъ три отдѣльныя группы: одни носятъ характеръ государственныхъ актовъ, другія—педагогическій и научный и третьи — беллетристическій. Дѣятельность Императрицы на поприщѣ политическихъ интересовъ, ея мѣры къ подъему просвѣщенія въ народѣ, вызванное ею оживленіе въ журналистикѣ, интересъ къ театру и, главнымъ образомъ, ея знаменитый „Наказъ", все это ставитъ ее во главу литературнаго движенія первой половины ея царствованія, когда выступили съ своими произведеніями Фонвизинъ, Державинъ, Новиковъ и другіе выдающіеся писатели.

I.

СОЧИНЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНАГО ХАРАКТЕРА.

НАКАЗЪ

Комиссіи о составленіи проекта новаго уложенія.

1767 г.

Во главѣ этой группы стоитъ „Наказъ комиссіи о составленіи проэкта новаго уложенія". Сама Императрица, посылая прусскому королю Фридриху II экземпляръ „Наказа", писала ему: „въ этой книгѣ мнѣ принадлежитъ только расположеніе предметовъ и изрѣдка строка или слово. Большая часть „Наказа заимствована изъ „Духа законовъ" Президента Монтескье *) и изъ „Преступленій и наказаній" Беккаріи **). И дѣйствительно, изъ 655 статей „Наказа" насчитываютъ 250 заимствованныхъ изъ „Духа

*) Президентъ Бордосскаго Парламента, † 1755 г.

**) Итальянскій ученый, † 1793 г.

законовъ" Монтескье; тѣмъ не менѣе, содержаніе этого памятника тѣсно связано съ русскою жизнью. Оно распадается на три части.

а) Начало посвящено самымъ общимъ основамъ государственнаго порядка. Нужно было Государынѣ показать, что выводы европейской науки, изъ которой она черпала свои положенія, примѣнимы и къ нашему отечеству, и поэтому первая глава доказываетъ, что Россія есть государство европейское, для котораго, разъясняетъ 2-я глава, всякое другое правленіе, не самодержавное, было бы „въ конецъ разорительно". Слѣдующія двѣ главы представляютъ заботу о сохраненіи новыхъ законовъ отъ возможныхъ искаженій.

Глава V.

31. О состояніи всѣхъ въ государствѣ живущихъ.

32, 33.

34. Равенство всѣхъ гражданъ состоитъ въ томъ, чтобы всѣ подвержены были тѣмъ же законамъ.

35. Сіе равенство требуетъ хорошаго установленія, которое воспрещало бы богатымъ удручать меньшее ихъ стяжаніе имѣющихъ и обращать себѣ въ собственную пользу чины и

званія, порученныя имъ только, какъ правительствующимъ особамъ государства.

36. Общественная или государственная вольность не въ томъ состоитъ, чтобъ дѣлать все, что кому угодно.

37. Въ государствѣ, то есть въ собраніи людей обществомъ живущихъ, гдѣ есть законы, вольность не можетъ состоять ни въ чемъ иномъ, какъ въ возможности дѣлать то, что каждому надлежитъ хотѣть и чтобъ не быть принуждену дѣлать то, чего хотѣть не должно.

38. Надобно въ умѣ себѣ точно и ясно представити: что есть вольность? Вольность есть право все то дѣлати, что законы дозволяютъ, и ежели бы гдѣ какій гражданинъ могъ дѣлать законами запрещаемое, тамъ бы уже больше вольности не было: ибо и другіе имѣли бы равнымъ образомъ сію власть.

39. Государственная вольность во гражданинѣ есть спокойство духа, происходящее отъ мнѣнія, что всякъ изъ нихъ собственною наслаждается безопасностью: и чтобы люди имѣли сію вольность, надлежитъ быть закону такову, чтобъ одинъ гражданинъ не могъ бояться другаго, а боялися бы всѣ однихъ законовъ.

Изъ главы VI.

40. О законахъ вообще.

57. Законоположеніе должно примѣняти къ народному умствованію. Мы ничего лучше не дѣлаемъ, какъ то, что дѣлаемъ вольно, непринужденно и слѣдуя природной нашей склонности.

58. Для введенія лучшихъ законовъ необходимо потребно умы людскіе къ тому пріуготовить. Но чтобъ сіе не служило отговоркою, что нельзя установить и самаго полезнѣйшаго дѣла. Ибо если умы къ тому еще не пріуготовлены; такъ пріимите на себя трудъ пріуготовить оные, и тѣмъ самымъ вы уже много сдѣлаете.

59. Законы суть особенныя и точныя установленія законоположника; а нравы и обычаи суть установленія всего вообще народа.

60. И такъ когда надобно сдѣлать перемѣну въ народѣ великую къ великому онаго добру, надлежитъ законами то исправляти, что учреждено законами, и то перемѣнять обычаями, что обычаями введено. Весьма худая та политика, которая передѣлываетъ то законами, что надлежитъ перемѣнять обычаями.

61. Есть способы, препятствующіе возгнѣздиться преступленіямъ; на то положены въ законахъ наказанія: такъ же есть способы, перемѣну обычаевъ вводящія; къ сему служатъ примѣры.

Глава седьмая продолжаетъ проводить ту идею Монтескье, что только тѣ законы имѣютъ прочную основу въ государствѣ, которые можно „примѣнить къ народному умствованію".

б) Вторая часть „Наказа" посвящена вопросамъ, касающимся суда и наказаній.

Глава VIII.

80. О наказаніяхъ.

81. Любовь къ отечеству, стыдъ и страхъ поношенія суть средства укротительныя и могущія воздержать множество преступленій.

82. Самое большое наказаніе за злое какое нибудь дѣло во правленіи умѣренномъ будетъ то, когда кто въ томъ изобличится. Гражданскіе законы тамъ гораздо легче исправлять будутъ пороки и не будутъ принуждены употребляти столько усилія.

83. Въ сихъ областяхъ не столько потщатся наказывати преступленія, какъ предупреждать оныя, и приложить должно болѣе старанія къ тому, чтобы вселить узаконеніями добрые нравы во гражданъ, нежели привести духъ ихъ въ уныніе казнями.

84. Словомъ сказать: все, что въ законѣ называется наказаніе, дѣйствительно не что иное есть, какъ трудъ и болѣзнь.

85. Искусство научаетъ насъ, что въ тѣхъ странахъ, гдѣ кроткія наказанія, сердце гражданъ столько же поражается, какъ во другихъ мѣстахъ жестокими.

86. Сдѣлался вредъ въ государствѣ чувствительный отъ какого непорядка? Насильное правленіе хочетъ внезапно оный исправить и вмѣсто того, чтобы думать и стараться о исполненіи древнихъ законовъ, установляетъ жестокое наказаніе, которымъ зло вдругъ прекращается. Воображеніе въ людяхъ дѣйствуетъ при семъ великомъ наказаніи такъ же, какъ бы оно дѣйствовало и при маломъ; и какъ уменьшится въ народѣ страхъ сего наказанія, то нужно уже будетъ установити во всѣхъ случаяхъ другое.

87. Не надобно вести людей путями самыми крайними; надлежитъ съ бережливостію употребляти средства, естествомъ намъ подаваемыя

для препровожденія оныхъ къ намѣреваемому концу.

88. Испытайте со вниманіемъ вину всѣхъ послабленій: увидите, что она происходитъ отъ ненаказанія преступленій, а не отъ умѣренности наказаній. Послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣніи наказанія заключающееся.

89. И если гдѣ сыщется такая область, въ которой бы стыдъ не былъ слѣдствіемъ казни, то сему причиною мучительское владѣніе, которое налагало тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ.

90. А ежели другая найдется страна, гдѣ люди инако не воздерживаются отъ пороковъ, какъ только суровыми казнями; опять вѣдайте, что сіе проистекаетъ отъ насильства правленія, которое установило сіи казни за малыя погрѣшности.

91. Часто законодавецъ, хотящій уврачевати зло, не мыслитъ болѣе ни о чемъ, какъ о семъ уврачеваніи; очи его взираютъ на сей только предлогъ и не смотрятъ на худыя оттуда слѣдствія. Когда зло единожды уврачевано, тогда мы не видимъ болѣе ничего кромѣ суровости законодавца; но порокъ въ общенародіи остается отъ жестокости сея произрастшій;

умы народа испортились: они пріобыкли къ насильству.

92. Въ повѣстяхъ пишутъ о воспитаніи дѣтскомъ у Японцевъ, что съ дѣтьми надлежитъ поступать съ кротостію для того, что отъ наказаній въ сердце ихъ вселяется ожесточеніе; также что и съ рабами не должно обходиться весьма сурово: ибо они тотъ часъ къ оборонѣ приступаютъ. Примѣчая душу, долженствующую обитать и царствовати въ домашнемъ правленіи, не могли ли они разсужденіями дойти и до той, которую надлежало влити также и въ правленіе государственное и гражданское?

93. Можно и тутъ сыскати способы, возвратить заблудшіе умы на путь правый; правилами закона Божія, любомудрія и нравоученія, выбранными и соображенными съ сими умоначертаніями; уравненнымъ смѣшеніемъ наказаній и награжденій, безпогрѣшнымъ употребленіемъ пристойныхъ правилъ честности, наказаніемъ, состоящимъ во стыдѣ, непрерывнымъ продолженіемъ благополучія и сладкаго спокойствія. А если бы была опасность, что умы, пріобыкшіе ни чѣмъ не укрощаться инымъ, кромѣ свирѣпаго наказанія, не могутъ быть усмирены наказаніемъ кроткимъ; тутъ бы надлежало поступать (*внимайте прилежно сіе, какъ правило, опытами засвидѣтельствованное въ тѣхъ*

случаяхъ, гдѣ умы испорчены употребленіемъ весьма жестокихъ наказаній) образомъ скрытнымъ и нечувствительнымъ; и въ случаяхъ особливыхъ, изліянія милости неотчужденныхъ, налагати за преступленіе казнь умѣренную до тѣхъ поръ, покамѣстъ бы можно достигнути того, чтобъ и во всѣхъ случаяхъ оную умѣрить.

94. Весьма худо наказывать разбойника, который грабитъ на большихъ дорогахъ, равнымъ образомъ какъ и того, который не только грабитъ, но и до смерти убиваетъ. Всякъ, явно, видитъ, что для безопасности общенародной надлежало бы положить какое различіе въ ихъ наказаніи.

95. Есть государства, гдѣ разбойники смертнаго убійства не дѣлаютъ для того, что воры грабительствующіе только могутъ надѣяться, что ихъ пошлютъ въ дальнія поселенія; а смертно-убійцы сего ожидать не могутъ ни подъ какимъ видомъ.

96. Хорошіе законы самой точной середины держатся: они не всегда денежное налагаютъ наказаніе и не всегда также подвергаютъ и наказанію тѣлесному законопреступниковъ.

Всѣ наказанія, которыми тѣло человѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить.

Эта блестящая VIII глава, всецѣло навѣянная вышедшимъ передъ тѣмъ только трудомъ

Беккаріи, полна гуманности во взглядахъ на наказанія, которыя въ тотъ вѣкъ отличались большой суровостью. Разбирая дальше вопросы судебнаго слѣдствія и уголовнаго суда, императрица вооружается въ X главѣ противъ пытокъ, къ смягченію которыхъ стремилась уже имп. Елизавета Петровна, а также противъ смертной казни.

ГЛАВА X.

142. О обрядѣ криминальнаго суда.

. . . .

192. *Вопросъ III.* Пытка не нарушаетъ ли справедливости и приводитъ ли она къ концу, намѣреваемому законами?

193. Суровость, утвержденная употребленіемъ весьма многихъ народовъ, есть пытка, производимая надъ обвиняемымъ во время устроиванія судебнымъ порядкомъ дѣла его, или чтобъ вымучить у него собственное его во преступленіи признаніе, или для объясненія противорѣчій, которыми онъ въ допросѣ путался, или для принужденія его объявити своихъ сообщниковъ, или ради открытія другихъ преступленій, въ которыхъ его не обвиняютъ, въ которыхъ однакожъ онъ можетъ быть виновенъ.

194. 1) Человѣка не можно почитать ви-

новатымъ прежде приговора судейскаго, и законы не могутъ его лишить защиты своей прежде, нежели доказано будетъ, что онъ нарушилъ оные. Чего ради какое право можетъ кому дати власть налагати наказаніе на гражданина въ то время, когда еще сомнительно, правъ ли онъ или виноватъ? Не очень трудно заключеніями дойти къ сему соразсужденію; преступленіе или есть извѣстное, или нѣтъ; ежели оно извѣстно, то не должно преступника наказывать инако, какъ положеннымъ въ законѣ наказаніемъ, и такъ пытка не нужна, если преступленіе не извѣстно, такъ не должно мучить обвиняемаго по той причинѣ, что не надлежитъ невиннаго мучить и что по законамъ тотъ невиненъ, чье преступленіе не доказано. Весьма нужно безъ сомнѣнія, чтобъ никакое преступленіе, ставши извѣстнымъ, не осталось безъ наказанія. Обвиняемый, терпящій пытку, не властенъ надъ собою въ томъ, чтобъ онъ могъ говорить правду. Можно ли больше вѣрити человѣку, когда онъ бредитъ въ горячкѣ, нежели когда онъ при здравомъ разсудкѣ и въ добромъ здоровьѣ? Чувствованіе боли можетъ возрасти до такого степени, что, совсѣмъ овладѣвъ всею душею, не оставитъ ей больше ни какой свободы производить какое либо ей приличное дѣйствіе, кромѣ какъ въ то же самое мгновеніе ока предпринять са-

мый кратчайшій путь, коимъ бы отъ той боли избавиться. Тогда и невинный закричитъ, что онъ виноватъ, лишь бы только мучить его перестали. И то же средство, употребленное для различенія невинныхъ отъ виноватыхъ, истребитъ всю между ними разность; и судьи будутъ также неизвѣстны, виноватаго ли они имѣютъ предъ собою, или невиннаго, какъ и были прежде начатія сего пристрастнаго распроса. По сему пытка есть надежное средство осудить невиннаго, имѣющаго слабое сложеніе, и оправдать беззаконнаго, на силы и крѣпость свою уповающаго.

195. 2) Пытку еще употребляютъ надъ обвиняемымъ для объясненія, какъ говорятъ, противорѣчій, которыми онъ спутался въ допросѣ, ему учиненномъ; будто бы страхъ казни, неизвѣстность и забота въ разсужденіи, такъ же и самое невѣжество, невиннымъ и виноватымъ общее, не могли привести къ противорѣчіямъ и боязливаго невиннаго, и преступника, ищущаго скрыти свое беззаконіе; будто бы противорѣчія, столь обыкновенныя человѣку во спокойномъ духѣ пребывающему, не должны умножаться при востревоженіи души, всей въ тѣхъ мысляхъ погруженной, какъ бы себя спасти отъ наступающей бѣды.

196. 3) Производить пытку для открытія,

не учинилъ ли виноватый другихъ преступлений кромѣ того, которое ему уже доказали, есть надежное средство къ тому, чтобы всѣ преступленія остались безъ должнаго имъ наказанія; ибо судья всегда новыя захочетъ открыти. Впрочемъ сей поступокъ будетъ основанъ на слѣдующемъ разсужденіи: ты виноватъ въ одномъ преступленіи; такъ можетъ быть, ты еще сто другихъ беззаконій сдѣлалъ. Слѣдуя законамъ, станутъ тебя пытать и мучить не только зато, что ты виноватъ, но и зато, что ты, можетъ быть, еще гораздо больше виновенъ.

197. 4) Кромѣ сего пытаютъ обвиняемаго, чтобъ объявилъ своихъ сообщниковъ. Но когда мы уже доказали, что пытка не можетъ быти средствомъ къ познанію истины, то какъ она можетъ способствовати къ тому, чтобъ узнать сообщниковъ злодѣянія? Безъ сомнѣнія, показующему на самого себя весьма легко показывать на другихъ. Впрочемъ справедливо ли мучити человѣка за преступленіе другихъ? Какъ будто не можно открыть сообщниковъ испытаніемъ свидѣтелей на преступника сысканныхъ, изслѣдованіемъ приведенныхъ противъ него доказательствъ и самаго дѣйствія, случившагося въ исполненіи преступленія, и наконецъ, всѣми способами, послужившими ко изобличенію преступленія обвиняемымъ содѣяннаго.

. . . .

209. *Вопросъ VI.* Смертная казнь полезна-ль и нужна-ли въ обществѣ для сохраненія безопасности и добраго порядка?

210. Опыты свидѣтельствуютъ, что частое употребленіе казней никогда людей не сдѣлало лучшими: чего для если Я докажу, что въ обыкновенномъ состояніи общества смерть гражданина не полезна, ни нужна, то Я преодолѣю возстающихъ противу человѣчества. Я здѣсь говорю: *въ обыкновенномъ общества состояніи*, ибо смерть гражданина можетъ въ одномъ только случаѣ быть потребна, сирѣчь: когда онъ лишенъ будучи вольности, имѣетъ еще способъ и силу, могущую возмутить народное спокойство. Случай сей не можетъ нигдѣ имѣть мѣста, кромѣ когда народъ теряетъ, или возвращаетъ свою вольность. Или во время безначалія, когда самые безпорядки заступаютъ мѣсто законовъ. А при спокойномъ царствованіи законовъ и подъ образомъ правленія соединенными всего народа желаніями утвержденнымъ, въ государствѣ противу внѣшнихъ непріятелей защищенномъ, и внутри поддерживаемомъ крѣпкими подпорами, то есть силою своею и вкоренившимся мнѣніемъ во гражданахъ, гдѣ вся власть въ рукахъ Самодержца, въ такомъ государствѣ не можетъ въ томъ быть никакой нужды, чтобъ отнимати жизнь у гражданина. Двадцать лѣтъ

царствованія Императрицы ЕЛИСАВЕТЫ ПЕТРОВНЫ подаютъ отцамъ народовъ примѣръ къ подражанію изящнѣйшій, нежели самыя блистательныя завоеванія.

211. Не чрезмѣрная жестокость и разрушеніе бытія человѣческаго производятъ великое дѣйствіе въ сердцахъ гражданъ, но непрерывное продолженіе наказанія.

212. Смерть злодѣя слабѣе можетъ воздержать беззаконія, нежели долговременный и непрерывно пребывающій примѣръ человѣка лишеннаго своея свободы для того, чтобы наградить работою своею, чрезъ всю его жизнь продолжающеюся, вредъ, имъ сдѣланный обществу. Ужасъ, причиняемый воображеніемъ смерти, можетъ быть гораздо силенъ, но забвенію въ человѣкѣ природному оный противустоять не можетъ. Правило общее: впечатлѣнія во человѣческой душѣ стремительныя и насильственныя тревожатъ сердце и насильственно поражаютъ, но дѣйствія ихъ долго въ памяти не остаются. Чтобы наказаніе было сходно съ правосудіемъ, то не должно оному имѣть большаго степени напряженія какъ только, чтобъ оно было довольно къ отвращенію людей отъ преступленія. И такъ Я смѣло утверждаю, что нѣтъ человѣка, который бы, хотя мало подумавши, могъ положити въ равновѣсіи, съ одной стороны пре-

ступленіе, какія бы оно выгоды ни обѣщало: а съ другой всецѣлое и со жизнію кончащееся лишеніе вольности.

Заканчивается эта часть „Наказа" выясненіемъ мысли, что гораздо лучше предупреждать преступленія, нежели наказывать, средствомъ къ чему служатъ установленіе равенства всѣхъ гражданъ предъ законами и „приведеніе въ совершенство воспитанія".

в) Третья часть „Наказа" говоритъ о правахъ и обязанностяхъ всѣхъ сословій, причемъ Государыня разбирая въ нѣсколькихъ мѣстахъ положеніе крѣпостныхъ крестьянъ, значительно ограничиваетъ свои гуманные взгляды сравнительно съ тѣмъ, что ею было намѣчено сначала.

Глава XI.

250. Гражданское общество, такъ какъ и всякая вещь, требуетъ извѣстнаго порядка; надлежитъ тутъ быть однимъ, которые правятъ и повелѣваютъ, а другимъ, которые повинуются.

251. И сіе есть начало всякаго рода покорности: сія бываетъ больше или меньше облегчительна, смотря на состояніе служащихъ.

252. Итакъ, когда законъ естественный повелѣваетъ намъ по силѣ нашей о благополучіи всѣхъ людей пещися, то обязаны мы

состоянie и сихъ подвластныхъ облегчати, сколько здравое разсужденie дозволяетъ.

253. Слѣдовательно и избѣгати случаевъ, чтобъ не приводить людей въ неволю, развѣ крайняя необходимость къ учиненiю того привлечетъ, и то не для собственной корысти, но для пользы государственной, однако и та едва не весьма ли рѣдко бываетъ.

254. Какого бы рода покорство ни было, надлежитъ, чтобъ законы гражданскie съ одной стороны злоупотребленie рабства отвращали, а съ другой стороны предостерегали бы опасности, могущiя оттуда произойти.

255. Несчастливо то правленie, въ которомъ принуждены установляти жестокie законы.

256. ПЕТРЪ ПЕРВЫЙ узаконилъ въ 1722 году, чтобы безумные и подданныхъ своихъ мучащie были подъ смотрѣнieмъ опекуновъ. По первой статьѣ сего указа чинится исполненie; а послѣдняя для чего безъ дѣйствiя осталася, не извѣстно.

257. Въ Лакедемонѣ рабы не могли требовати въ судѣ никакого удовольствiя, и несчастie ихъ умножалося тѣмъ, что они не одного только гражданина, но при томъ и всего общества были рабы.

258. У Римлянъ въ увѣчьи, сдѣланномъ рабу, не смотрѣли болѣе ни на что, какъ только

на убытокъ, причиненный чрезъ то господину. За одно почитали рану, животинѣ нанесенную и рабу, и не принимали болѣе ничего въ разсужденіе, какъ только сбавку цѣны: и то обращалося въ пользу хозяину, а не обиженному.

259. У Аѳинянъ строго наказывали того, кто съ рабомъ поступалъ свирѣпо.

260. Не должно вдругъ и чрезъ узаконеніе общее дѣлать великаго числа освобожденныхъ.

261. Законы могутъ учредить нѣчто полезное для собственнаго рабовъ имущества.

262. Окончимъ все сіе, повторяя правило то, что правленіе весьма сходственное съ естествомъ есть то, котораго частное расположеніе соотвѣтствуетъ лучше расположенію народа, ради котораго оно учреждается.

263. Причемъ однако весьма же нужно, чтобы предупреждены были тѣ причины, кои столь часто привели въ непослушаніе рабовъ противъ господъ своихъ, не узнавъ же сихъ причинъ, законами упредить подобныхъ случаевъ нельзя, хотя спокойство однихъ и другихъ отъ того зависитъ.

XII и XIII главы разбираютъ вопросы „о размноженіи народа въ государствѣ“, „о рукодѣліи и торговлѣ“, а XIV посвящена идеямъ о воспитаніи, которому Государыня всегда придавала большое значеніе.

Глава XIV.

347. О воспитаніи.

348. Правила воспитанія суть первыя основанія, пріуготовляющія насъ быть гражданами.

349. Каждая особенная семья должна быть управляема по примѣру большой семьи, включающей въ себѣ всѣ частныя.

350. Не возможно дать общаго воспитанія многочисленному народу и вскормить всѣхъ дѣтей въ нарочно для того учрежденныхъ домахъ: и для того полезно будетъ установить нѣсколько общихъ правилъ, могущихъ служить вмѣсто совѣта всѣмъ родителямъ.

1.

351. Всякій обязанъ учить дѣтей своихъ страха Божія, какъ начала всякаго цѣломудрія, и вселяти въ нихъ всѣ тѣ должности, которыхъ Богъ отъ насъ требуетъ въ десятословіи своемъ и православная наша восточная Греческая вѣра во правилахъ и прочихъ своихъ преданіяхъ.

352. Также вперяти въ нихъ любовь къ отечеству и повадить ихъ имѣть почтеніе къ установленнымъ гражданскимъ законамъ и почитать правительства своего отечества, какъ

пекущіяся по волѣ Божіей о благѣ ихъ на земли.

2.

353. Всякій родитель долженъ воздерживаться при дѣтяхъ своихъ не только отъ дѣлъ, но и отъ словъ, клонящихся къ неправосудію и насильству, какъ то: брани, клятвы, дракъ, всякой жестокости и тому подобныхъ поступокъ, и не дозволять и тѣмъ, которые окружаютъ дѣтей его, давать имъ такіе дурные примѣры.

3.

354. Онъ запретить долженъ дѣтямъ и тѣмъ, кои около нихъ ходятъ, чтобъ не лгали, ниже въ шутку: ибо ложь изо всѣхъ вреднѣйшій есть порокъ.

355. МЫ присовокупимъ здѣсь для наставленія всякому особо человѣку то, что уже напечатано, какъ служащее общимъ правиломъ отъ НАСЪ, уже установленнымъ и еще установляемымъ для воспитанія училищамъ и всему обществу.

356. „Должно вселять въ юношество страхъ Божій, утверждать сердце ихъ въ похвальныхъ склонностяхъ и пріучать ихъ къ основательнымъ и приличествующимъ состоянію ихъ правиламъ; возбуждати въ нихъ охоту ко тру-

долюбію и чтобъ они страшилися праздности, какъ источника всякаго зла и заблужденія, научати пристойному въ дѣлахъ ихъ и разговорахъ поведенію, учтивости, благопристойности, соболезнованію о бѣдныхъ, несчастливыхъ и отвращенію отъ всякихъ продерзостей; обучать ихъ домостроительству во всѣхъ онаго подробностяхъ и сколько въ ономъ есть полезнаго; отвращать ихъ отъ мотовства; особливо же вкоренять въ нихъ собственную склонность къ опрятности и чистотѣ, какъ на самихъ себѣ, такъ и на принадлежащихъ къ нимъ: однимъ словомъ, всѣмъ тѣмъ добродѣтелямъ и качествамъ, кои принадлежатъ къ доброму воспитанію, которыми во свое время могутъ они быть прямыми гражданами, полезными общества членами и служить оному украшеніемъ“.

Въ слѣдующихъ главахъ Императрица продолжаетъ разбирать права сословій и городовъ, вопросъ „о наслѣдствахъ“, „о составленіи и слогѣ законовъ“ и, наконецъ, послѣдняя XX глава представляетъ „разныя статьи, требующія изъясненія“. Еще въ свѣжей памяти была знаменитая Тайная Канцелярія, гдѣ часто казнили и пытали невинныхъ людей, иной разъ по наивности даже передававшихъ какой-нибудь слухъ о прежде царствовавшемъ государѣ, поэтому Императрица останавливается въ этой главѣ на преслѣдованіи за оскорбленіе вели-

чества и относится къ такимъ преступленіямъ съ большой осторожностью. Въ этой же главѣ говорится о вѣротерпимости по отношенію къ „толь многимъ разнымъ народамъ“, обитающимъ въ Россіи, такъ какъ въ этомъ заключается единственное средство, чтобы всѣхъ заблуждшихъ овецъ паки привести къ истинному вѣрныхъ стаду“; далѣе говорится о свободѣ высказывать свои мнѣнія. Предъ заключеніемъ же всего „Наказа“ помѣщены слѣдующія слова Государыни.

520. Все сіе не можетъ понравиться ласкателямъ, которые по вся дни всѣмъ земнымъ обладателямъ говорятъ, что народы ихъ для нихъ сотворены. Однакожъ Мы думаемъ и за славу себѣ вмѣняемъ сказать, что Мы сотворены для Нашего народа, и по сей причинѣ Мы обязаны говорить о вещахъ такъ, какъ онѣ быть должны. Ибо, Боже сохрани! чтобы послѣ окончанія сего законодательства былъ какой народъ больше справедливъ, и слѣдовательно больше процвѣтающъ на землѣ; намѣреніе законовъ, нашихъ было бы не исполнено: несчастіе, до котораго Я дожить не желаю!

Этотъ „Наказъ“ Государыня писала около двухъ лѣтъ, причемъ въ первые полтора года никому не показывала, а потомъ подвергла цензурѣ „людей разныхъ“, близкихъ ей. Въ числѣ ихъ былъ и Сумароковъ, проводившій въ своихъ сочиненіяхъ много гуманныхъ идей и громко

возстававшій противъ несправедливостей и притѣсненій, встрѣчавшихся въ русской жизни. Но даже и онъ пораженъ былъ смѣлостью идей Императрицы, особенно въ вопросѣ объ облегченіи участи крѣпостныхъ. Когда выбранные народомъ депутаты изъ различныхъ мѣстностей съѣхались въ Москву, Императрица выдѣлила изъ нихъ „разныхъ персонъ, весьма разномыслящихъ“, и подвергла свой трудъ ихъ цензурѣ. Болѣе половины изъ „Наказа“ было вычеркнуто, и въ такомъ видѣ онъ явился въ 1767 году. Во время засѣданій Комиссіи выяснилось, что большинство депутатовъ не было подготовлено къ воспринятію столь гуманныхъ идей Императрицы. Произведеніе это удивило не только русскихъ людей, но и свободомыслящая Францiя не вдругъ разрѣшила его переводъ.

Хотя Комиссія, по повелѣнію Государыни, была распущена, прежде чѣмъ составлено было новое уложеніе, тѣмъ не менѣе „Наказъ“ оказалъ большое вліяніе на общество. Многія изъ его положеній послужили основой для дальнѣйшихъ преобразованій въ царствованіе самой Императрицы, а затѣмъ Имп. Александра I, а нѣкоторыя изъ статей даже буквально повторены въ „Сводѣ Законовъ“. Идеи „Наказа“ отразились и въ беллетристическихъ сочиненіяхъ Императрицы, и въ умахъ русскаго общества, а чрезъ это и въ послѣдующей литературѣ. Особенно ясно видно это въ комедіи Фонвизина „Недоросль“ въ словахъ резонеровъ, которыя

въ то время считались лучшими мѣстами произведенія.

Государственныя идеи Императрицы выразились и въ ея интересной перепискѣ съ выдававшимися людьми Россіи и Зап. Европы, а также во многихъ проектахъ и уставахъ, написанныхъ подъ ея руководствомъ и получившихъ потомъ значеніе законовъ. Такъ, извѣстный сподвижникъ Императрицы И. И. Бецкій, представляя ей свой докладъ: „Генеральное учрежденіе о воспитаніи обоего пола юношества“, положенный въ основу правительственной системы тогдашняго воспитанія, говоритъ въ немъ: „Не знаю, изъяснилъ-ли я слабымъ моимъ писаніемъ Вашего Императорскаго Величества намѣренія, какимъ образомъ учредить въ Россіи воспитательныя училища; но то знаю, что всѣ мѣры употребилъ, тщательно стараяся изобразить точно, слово отъ слова всѣ данныя мнѣ изустно повелѣнія и высокія мысли Августѣйшей моей Монархини, какъ слѣдуетъ“.

II.

ПЕДАГОГИЧЕСКІЕ И УЧЕНЫЕ ТРУДЫ.

Вторую группу литературныхъ трудовъ Имп. Екатерины II составляютъ ея педагогическія и научныя сочиненія. Такія работы вызваны были современнымъ тогда состояніемъ нашей школы и тѣми идеями, которыя господствовали въ Зап. Европѣ. Петръ Великій, нуждаясь въ техникахъ по разнымъ отраслямъ государственной жизни, далъ нашей школѣ соотвѣтствующее направленіе, въ силу котораго все вниманіе обращалось на пріобрѣтеніе знаній, а воспитаніе стояло на низкой степени развитія. Въ этомъ отношеніи наша школа нѣсколько походила на западно-европейскую двухъ столѣтій передъ тѣмъ, когда, увлекаясь самыми мелочными подробностями въ словесныхъ наукахъ, не обращали вниманія ни на физическое, ни на нравственное воспитаніе, ни на умственное развитіе вообще, а только на пріобрѣтеніе сухихъ и, безполезныхъ знаній. Изъ педагоговъ, возстававшихъ тогда противъ такого состоянія школъ, особенно повліялъ на взгляды Императрицы французскій писатель Монтень (†1592 г.) сво-

имъ общимъ направленіемъ и англійскій—Локкъ († 1704 г.), который, кромѣ общаго направленія, далъ и много частныхъ указаній, и котораго, по словамъ Сумарокова, Государыня знала наизусть. Теорію воспитанія Локка потомъ развивали и видоизмѣняли, но многія положенія его сохранили и послѣдующіе педагоги: Руссо, Базедовъ и др., привлекавшіе къ себѣ всеобщее вниманіе во второй половинѣ XVIII вѣка. Въ эту эпоху распространена была идея, что для борьбы съ безнравственностью общества и для дарованія ему счастья слѣдуетъ создать „новую породу людей", выдѣляя ребенка, какъ можно, ранѣе изъ окружающей его среды и воспитывая его въ закрытомъ учебномъ заведеніи, вдали отъ всякаго вліянія извнѣ. Такая мысль легла въ основаніе нашихъ воспитательныхъ учебныхъ заведеній, учреждавшихся при Имп. Екатеринѣ II. Другая господствовавшая тогда идея тоже дана была Локкомъ. Западная школа XVII столѣтія сообщала только знанія, и знанія часто безполезныя, и потому англійскій мыслитель, энергично вооружившись противъ этого, поставилъ воспитаніе выше обученія, упуская изъ виду, что только тѣ поступки можно назвать истинно возвышенными и достойными глубокаго уваженія, въ которыхъ воля дѣиствуетъ по указанію разума. Надежны только тѣ люди, которые, обладая умственнымъ развитіемъ, пріобрѣтаемымъ чрезъ обученіе могутъ контролировать разумомъ свои дѣйствія. Поэтому для высокой нравственности человѣку нужно обладать яснымъ пони-

маніемъ своихъ отношеній къ Творцу, міру, своему отечеству и ближнему, что именно и дается обученіемъ. Невѣрная идея Локка, слишкомъ унижающая обученіе, развивалась затѣмъ у Руссо и его послѣдователей, и потомъ перешла и къ нашимъ представителямъ педагогической литературы; мы ее видимъ и въ сочиненіяхъ Имп. Екатерины II, она же легла и въ основаніе тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя учреждались въ ея царствованіе. При ближайшемъ участіи Государыни, правительство стремится примѣнить всѣ эти идеи къ дѣлу народнаго образованія. Главными сотрудниками въ этомъ у Императрицы является И. И. Бецкій и вызванный изъ Австріи извѣстный тамъ директоръ училищъ православный сербъ Янковичъ де-Миріево, знающій русскій языкъ. Составляется подробный проектъ „о воспитаніи обоего пола юношества“; для всеобщаго свѣдѣнія разсылается по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ имперіи „краткое наставленіе, выбранное изъ лучшихъ авторовъ“ о воспитаніи дѣтей; издаются новые учебники, и во многихъ мѣстахъ открываются народныя и другія училища. Наконецъ, учрежденіемъ при Воскресенскомъ монастырѣ въ Петербургѣ Воспитательнаго Общества для 200 благородныхъ дѣвицъ, (Смольный Институтъ) и Мѣщанскаго Училища при немъ государство впервые беретъ на себя заботу о воспитаніи русской женщины, что составляетъ уже великій шагъ въ прогрессѣ русскаго общества.

а) „Инструкція Кн. Н. И. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію Великихъ Князей“ 1784 г.

Локкъ держался принципа: „въ здоровомъ тѣлѣ—здоровый духъ“, и потому серьезно остановился на физическомъ воспитаніи, какъ условіи бодрости духа, веселости и силы воли. Точно также и въ главномъ педагогическомъ трудѣ Императрицы: „Инструкція Н. И. Салтыкову при назначеніи его къ воспитанію Великихъ Князей“ Александра и Константина, внуковъ Государыни, первая глава посвящена гигіенѣ дѣтей. Многія правила здѣсь почти дословно повторяютъ сказанное Локкомъ въ его сочиненіи: „Мысли о воспитаніи“, вслѣдствіе чего гигіеническая обстановка Великихъ Князей должна была отличаться нѣкоторою суровостью и вмѣстѣ съ тѣмъ представлять имъ возможность свободно упражнять свои силы. Есть, однако, мѣста въ этой главѣ, не заимствованныя у Локка, а непосредственно связанныя съ указаніемъ ближайшаго опыта, какъ напр., совѣтъ пользоваться русскими банями. Для успѣшности въ духовномъ развитіи Локкъ требуетъ отсутствія принужденій въ занятіяхъ и обученіи, предоставленія дѣтямъ свободы и вмѣстѣ съ тѣмъ безпрекословнаго съ ихъ стороны послушанія, почти полнаго устраненія тѣлесныхъ наказаній, господствовавшихъ тогда въ Зап. Европ. и у насъ, и воздѣйствія на ребенка черезъ похвалу и стыдъ. Мы видимъ теперь

излишнее увлеченіе въ этихъ взглядахъ, но они раздѣлялись выдающимися писателями того времени, и потому понятно, что ихъ воспроизвела и Императрица въ слѣдующихъ четырехъ (Б — Е) главахъ Инструкціи, посвященныхъ „умонаклоненію къ добру“, учтивости и поведенію дѣтей.

Изъ главы Б.

НАСТАВЛЕНІЕ.

касательно продолженія и подкрѣпленія умонаклоненія къ добру.

Кто отъ природы къ доброму и лучшему стремится, тотъ родился счастливъ. Доброе сердце, нравъ тихій, въ обхожденіи учтивость, привѣтливость и снисхожденіе всѣмъ людямъ нравится; гордость, нахальство, надменность и притворство равно всѣмъ людямъ несносны.

Хвалы, даваемыя хорошему поведенію, хулы и пренебреженія хулы достойному суть тѣ способы, коими поощряется хорошее и отвращается дурное поведеніе. Въ награжденіе добрыхъ дѣлъ представить дѣтямъ надлежитъ честь, доброе имя и славу; а за дурныя дѣла стыдъ и поношеніе.

Никакое наказаніе обыкновенно дѣтямъ полезно быть не можетъ, буде не соединено со

стыдомъ, что учинили дурно; кольми паче такимъ дѣтямъ, въ душахъ коихъ стыдъ къ дурному вселенъ отъ младенчества, и для того предписывается: твердить воспитанникамъ и давать имъ чувствовать при всякомъ удобномъ случаѣ, что тѣ, кои прилежаніемъ и радѣніемъ исполняютъ отъ нихъ требуемое, у всѣхъ людей выигрываютъ любовь и хвалу; а за неприлежаніе и нерадѣніе воспослѣдуетъ презрѣніе, нелюбовь, и никто ихъ не похвалитъ.

Изъ главы Е.

НАСТАВЛЕНІЕ

касательно знанія и того, что потому отъ дѣтей требуется.

Знать обращеніе въ свѣтѣ и обхожденіе, сходственное рожденію Ихъ Высочествъ, и чѣмъ отличиться для нихъ пристойно: вотъ въ чемъ ихъ знаніе быть долженствуетъ.

И для того наивящшее дѣло приставниковъ есть питомцамъ дать обращеніе учтивое, здравое понятіе о вещахъ, поваживать ихъ къ обычаямъ добрымъ при всякомъ случаѣ, вложить въ нихъ правила добродѣтели, послушаніе къ Намъ, почтеніе къ родителямъ, любовь къ истинѣ, благоволеніе къ роду человѣческому, снисхо-

жденіе къ ближнему; исподволь показывать имъ вещи, каковы суть, и каковы быть должны. Поощрять въ нихъ охоту перенимать лучшее, любить достойное, почитать заслуживающее почтеніе, вселять въ нихъ стремленіе и прилежаніе, нужное къ полученію успѣховъ и къ преодолѣнію препятствій, безъ чего счастливо достигнуть ни до чего не можно.

Ученіе же, или знаніе, да будетъ имъ единственно отвращеніемъ отъ праздности и способомъ къ познанію естественныхъ ихъ способностей и дабы привыкли къ труду и прилежанію.

Буде въ дѣтяхъ свободность духа не будетъ угнетаема приставниками, то отъ игры къ ученію приступать они будутъ столь же охотно, какъ къ игрѣ, и для того отнюдь Ихъ Высочествъ не принуждать къ ученію, но представлять имъ, что учатся ради себя и для своей пользы. Буде не прилежно пишутъ, читаютъ или иному учатся, тогда отобрать на тотъ часъ перья, чернила, бумагу, книги и прочее; то сами уже просить будутъ, чтобъ возвратили.

Когда учиться будутъ непринужденно, но добровольно, тогда такожде охотно учиться будутъ, какъ играть. Не принуждая Ихъ Высочествъ къ ученію, сами просить будутъ и приходить къ ученію, какъ къ игрушкамъ.

Буде къ которой новой наукѣ охоты не имѣютъ, тогда при нихъ посадить учить приставленныхъ къ нимъ молодыхъ людей, Клавдія съ товарищи, какъ и по сію пору при нихъ заведено.

Когда къ какому ученію, въ которое время, или часы, охоты не имѣютъ, тогда Ихъ Высочествъ къ тому не принуждать; но прилежно избирать иной часъ или время, когда охоту къ тому имѣть будутъ.

При всякомъ ученіи не держать дѣтей болѣе получаса сряду и кончить всегда прежде, нежели они станутъ скучать. Къ ученію не принуждать дѣтей и за ученіе не бранить. Буде учатся хорошо своею охотою, тогда похвалить.

Дѣтямъ трудно имѣть прилежаніе.

Страхомъ научить нельзя; ибо въ душу страхомъ занятую, не болѣе вложить можно ученія, какъ на дрожащей бумагѣ написать.

Не столько учить дѣтей, колико имъ нужно дать охоту, желаніе и любовь къ знанію, дабы сами искали умножить свое знаніе.

. . . .

. . . .

О языкахъ.

Языки и знанія суть меньшая часть воспитанія Ихъ Высочествъ. Добродѣтели и добро-

нравіе, состоянію и рожденію ихъ приличныя, составлять должны главнѣйшую часть ихъ наставленія. Когда добродѣтели и добронравіе вкоренятся въ душахъ дѣтей, все прочее пріидетъ ко времени.

Языкамъ неиначе учить, какъ разговаривая съ ними на тѣхъ языкахъ, но чтобъ притомъ не позабывали своего языка Русскаго и для того читать и говорить съ дѣтьми и по Русски, и стараться, чтобъ говорили по русски хорошо.

Хотя и смягчила Императрица нападки практика Локка на искусства, но тѣмъ не менѣе высказывала, что „виршамъ и музыкѣ учить не для чего, тѣмъ и другимъ много времени теряется, дабы достигнуть искусства". Говоря же о научныхъ предметахъ, она встала вполнѣ на національную точку зрѣнія, предлагая болѣе изучать то, что связано съ прошлымъ и настоящимъ Россіи. Послѣдняя, седьмая глава „Инструкціи" даетъ наставленіе „приставникамъ касательно ихъ поведенія съ воспитанниками".

б) Труды по дѣтской литературѣ.

Имп. Екатерина II не только давала указанія, какъ воспитывать подрастающее поколѣніе, но и старалась облегчить это дѣло, для чего и составила цѣлый рядъ книгъ для дѣтей и юношества. Хотя всѣ эти труды ближайшимъ образомъ предназначались для воспитанія великихъ князей, но вмѣстѣ съ тѣмъ имѣли и об-

щественное значеніе. Ея „Гражданское начальное ученіе“ представляетъ 209 изреченій нравственнаго, историческаго или географическаго содержанія, имѣвшихъ въ виду служить для подготовки государству хорошихъ гражданъ. Приложеніемъ къ этому труду служитъ „Россійская азбука для обученія юношества чтенію, напечатанная для общественныхъ школъ по Высочайшему повелѣнію“. Здѣсь помѣщены алфавиты русскій, церковнославянскій и греческій, склады и греческія слова съ русскимъ переводомъ. Многія изъ мыслей, высказанныхъ въ „Гражданскомъ начальномъ ученіи“, встрѣчаются и въ „Наказѣ“ и въ „Инструкціи Н. И. Салтыкову“. Такимъ же національнымъ и нравственнымъ характеромъ отличаются и „Записки“ Государыни, состоящія изъ 90 параграфовъ, представляющихъ изъ себя въ большинствѣ случаевъ небольшіе разсказы о жизни и природѣ на окраинахъ Россіи. Для начинающихъ читать есть у нея еще „Разговоры и разсказы“ нравственнаго содержанія. Съ педагогическою же цѣлью, для утвержденія правильныхъ взглядовъ на обязанности гражданина, на трудъ и ученіе были изданы Императрицею „Выборныя пословицы“, числомъ 126. Особенною извѣстностью пользуются двѣ ея сказки: „О царевичѣ Февеѣ“ и „О царевичѣ Хлорѣ“; послѣдняя послужила поводомъ для знаменитой оды Державина: „Фелица“. Въ общемъ всѣ эти разсказы носятъ ясно обнаруживающійся нравоучительный характеръ, который въ насто-

ящее время устраняется изъ дѣтской литературы, но который въ концѣ прошлаго столѣтія преобладалъ у выдающихся нѣмецкихъ авторовъ дѣтскихъ книгъ, напр., у Базедова, получившаго матерьяльную поддержку и отъ Имп Екатерины II для своихъ педагогическихъ предпріятій.

Для юношества же при содѣйствіи нѣсколькихъ ученыхъ, составившихъ лѣтописный сводъ, написаны Государыней шесть томовъ „Записокъ касательно Россійской исторіи“, въ которыхъ, съ нѣкоторой попыткой на критику, излагаются событія до 1276 года. Этотъ трудъ характеризуется самымъ предисловіемъ, въ которомъ говорится:

„Сіи Записки касательно Россійской исторіи сочиненены для юношества въ такое время, когда выходятъ на чужестранныхъ языкахъ книги подъ именемъ исторіи Россійской, кои скорѣе именовать можно сотвореніями пристрастными, ибо каждый листъ свидѣтельствомъ служитъ, съ какою ненавистью писанъ, каждое обстоятельство въ превратномъ видѣ не только представлено, но къ онымъ не стыдились прибавить злобные толки“.

Въ этомъ трудѣ Государыня постоянно сопоставляетъ событія изъ русской жизни съ современными имъ фактами изъ исторіи Запада, Азіи, даже Африки и старается смягчить темныя стороны нашей исторіи.

Сказка о царевичѣ Хлорѣ.

1781 г.

„До временъ Кія, Князя Кіевскаго“, говорится въ сказкѣ, „жилъ да былъ въ Россіи царь, добрый человѣкъ, который любилъ правду и желалъ всѣмъ людямъ добра“. Съ этою цѣлью онъ вмѣстѣ съ царицею часто объѣзжалъ свои области, и во время одного такого объѣзда у нихъ родился „сынъ дивныя красоты“, которому дали имя Хлоръ (по гречески это значитъ—юный). Война заставила царя оставить сына на попеченіе „семерыхъ нянь, разумныхъ и въ дѣтскомъ воспитаніи искусныхъ“, и помѣстить ихъ въ укрѣпленномъ городѣ, въ очень удобномъ, но не роскошномъ домѣ. Между тѣмъ какой-то ханъ киргизскій, увлеченный слухомъ о „красотѣ, умѣ и хорошихъ дарованіяхъ“ царевича, рѣшился его похитить. Няни не поддавались подкупу, но ребенокъ какъ-то ихъ не послушался и былъ похищенъ обманомъ. Киргизскіе старшины старались всячески утѣшить царевича, но не могли; тогда они „вздумали его стращать небывальщиной, сказали: перестань плакать, или оборотимъ тебя летучею мышью, или коршуномъ, а тамъ волкъ или лягушка тебя съѣстъ. Царевичъ небоязливъ былъ“, расхохотался и нѣсколько успокоился. Одни изъ вольможъ хвалили хана за это похищеніе, а тѣ, „кои прямо любили“ его, порицали за это. Ханъ же сказалъ Хлору: „сыщи, пожалуй, цвѣтокъ—розу безъ шиповъ, что не

колется,..... сроку же даю тебѣ трои сутки". Дочь Хана, Фелица (по-латыни это значитъ счастливая), сожалѣя царевича, предостерегла его отъ многихъ обольщенiй на пути, сказала, что найти такую розу „не такъ чрезвычайно трудно, буде кто прямодушенъ и твердо пребываетъ въ добромъ намѣренiи", что видѣла „мѣщанъ и крестьянъ, кои въ томъ успѣвали не хуже вельможъ и царей и царицъ", и дала ему въ проводники своего сына по имени Разсудокъ. На пути они встрѣтили людей, которые старались увлечь Царевича своимъ веселымъ образомъ жизни, но онъ не поддавался, и Разсудокъ помогъ ему вырваться отъ нихъ. Затѣмъ Лѣнтягъ-Мурза и его приближенные, сами праздно проводя время, пытались разочаровать Хлора въ достиженiи его цѣли, и уже Царевичъ началъ поддаваться ихъ влiянiю, но его во время удержалъ отъ этого Разсудокъ, и оба вышли изъ хоромъ Лѣнтягъ-Мурзы". Сказка заканчивается слѣдующими страницами.

Сельное счастiе.

Въ недальнемъ разстоянiи увидѣли домъ крестьянскiй и нѣсколько десятинъ весьма удобренной земли, на которой всякiй хлѣбъ, какъ то: рожь, овесъ, ячмень, гречиха, и проч. засѣянъ былъ; иной поспѣвалъ, иной лишь вышелъ изъ земли. Подалѣе увидѣли луга, на которыхъ паслися овцы, коровы и лошади. Хозяина они нашли съ лейкою въ рукахъ; обливаетъ раз-

саженные женою его огурцы и капусту, дѣти же упражнены были въ другомъ мѣстѣ, щипали траву негодную изъ овощей. Разсудокъ сказалъ: Богъ помочь, добрые люди; они отвѣтствовали: спасибо, баричи; кланялись же Царевичу незнакомо, но Разсудокъ пріязненно просили, говоря: посѣти, пожалуй, наше жилище, и матушка твоя Ханша насъ жалуетъ, посѣщаетъ и не оставляетъ. Разсудокъ согласился къ нимъ войти; пошли съ Хлоромъ на дворъ, посреди двора стоялъ ветхій и высокій дубъ, а подъ нимъ широкая, чисто выскобленная лавка, а передъ лавкою столъ; гости сѣли на лавку, хозяйка съ невѣсткою разослали по столу скатерть и поставили на столѣ чашу съ простоквашею, другую съ яичницею, блюдо блиновъ горячихъ и яицъ въ смятку, а порединѣ ветчину добрую, положили на столѣ ситный хлѣбъ, да поставили возлѣ каждаго крынку молока, а послѣ вмѣсто закусокъ принесли соты и огурцы свѣжіе, да клюкву съ медомъ. Хозяинъ просилъ: покушайте, пожалуй. Путешественники, которые проголадались, ничѣмъ не гнушались и межъ тѣмъ разговаривали съ хозяиномъ и хозяйкою, кои имъ разсказывали, какъ они живутъ здорово, весело и спокойно и во всякомъ удовольствіи по ихъ состоянію, провождая вѣкъ въ крестьянской работѣ и преодолѣвая трудолюбіемъ всякую

нужду и недостатокъ. Послѣ ужина на той же лавкѣ разослали войлочки; Хлоръ и Разсудокъ на нихъ положили свои епанчи *), хозяйка каждому принесла подушку съ бѣлою наволочкою, легли спать и заснули крѣпко, для того, что устали.

Поутру встали на разсвѣтѣ, поблагодарили хозяина, который за ночлегъ ничего съ нихъ взять не захотѣлъ, и пошли въ путь. Отшедъ съ полверсты, услышали издали, что играютъ на волынкѣ **). Хлоръ вздумалъ подойти поближе, но Разсудокъ молвилъ, что волынкою отведутъ ихъ отъ пути: любопытство Хлора принудило его; подошедъ къ волынкѣ, но, увидя шалости пьяношатающихся въ безобразіи около волынишника, испугался и кинулся Разсудку на руки; сей его отнесъ паки на прямую дорогу, гдѣ вскорѣ, прошедъ рощу, увидѣли возвышеніе крутое. Разсудокъ сказалъ Царевичу, что тутъ растетъ роза безъ шиповъ, которая не колется. Здѣсь Хлоръ почувствовалъ зной солнечный и усталъ; началъ скучать, говорилъ, что конца нѣтъ той дорогѣ, долго ли это будетъ, нельзя ли итти по оной дорогѣ? Разсудокъ от-

---

*) Дорожные а иногда и щегольскіе плащи.

**) Музыкальный инструментъ, состоящій изъ кожанаго пузыря, сверху надуваемаго черезъ трубочку, съ отверстіями для игры пальцами.

вѣчалъ, что онъ ведетъ его ближнимъ путемъ, и что терпѣніемъ однимъ преодолѣвается трудъ. Царевичъ съ неудовольствіемъ сказалъ: авось либо самъ сыщу дорогу, и, махнувъ рукою, удвоилъ шагъ, удалился отъ провожатаго.

Разсудокъ остался позади и пошелъ за нимъ молча тихимъ шагомъ. Дитя забрело въ мѣстечко, гдѣ мало кто-бы на него поглядѣлъ, ибо торговый день былъ, и всѣ люди заняты были торгомъ и мѣною на рынкѣ. Царевичъ, ходя между телѣгами и посреди торговаго шума, заплакалъ; одинъ человѣкъ, который его не зналъ, пошелъ мимо его и, увидя, что дитя плачетъ, сказалъ ему: перестань, щенокъ, кричать, и безъ тебя здѣсь шуму довольно. Разсудокъ дошелъ до него въ самое то время; Царевичъ жаловался на того человѣка, что щенкомъ его назвалъ. Разсудокъ, ни слова не говоря, вывелъ его оттуда; когда же Хлоръ спросилъ, для чего онъ не говоритъ по прежнему съ нимъ, Разсудокъ на то сказалъ: ты моихъ совѣтовъ не спрашиваешь, самъ же забрелъ въ непристойное мѣсто, такъ не прогнѣвайся, буде нашелъ людей или рѣчи не по твоимъ мыслямъ. Разсудокъ продолжать хотѣлъ рѣчь, но встрѣтили они человѣка немолодаго, но пріятнаго вида, который окруженъ былъ множествомъ юношъ. Хлоръ, всегда любопытствуя о всемъ, отозвалъ одного изъ

нихъ, спросилъ; кто таковъ? Юноша сказалъ, что сей человѣкъ есть учитель нашъ; мы отучились, идемъ гулять; а вы куда идете? на что Царевичъ отвѣтствовалъ: мы ищемъ розу безъ шиповъ, которая не колется. Слыхалъ я, сказалъ юноша, толкованіе розы безъ шиповъ, которая не колется, отъ нашего учителя; сей цвѣтокъ не что иное значитъ, какъ добродѣтель; иные думаютъ достигнуть косыми дорогами, но ни кто не достигнетъ окромѣ прямою дорогою; счастливъ же тотъ, который чистосердечно твердостію преодолѣваетъ всѣ трудности того пути. Вотъ гора у васъ въ виду, на которой растетъ роза безъ шиповъ, которая не колется, но дорога крута и камениста. Сказавъ это, простился съ ними, пошелъ за своимъ учителемъ.

Хлоръ съ провожатымъ пошли прямо къ горѣ и нашли узкую и каменистую тропинку, по которой шли съ трудомъ. Тутъ попался имъ на встрѣчу старикъ и старуха въ бѣломъ платьѣ, равно почтеннаго вида; они имъ протянули посохи свои, сказали: упирайтеся на нихъ, не спотыкнетеся. Здѣсь находящіеся сказали, что имя перваго Честность, а другой Правда.

Дошедъ, упираючись на тѣхъ посохахъ, до подошвы горы, принуждены нашлись взлѣсть съ тропинки на вѣтвь, да съ вѣтви на вѣтвь,

добрались до вершины горы, гдѣ нашли розу безъ шиповъ, которая не колется. Лишь успѣли снять ее съ куста, какъ въ тамо находящемся храмѣ заиграли на трубахъ и на литаврахъ *), и разнесся по всюду слухъ, что Царевичъ Хлоръ сыскалъ въ такихъ молодыхъ лѣтахъ розу безъ шиповъ, которая не колется. Онъ поспѣшилъ къ Хану съ цвѣткомъ. Ханъ же Хлора и со цвѣткомъ отослали къ Царю. Сей обрадовался столько пріѣзду Царевича и его успѣхамъ, что позабылъ всю тоску и печаль. Царевича Царь и Царица и всѣ люди любили часъ отъ часу болѣе для того, что часъ отъ часу укрѣплялся въ добродѣтели. Здѣсь сказка кончится, а кто больше знаетъ, тотъ другую скажетъ.

Сказка о царевичѣ Θевеѣ.

1782 г.

Одинъ сибирскій Царь, говорится въ сказкѣ, видя, что всѣ средства врачей не возстановляютъ здоровья его жены, обратился за совѣтомъ къ отшельнику—мудрецу, бывшему вельможѣ сосѣдняго князя. Этотъ мудрецъ вытерпѣлъ при дворѣ своего князя многія напрасныя

*) То-же самое, что бубны.

нападки и удалился въ лѣсъ для „спознованія свойства травъ, дабы оныя употребить къ случаю въ пользу ближняго“.

Лѣсной нашъ врачъ сказалъ Царю: „надежда Государь, запрети своей Царицѣ спать днемъ, говорить ночью, кушать и пить не въ обѣдъ а ужинъ, и прикажи ей встать и не лежать окромѣ ночи, одѣяла же лисьяго употреблять въ теплой горницѣ вовсе не годится, Царицу заставь ходить, ѣздить и пользоваться воздухомъ“. Царь уговаривать началъ Царицу, чтобъ поступала по словамъ лѣснаго врача, она отговаривалась, говоря: „я привыкла такъ жить, какъ мнѣ перемѣнить свой обычай, свой образъ жизни“? однако просьбы Царя убѣдили привычку, подняли Царицу съ постели изъ подъ теплаго одѣяла бархатнаго на чернолисьемъ мѣху, сначала водили ее подъ руки; потомъ стала ходить сама, погодя посадили ее въ сани запряженныя шестью оленями, у оленей рога были вызолочены, хомуты же горностаевы съ яхонтовыми пряжками, ѣздила цѣлые два часа, возвратясь домой стала Царица кушать и почивать порядочно, цвѣтъ лица поправился, оказался красивъ по прежнему, глаза ея паки свѣтилися яко искры, барыни и барышни съ радости сложили пѣсню, которая начиналась сими словами: выздоровѣла наша Царица, вы-

здоровѣла и безъ лѣкарства. И правда, Царица не токмо выздоровѣла отъ порядочнаго образа жизни, но черезъ годъ Богъ далъ Царю и Царицѣ сына, прекраснаго царевича, дали ему имя, назвали его Февей, то есть, красное солнышко *). Царь наградилъ щедро того искуснаго человѣка, который безъ лѣкарства исцѣлилъ Царицу, и отпустилъ его жить, гдѣ самъ избралъ, Царь же прилежно упражнялся воспитаніемъ своего сына. Приставили къ нему маму, вдову разумную, которая умѣла различать, кричитъ ли дитя отъ нужды, болѣзни, или своеволія, его не пеленали, не кутали, не баюкали, не качали никакъ и никогда, кормили же его порядочно и во время. Дитя росло, что любо было смотрѣть. Какъ минуло шесть недѣль, принесли большой коверъ пестрой съ цвѣтными разводами; коверъ былъ сажени двѣ длинника и столько же поперечника, постлали коверъ на землю въ опочивальнѣ дѣтской, и какъ дитя проснулся, положили Царское дитя на землю на тотъ коверъ на бочокъ на правой, дитя же повернулся тотчасъ на брюшко; всякой день нѣсколько разъ дѣлали тоже, помаленьку повадился упираться ручками и ножками, и вскорѣ

*) Отъ греческаго прилагательнаго, означающаго; свѣтлый, чистый; Фебъ—богъ солнца.

всталъ на ноги, ходилъ прежде года по стѣнкѣ, а потомъ по горницѣ. Начали дитя забавлять игрушками, игрушками отборными, которыя давали ему спознаніе всего того, что его окружало въ свѣтѣ семъ, и его понятію дѣтскому сходственно было, дитя, не умѣя еще говорить, самъ себѣ сдѣлалъ означеніе всего того, что хотѣлъ изъяснить, и даже до азбучныхъ словъ зналъ; когда у него спрашивали, гдѣ которая литера, то указывалъ. Въ болѣзни повадился быть терпѣливъ и держался какъ возможно тише, чрезъ что болѣзненные припадки преодолѣвалъ, сномъ же уменьшались. Трехъ лѣтъ привили ему оспу *), послѣ которой получилъ наивящее любопытство и охоту къ спознанію всего. Самъ собою безъ принужденія выучился читать, писать и цыфири. Любимыя его игрушки были тѣ, чрезъ кои онъ получалъ умноженіе знанія. Царевичь имѣлъ доброе сердце, былъ жалостливъ, щедръ, послушливъ, благодаренъ, почтителенъ къ родителямъ и приставникамъ своимъ; онъ былъ учтивъ, привѣтливъ и съ доброходствомъ ко всѣмъ людямъ, не спорливъ,

*) Оспа, до искусственнаго ея прививанія, производила у насъ громадныя опустошенія. Впервые у насъ она была привита самой Императрицѣ и затѣмъ Наслѣднику престола. Значеніе этой предохранительной мѣры тогда многими преувеличивалось; въ Западной Европѣ даже позднѣе явилась цѣлая поэма, посвященная оспопрививанію.

не упрямъ, не боязливъ, повиновался всегда и вездѣ истинѣ и здравому разсудку, любилъ говорить и слушать правду, лжи же гнушался, даже и въ шуткахъ не употреблялъ. Его водили на свѣжій воздухъ лѣтомъ и зимою во всякое время, когда сіе не вредило его здоровью. Какъ минуло Царевичу семь лѣтъ, приставили къ нему дядьку, барина пожилаго, человѣка честнаго. Баринъ началъ сажать Царевича юнаго верхомъ сперва понемногу; учился стрѣлять изъ лука и изъ ружья, метать копья въ цѣль, лѣтомъ купался и плавалъ въ рѣкѣ, въ рѣкѣ въ Иртышѣ. Избрали для Царевича игры всякія, кои придаютъ тѣлу силы и поворотливость, уму бодрость и расторопность, книгами и ученіемъ подкрѣпляли душевныя его дарованія. Царевичъ выросъ и окрѣпчалъ тѣломъ, здоровьемъ и душею.

Дальше разсказывается, что Царь не отпустилъ Царевича путешествовать, сказавъ, что прежде желаетъ испытать, сколько послушенъ онъ ему, сколько „въ душѣ имѣетъ твердости, въ несчастіи терпѣнія, въ счастіи умѣренности“, желаетъ испытать его смѣлость, щедрость, великодушіе и кротость. Тогда Февей, изысканно вѣжливый, совершаетъ подвиги безпредѣльнаго послушанія, твердости, храбрости, доброты, кротости, терпѣнія и благодарности. Потомъ онъ женится „ѣздитъ въ разныя мѣста и земли;

дѣти своими добродѣтелями походятъ на него, и родъ его и нынѣ славенъ въ народѣ томъ, гдѣ онъ былъ“.

в) Труды научнаго характера.

Произведеніе Императрицы: „Записки касательно Россійской Исторіи“, въ которыхъ мы находимъ уже нѣкоторые критическіе пріемы, вызвали возраженія въ литературѣ, и Государыня написала на нихъ свои замѣчанія, въ которыхъ признавала, что „нашла во многомъ здравую критику Записокъ касательно Россійской исторіи, но что написано, то написано, по крайней мѣрѣ ни нація, ни государство въ нихъ не унижены“. Уже не съ педагогическою цѣлью, но тоже изъ патріотическаго мотива, предпринято было Имп. Екатериною II сочиненіе книги: „Andidote (противоядіе) ou exameu d'un mauvais livre, superbement imprimé, intitulé: Vuyage en Siberie, fait par ordre du Roi“. Этотъ трудъ, два томика, написанные на французскомъ языкѣ, вызванъ былъ пристрастнымъ описаніемъ Россіи, сдѣланнымъ членомъ Французской Академіи, абфатомъ Шаппъ-д-Отерош'омъ, ѣздившимъ въ Сибирь для наблюденія прохожденія Венеры предъ солнцемъ. Не смотря на то, что Шаппъ восхваляетъ Императрицу, онъ представляетъ Россію въ очень дурномъ видѣ, почему Государыня въ своемъ сочиненіи Andidote и стремится доказать, что Россія ничѣмъ не хуже другихъ государствъ. Кромѣ того, видя незна-

комство въ Зап. Европѣ съ обиліемъ нарѣчій въ нашемъ государствѣ и заинтересовавшись поднятымъ тогда вопросомъ о происхожденіи языковъ, Екатерина II, при помощи многихъ ученыхъ и посланниковъ при различныхъ дворахъ, работаетъ по сравнительному языкознанію. Результатомъ этого является изданіе, озаглавленное: „Сравнительные словари всѣхъ языковъ и нарѣчій, собранные десницею высочайшей особы". Здѣсь помѣщены 285 русскихъ словъ, переведенныхъ на 200 языковъ. Знаменитый германскій ученый Як. Гриммъ и нѣкоторые послѣдующіе филологи говорятъ, что этотъ трудъ содѣйствовалъ развитію языкознанія въ Европѣ.

Вообще, расширенію научныхъ изслѣдованій въ Россіи Императрица содѣйствовала не только своими сочиненіями, но и другими мѣрами, зависившими отъ нея, какъ монархини. Такъ, по ея собственной иниціативѣ, вызываются въ Россію свѣтила европейской науки, труды которыхъ щедро вознаграждаются, а также тратятся большія суммы на начавшіяся уже раньше изслѣдованія Россіи въ ея историческомъ и географическомъ отношеніяхъ. Большой шагъ впередъ дѣлаетъ наше національное самосознаніе вслѣдствіе основанія „Россійской Академіи", на исторію которой теперь смотрятъ, „какъ на обширную главу" изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія". На ряду съ этимъ разрѣшается всѣмъ и каждому открывать типографіи, отчего книги и журналы получаютъ несравненно большее распространеніе.

При Имп. Елизаветѣ Петровнѣ всѣ журналы, за исключеніемъ „Трудолюбивой пчелы“ Сумарокова, издавались не иначе, какъ при государственныхъ учрежденіяхъ; въ эпоху же Екатерины II является много журналовъ, предпринятыхъ частными лицами и издававшихся внѣ всякихъ казенныхъ учрежденій. Сравнительно съ прежнимъ, литературѣ дается и большая свобода слова. Одно то, что существуетъ, хотя и недолго, полемика противъ журнала: „Всякая всячина“, который завѣдомо руководился самой Императрицей, достаточно свидѣтельствуетъ о томъ, что для мысли писателя нѣтъ уже прежнихъ стѣсненій.

III.

ТРУДЫ БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКАГО ХАРАКТЕРА.

Чисто литературныя сочиненія Императрицы Екатерины II представляютъ собою рядъ драматическихъ произведеній и рядъ сатирическихъ очерковъ. Первыя въ свою очередь раздѣляются на нѣсколько группъ.

а) Комедіи обще-бытовыя.

Главными комедіями Императрицы считаются: „О время!“, безъ пропусковъ приводимая ниже, и „Имянины г-жи Ворчалкиной“. Содержаніе большинства ея комедій видно изъ самыхъ названій ихъ: „г-жа Вѣстникова съ семьей“, „Разстроенная семья острожками (предостереженіями) и подозрѣніями“, „Передняя знатнаго боярина“, „Недоразумѣнія“ и т. д. Всѣ эти комедіи, не отличаясь художественностью, носятъ характеръ ложнаго классицизма съ его единствами, стремленіемъ смѣшить зрителей, съ его резонерами и наперсницами. На ряду съ типами, дѣйствительно взятыми изъ русской жизни, какъ напр., Ворчалкина, Ханжахина

(„О время!“) и разработанными впослѣдствіи у другихъ писателей, мы видимъ другіе характеры, совершенно не встрѣчавшіеся въ нашей жизни, какъ напр., типъ горничной, служащій во многихъ комедіяхъ Императрицы двигателемъ всего дѣйствія. Авторъ почерпнулъ его изъ иностранной литературы или, быть можетъ, хотѣлъ обрисовать тотъ идеалъ прислуги, который, по его идеѣ, долженъ былъ подготовляться въ Мѣщанскомъ Училищѣ при Воскресенскомъ Монастырѣ, (пока это учебное заведеніе не приняло другаго характера). Въ своихъ комедіяхъ Императрица нападаетъ на серьезные недостатки въ нашей жизни: на жестокое обращеніе съ крѣпостными, на дурное воспитаніе, на презрѣніе всего національнаго, на ханжество, суевѣріе, скупость, сплетни и т. д. Комедія: „Вотъ каково имѣть корзину и бѣлье“ представляетъ уже попытку оторваться отъ господствовавшихъ тогда требованій ложнаго классицизма. Это есть не что иное, какъ передѣлка „Виндзорскихъ кумушекъ“ Шекспира, причемъ, однако, русскаго, кромѣ именъ, тамъ нѣтъ ничего; Государыня сама прибавила къ заглавію: „Вольное, но слабое подражаніе Шекспиру“. Благотворное вліяніе англійскаго драматурга сказалось еще на историческихъ комедіяхъ и операхъ Императрицы, что необходимо имѣть въ виду при ихъ разборѣ.

О ВРЕМЯ!

КОМЕДІЯ

ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

Сочинена въ Ярославлѣ во время чумы 1772 года.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Г. Ханжахина.
Вѣстникова.
Чудихина.
Христина, внучка Ханжахиной.
Мавра, служанка Ханжахиной.
Непустовъ.
Молокососовъ.

Дѣйствіе на Москвѣ, въ домѣ г. Ханжахиной.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

Мавра. Повѣрьте, что я говорю правду. Вы не можете ее видѣть. Она теперь молится, и я сама войти къ ней въ горницу не смѣю.

Непустовъ. Да развѣ она цѣлый день молится? Когда я ни приду, все говорятъ мнѣ, не время; поутру она была у заутрени, а теперь опять на молитвѣ.

Мавра. И все такъ у насъ время проходитъ.

Непустовъ. Молиться хорошо: однако есть въ жизни нашей и должности, которыя свято наблюдать мы обязаны. Неужели она и день и ночь насквозь молится?

Мавра. Нѣтъ. Упражненія наши перемѣнны; однако все идетъ своимъ порядкомъ; иногда у насъ обыкновенныя службы, иногда чтенія миней-четій, а иногда, покинувъ чтеніе, боярыня наша изволитъ проповѣдывать намъ о молитвѣ, воздержаніи и постѣ.

Непустовъ. Слышалъ что я, госпожа твоя ханжитъ много, а о добродѣтеляхъ ея мало я слыхалъ.

Мавра. Правду сказать, и я много о томъ говорить не могу. О постѣ и воздержаніи твердитъ она всѣмъ своимъ людямъ весьма часто, а особенно при раздачѣ мѣсячины и указнаго *). Сама жъ никогда столько прилежности къ молитвѣ не показываетъ, какъ въ то время, когда, приходя къ ней, должники требуютъ отъ нея за забранныя по счетамъ товары платы. Она, швырнувъ одинажды въ меня молитвенникомъ, столь сильно голову мнѣ расшибла, что я съ недѣлю лежать принуждена была: а за что? за то только, что я пришла во время вечерни доложить ей, что купецъ пришелъ за деньгами, которыя она, занявъ у него по шести процентовъ, отдала въ ростъ по шестнадцати со ста. „Проклятая безбожница, кричала она на меня, такой ли теперь часъ? Пришла ты, какъ сатана, искушать меня свѣтскими суетами тогда, когда всѣ мысли мои заняты покаяніемъ, и отъ всякаго о свѣтѣ попеченія удалены“. Прокричавъ съ великимъ сердцемъ сіе, бросила мнѣ въ високъ книгу. Посмотрите, и теперь еще знакъ есть; но я мушкою залѣпливаю его. Не

*) Опредѣленные на мѣсячный срокъ пищевые продукты.
Примѣчаніе редакціи.

можно никакъ къ ней примѣниться: странный весьма человѣкъ: иногда не хочетъ, чтобъ ей говорили, а иногда и въ самой церкви сама безъ умолка и безъ конца болтаетъ. Говоритъ, что грѣшно осуждать ближняго, а сама всѣхъ судитъ, о всѣхъ переговариваетъ; особливо молодыхъ барынь терпѣть не можетъ; и кажется ей, что онѣ все не такъ дѣлаютъ, какъ бы по мнѣнію ея дѣлать надлежало.

Непустовъ. Радъ я узнать ея нравъ: это знаніе поможетъ мнѣ много въ дѣлѣ о женитьбѣ господина Молокососова. Но правду сказать, тудно жъ ему будетъ уживаться съ этакою бабушкою: она или изъ дому его выживетъ, или въ могилу вгонитъ. Сама жъ она требовала, чтобъ мы къ Москвѣ пріѣхали, чтобъ условиться о внучкиной свадьбѣ. Мы для того, отпросясь на двадцать на девять дней въ отпускъ, изъ Петербурга сюда прискакали: и тому уже три недѣли, какъ живучи здѣсь, всякій день о томъ домогаемся, а она всякій день новыя находитъ къ тому препятствія. Намъ приходитъ уже срокъ и мы должны немедленно возвратиться. Что-то будетъ сегодня? Она сегодня обѣщала дать рѣшительное слово, хотя я къ тому и начала не вижу.

Мавра. Потерпите, сударь, немного: послѣ вечерни, можетъ быть, вы ее увидите; а прежде

этого времени она не охотно гостей принимаетъ.

Непустовъ. Да мнѣ есть много кое о чемъ переговорить съ нею, и для того скажи ей, что я здѣсь: авось-либо она и пуститъ меня къ себѣ.

Мавра. Нѣтъ, сударь; я не изъ чего къ ней не пойду. Мнѣ или битой, или по крайней мѣрѣ браненой быть. Она и безъ того часто на меня гнѣвается, и называетъ меня басурманкою за то, что иногда читаю я ежемѣсячныя сочиненія, а иногда и Клевеланда *).

Непустовъ. Да ты можешь ей сказать, что я усильно прошу ее видѣть.

Мавра. Кой часъ вечерня отойдетъ, то я и пойду къ ней, а не прежде. Однако далѣе шести часовъ, я не совѣтую вамъ оставаться. Въ это время наѣдетъ къ ней довольное число подобныхъ ей барынь, которыя обыкновенно забавляютъ ее вѣстьми, изо всѣхъ угловъ города собранными; переговариваютъ и злословятъ всѣхъ знакомыхъ, перебирая ихъ по христіанской любви всѣхъ на перечетъ; увѣдомляютъ о всѣхъ петербургскихъ новостяхъ, къ

---

*) „Философъ англійскій, или житіе Клавеланда, побочнаго сына Кромвеля, имъ самимъ написанное" (1767 г.). Это—романъ аббата Прево, наполненный разнообразными и запутанными приключеніями и проникнутый нравственнымъ направленіемъ.

Примѣчаніе редакціи.

нимъ прилыгая, примышляя; однѣ убавляютъ, другія прибавляютъ. За правду никто въ этомъ собраніи не отвѣтствуетъ; до того намъ дѣла нѣтъ, лишь бы все было выговорено, что слышали, и что къ тому примыслили.

Непустовъ. Да по крайней мѣрѣ оставятъ ли насъ хоть поужинать? Какъ ты думаешь?

Мавра. Сомнѣваюсь. Какіе у постницъ ужины?

Непустовъ. Какъ? Да развѣ отъ скупости вы поститесь? Вѣдь сегодня и день непостный.

Мавра. Я того точно не говорю, только... только... мы лишнихъ гостей не любимъ.

Непустовъ. Говори со мною, Маврушка, откровеннѣе. Какъ тебѣ госпожи своей не знать? Скажи мнѣ правду. Мнѣ кажется, что она наполнена суевѣріемъ и пустосвятствомъ, а притомъ и весьма зла.

Мавра. Кто добродѣтелей ищетъ въ долгихъ молитвахъ и наружныхъ обыкновеніяхъ и обрядахъ, тотъ боярыню мою безъ похвалы не оставитъ. Она наблюдаетъ строго дни праздничные; къ обѣднѣ всякій день ѣздитъ; свѣчу передъ праздникомъ всегда ставитъ; мяса по постамъ не ѣстъ; ходитъ въ шерстяномъ платьѣ... Да не подумайте, что изъ скупости... и ненавидитъ всѣхъ тѣхъ, кои ея правиламъ

не слѣдуютъ. Нынѣшнихъ обычаевъ и роскоши она терпѣть не можетъ, а любитъ и хвалитъ старину и тѣ времена, когда она пятнадцати лѣтъ была; чему уже теперь, благодатію Божіею, годиковъ пятьдесятъ и слишкомъ минуло.

Непустовъ. Что касается до нынѣшней роскоши, я и самъ ея не люблю, и въ этомъ съ нею весьма согласенъ, такъ равно, какъ и старинную искренность почитаю. Похвальна, весьма похвальна старинная вѣрность дружбы и твердое наблюденіе даннаго слова, дабы въ несодержаніи его не было стыдно! Въ этомъ и самъ я одного съ нею мнѣнія. Жаль, по истинѣ жаль, что нынѣ ни чего не стыдятся и многіе молодые молодцы, произнося ложь и обманывая заимодавцевъ, а боярыньки дерзко и похабно противъ мужей поступая, мало отъ чего когда краснѣются.

Мавра. Оставимъ это. Въ платьѣ и головномъ госпожи моей уборѣ найдете вы совершенное изображеніе прародительскаго покроя, въ которомъ она и не малую добродѣтель и чистоту нравовъ поставляетъ.

Непустовъ. Да почему это прародительскіе нравы? Это ни что иное, какъ ничего не значащіе обычаи, коихъ она съ нравами или не различаетъ, или различить не умѣетъ.

Мавра. Однакожъ по мнѣнію госпожи моей,

чѣмъ платьѣ старѣе, тѣмъ болѣе почтенія достойно.

Непустовъ. Скажи жъ мнѣ, пожалуй, что она въ цѣлый день дѣлаетъ?

Мавра. Да гдѣ мнѣ это все упомнить? А тѣмъ болѣе высказать не можно; вы смѣяться станете. Но пусть такъ; нѣчто вамъ раскажу. Она встаетъ по утру въ шесть часовъ, и, слѣдуя, древнему, похвальному обычаю, сходитъ съ постели на босу ногу; сошедъ, оправляетъ предъ образами лампаду; потомъ прочитаетъ утреннія молитвы и акафистъ, потомъ чешетъ свою кошку, обираетъ съ нея блохи и поетъ стихъ: *блаженъ, кто и скоты милуетъ*! А при семъ пѣніи и насъ такъ же миловать изволитъ, иную пощечиной, иную тростью, а иную бранью и проклятіемъ. Потомъ начинается заутреня, во время которой то бранитъ дворецкаго, то шепчетъ молитвы; то посылаетъ провинившихся наканунѣ людей на конюшню пороть батожьемъ, то подаетъ попу кадило; то со внучкою, для чего она молода, бранится; то по четкамъ кладетъ поклоны; то считаетъ жениховъ, за кого бы внучку безъ приданаго съ рукъ сжить то... а! Постойте, сударь, я слышу щумъ: пора мнѣ отсюда убираться. Конечно госпожа моя идетъ; боюсь, чтобъ насъ вмѣстѣ не застала: вѣдь и Богъ знаетъ, что ей на мысль придетъ.

(Отходитъ.)

ЯВЛЕНІЕ II.

Г. ХАНЖАХИНА, Г. НЕПУСТОВЪ.

Ханжахина. А! господинъ Непустовъ, я и не знала, что вы здѣсь, сударь.

Непустовъ. Не погнѣвайтесь сударыня, что я пришелъ отдать вамъ мой поклонъ. Вы изволите знать, какую я до васъ нужду имѣю. Въ вашей волѣ теперь выдать внучку вашу за господина Молокососова, и со мною о приданомъ условиться.

Ханжахина. Ахъ, батька мой! Да какъ мнѣ на это рѣшиться сегодня? вѣдь подумай-ка самъ, это дѣло таково, что требуетъ многаго размышленія. Я должна и того посмотрѣть, съ чѣмъ бы мнѣ и самой остаться. Человѣкъ я бѣдный; вдовье мое дѣло: откуда мнѣ что взять? Пусть злые люди, хоть и говорятъ, хоть и кричатъ о моемъ богатствѣ, да Богъ-то вѣдаетъ, что я не могу наградить внучку свою большимъ приданымъ. Къ тому же сегодня духъ мой такъ безпокоенъ, что я и съ мыслями не могу собраться. У меня столько печали, столько нуждъ, что и конца имъ нѣтъ, такъ что и при молитвѣ злой свѣтъ покою мнѣ не дастъ. Разсудите сами, какъ мнѣ бѣдной не горевать, все дорого, да къ тому жъ люди...

Непустовъ. Правда, сударыня, злыхъ людей много на свѣтѣ; но намъ ихъ не передѣлать; оставимъ ихъ и станемъ о своемъ дѣлѣ говорить. Вы знаете, что намъ долго здѣсь жить не можно. Срокъ близокъ; къ командѣ ѣхать надобно. И такъ уже три дня вы изволили меня и Молокососова обнадеживать, что сегодня дадите намъ рѣшительный отвѣтъ; пожалуйте, исполните свое слово. Жалокъ этотъ молодой человѣкъ будетъ, если онъ попусту взадъ и впередъ проскакать былъ долженъ!

Ханжахина. Я не то, сударь, говорю: изволь самъ разсудить, можно ли спокойному быть духу, если съ кѣмъ то случится, что сдѣлалось сегодня со мною? Я обѣщалась, чтобъ до вечерни положить пятьдесятъ поклоновъ передъ образомъ, которымъ моя покойная бабушка благословила покойную мою матушку, помяни ихъ, Господи! И лишь только начала, анъ гляжу, вошелъ маминъ *) сынъ, и стоитъ, какъ демонъ въ горницѣ. Я ему говорю: поди вонъ, не мѣшай мнѣ, проклятый, молиться; а онъ мнѣ въ ноги; я и въ другой разъ ему молвила: поди ты, сатана, вонъ; а онъ, ничего не говоря, совъ мнѣ въ руку бумажку, да самъ и ушелъ. Какъ вы думаете? Что въ этой бумажкѣ написано?

---

*) Кормилицынъ.

О! несмысленная тварь! О демонское навожденіе!... Онъ осмѣлился просить позволенія—жениться. Мнѣ дескать тридцать уже лѣтъ; мать-де моя умерла, обшить, обмыть некому, и для того женится? Экая негодница! И онъ жениться вздумалъ! Этимъ привелъ онъ меня въ такое сердце, въ такое, батька мой, сердце, что я и число поклоновъ позабыла, и не знаю, сколько положила, и сколько еще класть надобно. Однакожъ велѣла его высѣчь и положить женитьбу ту на спинѣ: позабудетъ онъ у меня мѣшать мнѣ класть поклоны.

Непустовъ. Да вѣдь и онъ человѣкъ, сударыня; въ томъ только его неосторожность, что помѣшалъ вамъ считать поклоны; а, можетъ быть, онъ и не зналъ, что вы на молитвѣ.

Ханжахина. Что за неосторожность! Какъ ему не знать, что я молюся? Я вить всегда молюся. Зачѣмъ ему жениться? Я бъ его проклятаго постригла, но то бѣда, что нынѣ и не.... О! я такъ осердилась, что вся и теперь еще дрожу!

Непустовъ. Такое великое движеніе можетъ повредить ваше здоровье. Оставимъ это; станемъ говорить о нашемъ дѣлѣ и о приданомъ внучки вашей.

Ханжахина. Вы не можете повѣрить, какъ много мнѣ досаждаютъ! Я не вѣдаю, какъ я

отъ сердца по сю пору еще не умерла. На малаго-то я не столько еще сержуся; но поганая дѣвка, которая, прости меня Господи! ему на шею вѣшается, та та мнѣ досадна! Да дамъ же я ей замужество!

Непустовъ. А для чего жъ бы ей нейти замужъ, коли ея лѣта уже такія?

Ханжахина. О, какая она скверная тварь!

Непустовъ. Вы почитаете, сударыня, молитву должностью, равно какъ и я; но вѣдь и снисхожденіе, и любовь къ ближнему есть такъ же должности, закономъ намъ предписанныя.

Ханжахина. Очень хорошо; изрядное показалъ онъ ко мнѣ снисхожденіе и любовь! Мерзскій малый! помѣшалъ мнѣ въ счетѣ поклоновъ.

Непустовъ. Дѣвицу выдать замужъ стоитъ поклоновъ, сударыня.

Ханжахина. Хорошо, батька мой, со стороны такъ разсуждать. А мнѣ вѣдь не бросать же на улицу деньги! Гдѣ ихъ возмешь? Вотъ внучку надобно выдать, и самой такъ же пожить еще хочется, да еще и этакихъ мерзкихъ жени; а все таки дай что нибудь: только и затвердили, что дай, да дай: а вѣдь что больше дашь, то больше у самой убудетъ. Надлежало бы правительству-то сдѣлать такое учрежденіе, чтобъ оно вмѣсто насъ, людей-то бы

нашихъ при женитьбѣ снабжало. Правду сказать, вѣдь оно обо всемъ въ государствѣ-то печися должно, да полно что нынѣ ничего не смотрятъ!

Непустовъ, Правительство имѣетъ довольно попеченія и расходовъ и безъ того, чтобъ снабжать нашихъ людей, которые намъ служатъ, и слѣдовательно на нашихъ рукахъ быть должны. Но пожалуй, сударыня, забудь это, и станемъ говорить о нашей сватьбѣ и приданомъ внучьки вашей Господинъ Молокососовъ скоро сюда будетъ, и станетъ просить вашего на то соизволенія.

Ханжахина. Онъ молодецъ изрядный; я его ни въ чемъ не хулю, и ничего порочнаго въ немъ не вижу. Когда бъ эти проклятыя меня не разсердили, то, можетъ быть, чтобъ я и подумала, чтобы за внучкою-то дать... *(Мавра входитъ.)* Чего ты хочешь, Мавра?

ЯВЛЕНІЕ III.

ХАНЖАХИНА, НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

Мавра. Васъ спрашиваютъ, сударыня. Сосѣдка ваша имѣетъ нужду слова два-три съ вами молвить.

Ханжахина *(Непустову)* Не прогнѣвайся пожалуй: я на часъ выйду; бѣдная вдова, жена

дворянская меня спрашиваетъ: отказать не могу; люблю бѣднымъ помогать... Мавра, побудь ты здѣсь; я тотчасъ назадъ приду.

— —

ЯВЛЕНІЕ IV.

НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

Непустовъ. Чудная женщина!

Мавра. Знаете ли, въ чемъ состоитъ помощь, которую она бѣдной подать хочетъ дворянкѣ? Эта бѣдняжка отъ крайней нищеты заложила ей во стѣ рубляхъ золотую табакерку, которая въ трое того стоитъ, и платить ей по полуполтинѣ на недѣлю росту. Теперь пришелъ срокъ; заплатить ей не чѣмъ; такъ боится, чтобъ и вовсе еще табакерка та не пропала.

Непустовъ. Возможно ли толь безсовѣстно поступать? По полуполтинѣ со ста на недѣлю!... Сказываютъ, что госпожа твоя чрезъ мѣру богата, что у ней тысячъ со стѣ въ росту ходитъ; какъ ей не стыдно брать по полуполтинѣ росту на недѣлю? Да еще съ кого? Съ бѣдной вдовы? сходно ли это съ ея молитвами и постомъ?

Мавра. Какъ бы то ни было, только это такъ... Давича, сударь, я не досказала вамъ какъ она день провождаетъ; изволишь ли дослушать окончаніе?

Непустовъ. Изрядно. Я готовъ, и любопытенъ дослушать.

Мавра. Остановились мы у затрени, послѣ которой читаетъ она какія-то особливыя отъ сильнаго искушенія молитвы.

Непустовъ. Какъ? Она искушенія боится! Она отъ искушенія молится! Да вѣдь ей уже семьдесятъ лѣтъ?

Мавра. До того нѣтъ нужды... Когда она тѣ молитвы читаетъ, то уже кромѣ кошки никто къ ней въ образную войти не смѣетъ... По окончаніи отъ соблазна молитвъ, изволитъ она пойти въ кладовую, гдѣ обметаетъ пыль и чиститъ вещи, кои у ней въ закладѣ, пересматриваетъ крѣпости и закладныя, считаетъ деньги, и изъ мѣшка въ мѣшокъ пересыпаетъ. Тутъ, кромѣ Бога, какъ она говоритъ, никто свидѣтелемъ быть не долженъ; а мнѣ кажется, кромѣ чорта никто тамъ не бываетъ! Потомъ она одѣнется, то есть чулки на ноги, да шубу на грѣшное тѣло надѣнетъ, и поѣдетъ къ обѣднямъ. Отслушаетъ она по разнымъ перквамъ раннихъ и позднихъ обѣдни двѣ-три и столькожъ отпоетъ молебновъ. Въ церквахъ даетъ она свиданья подобнымъ себѣ старушкамъ, разсказываетъ имъ, и отъ нихъ сбираетъ вѣсти разныя, и здѣшнія и петербургскія, словомъ, изо всѣхъ домовъ сплетни, которыя она, вы-

правивъ, прибавивъ и украсивъ благочиніемъ, развозитъ, послѣ обѣда, и послѣ обыкновеннаго съ часъ времени на канапѣ отдыха, изъ дома въ домъ, разсказывая всѣмъ, кто хочетъ и не хочетъ слушать. Потомъ, или мимоѣздомъ гдѣ въ церкви, или дома, отслушаетъ вечерню, послѣ которой сберутся къ ней любимыя ея гостейки и навезутъ новыхъ еще вѣстей.

Непустовъ. Ктожъ эти любимыя ея гости?

Мавра. Сестрица ея, госпожа Вѣстникова, да госпожа Чудихина. Первая жеманна, всезнающа, высокомѣрна, вѣстовщица, злорѣчива, и любитъ при старости наряды; а послѣдняя очень забавна: всякій день новыя у ней примѣты; всего она боится; ото всего обмираетъ; суевѣрна до безконечности; богомольна изъ пышности; мотовка безразсудная, а молебны однакожъ поетъ всегда въ долгъ; ссорщица, сплетница, безстыдна и лжива такъ, какъ болѣе никто быть не можетъ. Вотъ ихъ харак... Но ши... ши... барыня идетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ХАНЖАХИНА, НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

Ханжахина. Жалка бѣдная вдова! Пятеро у нея ребятишекъ, а пить ѣсть нечего. Я не знаю, для чего правительство не запрещаетъ

такимъ бѣднымъ жениться. Да полно что? Нынѣче и ни въ чемъ смотрѣнья-то нѣтъ; да кому и смотрѣть? А изъ этакихъ свадебъ, кромѣ нищихъ, ничего не выходитъ. Мавра, велит-ка сваритъ намъ кофе.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХАНЖАХИНА, НЕПУСТОВЪ.

Ханжахина. Я такъ теперь испужалась, что чуть жива. Какъ разговаривала я съ сосѣдкой, то вдругъ услышала, что въ спальнѣ моей что-то необычайное застучало. Я побѣжала туда, и... ахъ! горе мое... бѣдная я грѣшница! И увидѣла, что упалъ съ полки любимый моего мужа муравленый горшечекъ, изъ котораго онъ всегда молочную кашу кушивать изволилъ; упалъ, батюшка, да и въ дребезги разбился; а въ горницѣ то никѣмъ никого не было. Это не передъ добромъ! Боюсь, не умереть ли мнѣ, или внучкѣ моей?

Непустовъ. Чего этого бояться, сударыня? Можетъ быть, кошка или мышь сронила горшокъ съ полки... Пора, сударыня, говорить намъ о дѣлѣ нашемъ.

Ханжахина. Такъ, батька: вы ни чему нынѣче не вѣрите; у васъ все натура... все натура...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и МАВРА.

Мавра. Сестрица ваша пріѣхала, сударыня, и сюда идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

ВѢСТНИКОВА, ХАНЖАХИНА, НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

Вѣстникова. Здравствуй, сестрица матушка. Я безъ души къ тебѣ скакала. Знаешь ли ты, какую чудную сложили свадьбу? По всему городу сказываютъ, (да уже и къ знатнымъ боярамъ дошло) что будто ты за Молокососова внучку свою выдаешь? Статочное ли это дѣло? Выдать дѣвку за такого несноснаго дурака! Да еще и нашей фамиліи дѣвку! Я его... вотъ этакаго *(указываетъ)* еще знала; онъ и тогда, и глупъ, и спѣсивъ былъ. Однажды пріѣхала я... я... къ матери его, хотѣла ей эту милость сдѣлать... онъ былъ тогда лѣтъ девяти: вошелъ въ горницу... вѣдь мы таки не подлыя... поклонилась я всѣмъ, а онъ, стоя въ углу, играетъ мячикомъ, а на меня и не глядитъ; да и во весь вечеръ... подумай матка... во весь вечеръ ко мнѣ и не подошелъ, какъ будто я уродъ какой? Съ того времени я терпѣть его не могу. Какая жъ и нянюшка у него была!

Да и матушка изрядная... не у кого, правду сказать, и научиться-то было. Няня была дѣвчища высокая, худощавая, косая, глупая; а мать, ты сама помнишь, дурища была непомѣрная... О! сестрица, ты не вѣдаешь со мною бѣды? Я бъ давно уже здѣсь была; да вотъ что сегодня со мною сдѣлалось. Я сѣла въ карету, и не успѣла еще со двора съѣхать, какъ кучеръ мой, зашатавшись, упалъ съ козелъ. Я думала... не здѣсь будь сказано! (*Онѣ оплевываются, подергиваютъ себя за ухо и одуваются; Ханжахина, дѣлая то же, говоритъ*) Ахъ! сестрица!...

Вѣстникова. Я думала, что черная немочь его убила: анъ онъ плутъ пьянъ былъ. Я кликнула людей, велѣла его сѣчь; а поваришкѣ спасиба; онъ сѣлъ на его мѣсто, однако ѣхалъ какъ сумазбродный, то въ право, то въ лѣво; а все не впопадъ. Ужъ я думала, что сегодня и до тебя не доѣду. Два раза спало колесо; два раза бурыя лошади выпрягались; а сѣрыя, поскользнувшись, упали. Да полно въ томъ не кучеръ виноватъ. Полиція, слава Богу! Полиція ничего не смотритъ. Улицы такъ склизки, такъ скверны, что и ѣздить нельзя...

Мавра (*въ сторону.*) А того не скажемъ, что лошади не кованы, у колесъ чекъ нѣтъ и что упряжка скверная!

Вѣстникова. Что ты ворчишь, Мавра?

Мавра. Ничего, сударыня, я о Полиціи говорю.

Вѣстникова. Да и ни въ чемъ нынѣ смотрѣнія нѣтъ. О какія нынѣче времена! Что-то изъ этого будетъ! А я чуть жива доѣхала.... Сестрица, я всѣмъ божилась, что ты внучки своей за Молокососова не выдашь.

Ханжахина. Все Божья воля, сестрица.... Мавра, подай-ка стулья.

(Мавра подаетъ стулья и выходитъ).

Вѣстникова. Мы можемъ сестрица, и здѣсь сѣсть. *(Указывая на кресла, садятся.)* А вы не изволите ль тутъ? *(указываетъ на стулъ; садится и Непустовъ.)*

ЯВЛЕНІЕ IX.

ХАНЖАХИНА, ВѢСТНИКОВА и НЕПУСТОВЪ.

Вѣстникова. Письма изъ Петербурга пришли. Пишутъ, что вода тамъ такъ была высока, что весь городъ потопила и люди на кровляхъ насилу мѣсто себѣ находили.

Непустовъ. Какъ же, сударыня? Развѣ водою почта оттуда отправлена, когда такое несчастіе случилось?

Вѣстникова. Такъ, сударь, ваши братья, ни чему не хотятъ вѣрить; однако жъ это такъ,

какъ я сказываю; да пусть и не потонули, такъ по крайней мѣрѣ съ голода тамо люди мрутъ. Во всемъ недостатокъ, ни о чемъ ни правительство, ни Полиція, и никто не думаетъ. Я и еще кое-что знаю похуже этого; много оттуда вѣстей: хорошихъ-то только нѣтъ; да не все сказывать надобно. Пишутъ ко мнѣ нѣчто подъ обинякомъ; однако я догадалась, что это значитъ.

Ханжахина. А что жъ такое, сестрица, къ тебѣ пишутъ?

Вѣстникова. Очень можно сказать. Пишутъ.... да.... точно этими словами пишутъ.... „Если бъ вы знали, какія у насъ къ масляницѣ готовятся крутыя горы, то бъ вы удивились и испужались!“ Вотъ какой обинякъ! Да, я разумѣю, что онъ значитъ: крутенька гора-то затѣвается! Вы удивитесь: я ничего не говорю; однакожъ я точно догадываюсь, что это значитъ.

Непустовъ. Все пустое, сударыня: гора, какъ гора, и всякую масляницу бываетъ: а ваша мнимая гора кромѣ мыши ничего не родитъ. Въ прежнія времена за болтанье дорого плачивали: притупляли язычекъ, чтобъ меньше онъ пустаго бредилъ; а нынѣ благодарить вамъ Бога надобно, что уничтожаютъ этакія бредни. Разумно бы и съ нашей стороны было, если бъ

мы сами себя отъ глупостей, а паче отъ несбытныхъ затѣй и новостей воздерживали.

Вѣстникова. Ахъ! батька мой, куда какъ ты строгъ! да нѣсколько и....

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣжъ и МАВРА.

Мавра. Госпожа Чудихина пріѣхала, сударыня, да не изволитъ итти сюда и не хочетъ переступить черезъ порогъ для того, что услышала сверчка. Если желаете, чтобъ она не уѣхала, то проситъ, чтобъ вы къ ней вышли въ другую горницу: а сюда войти боится, пока сверчка не поймаютъ; я уже и за печникомъ послала, который ловитъ сверчковъ.

Ханжахина. Изрядно, мы къ ней выйдемъ. *(Ханжахина и Вѣстникова встаютъ.)* Пожалуй, не погнѣвайся сударь; она намъ искренняя пріятельница.

ЯВЛЕНІЕ XI.

НЕПУСТОВЪ, МАВРА.

Непустовъ. Терпѣнья моего не доставало слушать всѣ ихъ бредни и, еслибъ долгъ дружбы моей къ Молокососову меня не обязывалъ, давно бы я уже ушелъ отсюда.

Мавра. Ха! ха! ха! *(смѣется.)* Что, сударь? Вы уже скучаете. Извольтетка подолѣ съ нами пожить; вы еще не столько услышите басенъ.

Непустовъ. Боюся я, чтобъ Вѣстникова не повредила въ мысляхъ твоей госпожи Молокососову. Она уже зачала его всякими браньми кастить.

Мавра. Есть способъ къ молчанію ее принудить, сколько бы она его ни бранила.

Непустовъ. Да какой же это способъ? Скажи, пожалуй.

Мавра. Она любитъ деньги и подарки; словомъ, она корыстолюбива, Даромъ, что она сердита и зла; однако за деньги не одну уже свадьбу сложила, и не только свадьбы умѣетъ сводить, но и прочее и прочее. Подарите ее чѣмъ нибудь; а я думаю, что рублевъ сто на платье, къ которому она охотница, довольно силы имѣть будетъ унять ее отъ брани и принудить еще служить господину Молокососову.

Непустовъ. Если это такъ, то она намъ не страшна.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Прежніе, МОЛОКОСОСОВЪ.

Молокососовъ. Что, сударь? Какъ наше дѣло идетъ?

Непустовъ. Плохо. Я не знаю, что мнѣ съ мнимою вашею бабушкою дѣлать. Лучшебъ я желалъ, чтобъ опекунъ вашъ самъ здѣсь былъ; онъ это сватанье началъ, пусть бы онъ и окончалъ, а мнѣ бы дѣла не было въ такомъ домѣ, гдѣ здравый разумъ почти не вмѣстимъ. Разъ десять заговаривалъ я о сватьбѣ и о приданомъ, и ничего въ отвѣтъ не получилъ кромѣ пустыхъ бредней, которыя ни конца, ни начала не имѣютъ.

Молокососовъ. Мнѣ бы до приданаго и нужды не было... Я недавно съ невѣстою видѣлся; куда какъ она хороша, прекрасна, ужасть какъ прекрасна!... Да только...

Непустовъ. Что, только?... что это только значитъ?

Молокососовъ. Она чрезъ мѣру пригожа!... Да только...

Непустовъ. Да чтожъ?... Развѣ она тебѣ отказала?

Молокососовъ. Нѣтъ; я съ нею долго говорилъ; она прекрасна, богата, не безъ знати... да...

Непустовъ. Тфу! Пропасть какая! Да чтожъ она тебѣ сказала?

Молокососовъ. Ничего! Она на всѣ мои слова... ни слова не молвила.

Непустовъ. Ну, такъ чегожъ ты боишься? Развѣ она глупа?

Молокососовъ. Того я не знаю. Только то знаю, что она ничего не говоритъ.

Непустовъ. Если она глупа, такъ это по наслѣдству... И государыня ея бабушка не премудра: яблочко отъ яблоньки недалеко, видно, пало!... Но вѣдь... она, помнится мнѣ, еще за полгода предъ симъ тебѣ понравилась?

Молокососовъ. Красота ея, безспорно, прелестна. И ктобъ могъ себѣ представить что эта красота безмолвна! Она или нѣма, или глупа, или дурно воспитана.

Непустовъ. Чудно! Нашлась и въ Москвѣ молчаливая дѣвица! Ну,... такъ буде изволишь, мы перервемъ это сватовство.

Молокососовъ. Нѣтъ. Я бы лучше женился; да хочется мнѣ...

Непустовъ. Мнѣ кажется, что ты и самъ не знаешь, чего тебѣ хочется.

Молокососовъ. Пожалуй, не гнѣвайся; я и такъ довольно несчастливъ. Невѣста моя мила мнѣ; красота ея ни съ чѣмъ несравненна; опекуну моему далъ я слово на ней жениться; она богата, хотя мнѣ до того и нужды нѣтъ; вотъ сколько притяженій! О, еслибъ столько была она умна, сколько пригожа! Не усумнился бъ я въ сію минуту быть ея мужемъ!

Непустовъ. Какое жъ твое намѣреніе?

Молокососовъ. Я не знаю. Дай ты мнѣ совѣтъ, что мнѣ дѣлать.

Непустовъ. Вѣдь тебѣ надобна жена, а не мнѣ: слѣдуй склонности и разсудку своему. При вступленіи въ такое обязательство, всего нужнѣе согласіе нравовъ; если находишь ты это между собою и невѣстою твоею, то я совѣтую тебѣ на ней жениться.

Мавра *(въ сторону)*. Сколькожъ и они пустоши бредятъ!

Молокососовъ. Умилосердись; какъ я могу это знать? Я съ нею говорю, она ни слова не отвѣчаетъ; я изъясняю мою страсть; она безъ всякаго движенія слушаетъ; я горячностію, я вѣрностію моею ее увѣряю; она безчувственно то пріемлетъ: я спрашиваю, не противенъ ли я ей, она молчитъ; наконецъ сталъ я въ отчаяніи о постороннихъ говорить вещахъ, и тогда, кромѣ да и нѣтъ, ничего добиться отъ нея не могъ; да и это произносила она одинакимъ голосомъ, съ одинакимъ движеніемъ, съ одинакимъ ощущеніемъ, и еслибъ не были прелестныя ея открыты глаза, то бъ можно подумать было, что она спитъ, и во снѣ иногда въ полъ слова молвитъ. Такъ она и черты лица ея были неподвижны! О!... Я въ отчаяніи...

Мавра. О, какъ вы мнѣ жалки, что такъ

много ошибаетесь! Невѣсту вашу я сердечно люблю, и для того изъ заблужденія васъ выведу. Она сердце имѣетъ ангельское, но воспитана дурно. Въ безпредѣльномъ содержана она страхѣ, а отъ того сдѣлалась толь робка и застѣнчива, что ни съ кѣмъ говорить не можетъ и покажется всякому, кто ея не знаетъ, кускомъ дерева. Къ сему прибавьте и совершенное ея невѣжество, въ которомъ она содержана. Она ни чему не учена, и грамотѣ украдкою у меня училась для того, что бабушка ея всегда боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ писемъ. Никого она не видала, и до двѣнадцати лѣтъ и платья не знала: а бѣгивала для легкости всегда въ одной сорочкѣ; когдажъ пріѣживали посторонніе къ намъ люди, то прятали ее въ спальнѣ за печкою. Несчастлива она, что въ младенчествѣ и матери, и отца лишилась!

Молокососовъ. Чтожъ въ этомъ? Развѣ ты думаешь облегчить этимъ печаль мою?

Мавра. Нѣтъ, сударь, но подождите немного, и дайте мнѣ договорить.... Хотя барышня моя толь дурно и воспитана, но она конечно не дура; правда, она не новосвѣтская госпожа, и какъ ужъ я сказала, не только по французски, но и по русски мало она знаетъ; а потому и языка русскаго не портитъ; но, говоря

по—русски, брата называетъ братцемъ, а не mon frére, сестру сестрицею, а не ma soeur; не знаетъ и другихъ вытверженныхъ, подобно попугаю, словъ, ни кривлянья, ни презрѣнія къ людямъ, почтенія достойнымъ. Не къ стати не хохочетъ, кушанья за столомъ не называетъ блюдомъ славнымъ; словомъ, она не знаетъ того языка, котораго и я, когда молодыя барыни говорятъ, не разумѣю: хотя я весьма долго въ домѣ новомодной Француженки служила. Но при всемъ томъ она не глупа, и естественный разумъ въ ней есть: и когда вы на ней женитесь, и будете ее любить, то хотя она ни болванчикомъ, *) ни mon mari называть васъ не станетъ, однако, конечно, стараться будетъ вамъ угождать, и, добродѣтелью столько васъ прельститъ, сколько другіе свободнымъ обхожденіемъ прельщаются, забывъ и лбы, и глаза свои. Между тѣмъ она, увидя свѣтъ, конечно, выровняется, какъ и многія другія. Умъ ея таковъ, что она всякое наставленіе отъ любимаго человѣка съ охотою приметъ. Это я по себѣ знаю; она во всемъ совѣтамъ моимъ послѣдуетъ. Но чуръ, не жить съ ней по модѣ: берегитесь, и вы будете заплачены тою же монетою, какъ и другіе.

Непустовъ. Да не прильнуло ли и къ ней ханжество бабушки ея?

*) Неправильный переводъ французскаго выраженія: „mon idole“—Кумиръ мой. Примѣч. ред.

Мавра. Нѣтъ, того не бойтесь. Она и не ханжа, и не скупа. Она еще молода и не больше пятнадцати ей лѣтъ, и если употребится съ нею ласка и снисхожденіе, то будетъ она такова, какову будущій мужъ ея имѣть похочетъ, и какъ ее поведетъ, къ добру или худу. Удобно разумному мужу, съ малымъ терпѣніемъ и любовію, подвесть добросердечную жену подъ всѣ свои правила, и сдѣлать ее волѣ своей послушною. Много этому образцовъ на свѣтѣ!

Молокососовъ. О, еслибъ уже была она такова, какову я желаю ее видѣть, колико бы я счастливъ былъ!

Мавра. Имѣйте терпѣніе. Она тѣмъ еще милѣе вамъ будетъ, чѣмъ болѣе вы примѣтите, что она всѣ совершенства свои отъ вашихъ пріобрѣтаетъ совѣтовъ.

Молокососовъ. Ты всю мою надежду возстановляешь; ты возвращаешь мнѣ покой, котораго я совсѣмъ почти лишился.

Мавра. Извольте быть увѣрены, и подите теперь къ старушкѣ.

Непустовъ. Ну, такъ пойдемъ же къ ней, не тратя времени.

Молокососовъ. Дай Боже, чтобъ она столь была разумна, сколь и прекрасна.

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ЯВЛЕНІЕ I.

ХРИСТИНА, МАВРА.

Мавра. Чтожъ! развѣ вы не хотите идти за мужъ?

Христина. Я не знаю. Кажется, я никакого желанія не имѣю.

Мавра. Да развѣ господинъ Молокососовъ вамъ не нравится?

Христина. Этого я не могу сказать. Нѣтъ... Ну,... да какъ онъ тебѣ кажется?

Мавра. Не ужто вы хотите за мужъ идти по моему выбору? Вѣдь вамъ съ нимъ жить, а не мнѣ.

Христина. Ты меня любишь, Маврушка, такъ скажи мнѣ, что дѣлать.

Мавра. Я васъ люблю, это правда; однако въ этомъ дѣлѣ вы болѣе на себя полагаться должны. Должны вы прежде себя разобрать, чувствуете-ли вы къ нему склонность, или нѣтъ.

Христина. Лицемъ онъ не дуренъ; да только говоритъ такъ, что я и половины словъ его не разумѣю. Онъ говоритъ или не по-русски,

или по книжному; а ты вѣдь знаешь, что я чужихъ языковъ не знаю, да и грамотѣ худо умѣю.

Мавра. Любовь и безграмотныя разумѣютъ. На что тутъ грамота? Надобно только сердце.

Христина. Я думаю, что сердце-то у меня есть, и я пойду за него, если онъ меня возьметъ: а ежели не возьметъ, то и я не желаю быть за нимъ.

Мавра. Какое это равнодушіе! Еслибъ вы его любили, то бы не такъ говорили.

Христина. Я не могу сказать, чтобъ онъ мнѣ противенъ былъ. Я не знаю, люблю ли я его, только мнѣ хочется его видѣть; да однако...

Мавра. Что однако? Когда онъ говорилъ вамъ о своей страсти, что онъ васъ любитъ, что вы прекрасны... Вы тогда сидѣли, потупя глаза, и молчали, какъ будто бы у васъ языка не было: онъ перемѣнялъ рѣчи, онъ то то, то се вамъ говорилъ, а вы таки все въ одномъ, и глазами, и тѣломъ, и языкомъ, остались положеніи; и его съ равногласнымъ да и нѣмъ отвѣтомъ и отпотчивали.

Христина. Мнѣ было стыдно, Маврушка; ты вѣдь знаешь, что я съ мужчинами, кромѣ Фалелея, бабушкина дурака, ни съ кѣмъ не говаривала; да бабушка съ другими и говорить не приказываетъ. Я взросла въ дѣвичьей гор-

ницѣ, и оттуда никогда не выхаживала: такъ чтожъ мнѣ дѣлать? Пожалуй, душенька, читай мнѣ почаще *Памелу,* [1]) чтобъ я могла перенять, какъ съ людьми говорить. Съ тобой такъ говорится, а съ другимъ ни съ кѣмъ право не умѣю.

Мавра. Дорого бы я дала, чтобъ вы счастливы были. Я васъ люблю за ваше чистосердечіе. Вы не лживы, сударыня; обѣщаетесь ли вы все то дѣлать, что я вамъ велю?

Христина. Съ радостію обѣщаюсь и стану все то дѣлать, что ты велишь, я знаю, что ты ничему худому не научишь.

Мавра. Подитежъ теперь отсюда. Я послѣ переговорю съ вами, теперь мнѣ недосугъ.

Христина. Да увижу ль я его?

Мавра. А, невинная! Сердчишко-то уже тронуто.

Христина. Нѣтъ... Я не знаю...

Мавра. Изрядно, изрядно, подите теперь.

(Христина отходитъ).

ЯВЛЕНІЕ II.

Мавра. *(одна).* О природа! Сильны твои дѣйствія! Любовь, ты входишь въ сердца чело-

[1]) „Памело"—нравственный романъ англійскаго писателя Ричардсона; въ то время его много читали. Прим. ред.

вѣческія прежде, нежели человѣкъ узнаетъ, что есть любовь! Моя невинная боярышня познаётъ уже тебя, не зная сама, что она чувствуетъ, и...

ЯВЛЕНІЕ III.

МАВРА, МОЛОКОСОСОВЪ.

Молокососовъ. Отъ роду такой бабы не видывалъ!... Ну... вся моя теперь надежда исчезла! Я погибъ, Мавра. Старая твоя барыня на отрѣзъ мнѣ отказала.

Мавра. Что ей сдѣлалось? За что?

Молокососовъ. За проклятаго кузнечика! О, кабы его чортъ взялъ!

Мавра. Что это такое? Я не понимаю.

Молокососовъ. Не легко и разсказать это... Много въ отказѣ участія имѣютъ и г. Вѣстникова, и Чудихина, а наипаче моя собственная неосторожность.

Мавра. Если ваша неосторожность, то сами на себя и пеняйте.

Молокососовъ. Да кому придетъ на умъ, что можно подобною бездѣлицею досадить людямъ, и чтобъ свадьба могла за кузнечика разойтиться? Разсуди сама, вотъ въ чемъ дѣло! Ханжахина разсказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея супруга, пѣтухъ снесъ яйце, но и дни за три кузнечикъ въ

стѣнѣ безъ умолка стучалъ; что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что супругъ ея умретъ, и потому, не упуская времени, къ смерти приготовить его велѣла. Я, слыша эдакій вздоръ, не могъ удержаться и громко захохоталъ; господинъ Непустовъ, со всею своею твердостію также не преодолѣвъ себя, треснулъ и онъ, и оба мы взаходы смѣялись. Старухи всѣ три разсердились; вдругъ стали креститься, вдругъ плевать и одуваться, вдругъ, и въ одинъ голосъ кричать и бранить насъ, называя насмѣшниками, бусурманами, безбожниками, которые ни чему не вѣрятъ. Ханжахина съ подругою своей Чудихиной напали на г-на Непустова, а Вѣстникова опрокинулась со всею жестокостію на меня, и лучшее отъ нея слово мнѣ было: спѣсивый дуракъ! Я хотѣлъ съ учтивствомъ ей доказать, что суевѣріе есть порокъ, что нравоученіе закона запрещаетъ такимъ нелѣпымъ вѣрить баснямъ; а она съ яростію доказывала, что кузнечиково предсказаніе сбылось смертію г. Ханжахина, и потому оно истинно, и что кромѣ такого дурака, какъ я, всякій тому вѣрить долженъ. Въ то же время съ другой стороны Чудихина наступала съ бѣшенымъ изступленіемъ на г. Непустова; а милостивая твоя госпожа, раздувшись и запыхавшись отъ гнѣва, то въ ту, то въ другую

сторону на помощь къ обѣимъ злобнымъ бабамъ поспѣшая, словами вдовѣ неприличными, уважала ихъ доказательства. И наконецъ изъ всего сего шума вышло то, что она ясно объявила намъ, что мы, то есть и сватъ, и женихъ—невѣрные, беззаконники, бусурманы, и чтобъ изъ дому ея убирались; что она внучки своей никогда не отдастъ за такого шалуна, каковъ я, и чтобъ впредь мы и дому ея не знали.

Мавра. Вотъ каково глупымъ противурѣчить!

Молокососовъ. Я всталъ, поклонился и вышелъ отъ нихъ вонъ... Теперь не знаю, что мнѣ дѣлать. И что я въ страсти моей начну? Отъ непочтенія къ проклятому кузнечику погибла вся моя надежда.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежнія, НЕПУСТОВЪ.

Непустовъ. Пойдемъ изъ этого скареднаго дома.

Мавра. Погодите, сударь, немного: авось либо все дѣло поправится.

Непустовъ. Какъ поправится? И видѣть насъ не хотятъ.

Мавра. Господинъ Молокососовъ, развѣ вы хотите оставить Христину? Развѣ вы ея не любите?

Молокососовъ. Никогда она столь прелестна мнѣ не воображалась; никогда столько я не любилъ ея, какъ теперь, когда вся надежда моя исчезаетъ, и когда я не могу имѣть ее себѣ женою!

Мавра. Ну, такъ если вы ее столько любите, то вмѣсто празднословія и пустыхъ жалобъ помогайте мнѣ искать способовъ къ поправленію испорченнаго дѣла, между тѣмъ не мѣшайте, дайте мнѣ подумать: на выдумки я довольно способна бывала. *(Думаетъ и говоритъ сама себѣ.)* Да!... Нѣтъ.... это не такъ... Ну.:.. неловко.... А!... Хорошо! Слушайте: Вѣстникову всѣхъ легче склонить; а чрезъ нее авось-либо намъ удастся; она за деньги за все примется и все, что мы хотимъ, сдѣлаетъ.

Молокососовъ. Вспомни, Мавра, что она меня терпѣть не можетъ.

Мавра. Нѣтъ, ничего.

Непустовъ. А!... Да вотъ она и идетъ.

ЯВЛЕНІЕ V.

ВѢСТНИКОВА, НЕПУСТОВЪ, МОЛОКОСОСОВЪ, МАВРА.

Вѣстникова. *(съ сердцемъ.)* Вы еще здѣсь? Вонъ! что вы здѣсь дѣлаете?

Мавра. Еслибъ вы знали, сударыня, что они говорятъ, то-бъ вы и не гнѣвались и не дивились, что они еще здѣсь.

Вѣстникова. Какъ сестрица узнаетъ, что ты съ такими бусурманами, коихъ она изъ дому выгнала, говоришь, то достанется и тебѣ: а я тебѣ сказываю, что быть худу.

Мавра. Ахъ, сударыня, какъ мнѣ съ пріятностію не слушать было ихъ разговоровъ? Они все объ васъ говорили.

Вѣстникова. Обо мнѣ? А что они обо мнѣ говорили?

Мавра. Они васъ хвалятъ; что вы разумны, что и въ самомъ гнѣвѣ вашемъ видно доброе ваше сердце и снисхожденіе. Г. Непустовъ и то еще примолвилъ: видно дескать, что съ молоду она и прекрасна была! А Г. Молокососовъ сказалъ, что и теперь еще хороша.

Вѣстникова. Непустовъ дуракъ, . . а Молокососовъ, видно, поправляется; изъ него можетъ хорошій молодецъ быть.

Мавра. Да, сударыня, онъ говоритъ, что онъ не знаетъ, какъ бы заслужить нечаянную свою предъ вами проступку и своимъ почтеніемъ поправить себя въ вашихъ мысляхъ. Пожалуй, сударыня, не сказывайте боярынѣ, что я съ ними здѣсь остановилась. Она станетъ гнѣваться; а я вѣдь для васъ это сдѣлала,

чтобъ вывѣдать изъ нихъ, сколь хорошо они объ васъ отзываются. Вы изволите знать, какъ я васъ почитаю.

Вѣстникова. Не впрямъ ли, Мавра, такъ хорошо они думаютъ?

Мавра. Право, сударыня; извольте хоть сами у нихъ спросить?

(Мавра имъ мигаетъ и даетъ знаки, чтобъ ей ласкали)

Молокососовъ. Я помню, сударыня, что милость ваша и къ матери моей была велика; еслибъ я могъ ласкаться, чтобъ вы....

Вѣстникова. Да, мы таки дружненько живали. Да ты, батька мой, спѣсивымъ мнѣ казался; а я таки и весь родъ-атъ вашъ знаю.

Непустовъ. Вы ошибаетесь, сударыня; онъ право не спѣсивъ; его видъ таковъ! А къ тому еще онъ и молодъ.

Вѣстникова. И подлинно еще молодъ; я ребенкомъ его зазнала; а и я не выстарокъ.... Ха! ха!... *(Молокососову)* батюшка твой не таковъ былъ: онъ помилуй Богъ, какъ меня любилъ. Бывало, какъ привяжется, такъ изъ дому выжить нельзя: ночь всю насквозь, до разсвѣта сиживали вмѣстѣ; иногда и одинъ на одинъ, а скучно не бывало; а гулянья то у насъ и подъ Марьиной рощей, и въ Подмосковныхъ; тамъ то пляски аа,... игранья, пѣнья аа!.. Ужъ куда

покойникъ-атъ какой охотникъ былъ до пѣсенъ, а пуще всего любливалъ мой голосъ; да я изряднешенько и пѣвала. Куда какія веселья у насъ бывали! Нынѣче таки ничего не видно; какъ будто нѣтъ молодыхъ. Они право, такъ не веселятся, какъ бывало мы забавлялись. Только нынѣче и слышно, комедіи, да оперы, да наряды, а мы-то бывало, какъ съ постели, такъ и поскакали; и на головѣ право оправиться некогда было. Зимою-то въ саняхъ, бывало, ночь на пролетъ прокатаешься: всю Москву таки съ конца до конца изъѣздишь; того и смотри, что попадешь въ полицію. Да что намъ до того бывало? Хотя-бъ и случилось переночевать тамъ, вѣдь всѣ знакомые, все друзья; не сказавъ никому, и выпустятъ. Нынѣ такія ли времена? Кажется люди то всѣ перемѣнились; кромѣ, охъ! да охъ! ни чего не услышишь (*Увидя на пальцѣ Молокососова перстень*). А! мой свѣтъ, да это еще отцовскій на тебѣ перстенекъ-отъ. Тотъ, право, самый; онъ покойникъ, бывало, шучивалъ, что на поминъ душѣ своей его мнѣ оставитъ. Я знаю этотъ перстень.

Непустовъ. И я слыхалъ, что онъ съ вами въ короткой былъ дружбѣ.

Вѣстникова. Камешекъ то не величекъ, да чистехонекъ.

(*Мавра мигаетъ Молокососову, чтобъ онъ подарилъ перстень Вѣстниковой.*)

Вѣстникова. Право, свѣтъ мой, чистехонекъ!

Молокососовъ. Позвольте, сударыня, чтобъ я слово родителя своего сдержалъ и примите отъ меня этотъ перстень въ знакъ моего почтенія.

Вѣстникова. И... батька,.. вѣдь я не для того говорила.. (*не отдавая*) Ни какъ, мой свѣтъ, на что такъ убытчишься....

Молокососовъ. Пожалуйте, сударыня, сдѣлайте мнѣ это одолженіе, я должностью почитаю себѣ исполнять обѣщанія родительскія и радоваться стану, исполня толь пріятное завѣщаніе.

Вѣстникова. Благодарствую, благодарствую, мой свѣтъ; ежели могу сама чѣмъ отслужить, съ охотою, ото всего сердца исполню.

Непустовъ. Вы можете, сударыня, великую ему сдѣлать милость.

Вѣстникова. Да какую бы...

Непустовъ. Уговорите, сударыня, сестрицу вашу, чтобъ она внучку свою за него выдала. Онъ ее любитъ и свое счастіе въ ней почитаетъ.

Вѣстникова. Добро, (*Молокососову*) душенька, добро; стану ей говорить, и она, можетъ быть, меня послушаетъ.

Непустовъ. Надобно знать, сударыня,

что время не терпитъ продолженія. Срокъ нашъ приходитъ; ѣхать надобно скоро въ Петербургъ...

Вѣстникова. Я въ сію минуту-бъ ее уговорила, да нельзя теперь; у нея Чудихина сидитъ; а при ней говорить я не буду. Все дѣло испортить можно.

Мавра. Если это только мѣшаетъ, то извольте безъ сомнѣнія итти къ сестрицѣ: а Чудихину я тотъ часъ изъ комнаты ея выживу.

Вѣстникова. Не скоро ее съ мѣста подымешь, гдѣ она усядется: особливо теперь; вѣдь она на картахъ загадываетъ.

Мавра. Это мое дѣло, я заведу рѣчь, что прежній этого дома хозяинъ за тридцать тому лѣтъ назадъ умеръ на томъ мѣстѣ, гдѣ она теперь сидитъ и гадаетъ. Вы увидите, какъ скоро она вскочитъ, броситъ и карты, и все, и уйдетъ изъ комнаты.

Вѣстникова. Хорошо, я пойду туда.

(*Отходитъ.*)

Мавра. Извольте и вы удалиться; а я пришлю вамъ сказать, когда время будетъ: оставьте здѣсь слугу вашего.

ЯВЛЕНІЕ VI.

(*Когда Непустовъ и Молокососовъ сходятъ, тогда съ противной стороны входятъ*).

ХРИСТИНА, МАВРА.

Христина. Маврушка, знаешь ли что?

Мавра. Что такое, сударыня.

Христина. Вѣдь бабушка приказала серебряную ту парчу отослать назадъ къ купцу, такъ же и пунцовыя ленты отдала назадъ; а Молокососову во мнѣ совсѣмъ отказала.

Мавра. Послѣднее знаю, а первое слѣдствіе тому; да вы о чемъ больше жалѣете, о парчѣ, или о женихѣ.

Христина. Какіе у тебя всегда мудреные вопросы? Ты все шутишь; а бабушка очень гнѣвна! Гнѣвна такъ, что она всѣхъ дѣвокъ выгнала изъ спальни, и осталась одна съ Чудихиной и съ Вѣстниковою.

Мавра. Какая-жъ это диковинка?

Христина. Какъ не диковинка! Вѣдь ты знаешь, что бабушка хоть часто на дѣвокъ гнѣвается, однако отъ нихъ ничего тайнаго не имѣетъ , и обо всемъ она при всѣхъ говоритъ а теперь и входить никому не велѣла, до тѣхъ поръ, пока сама не кликнетъ.

Мавра. И впрямъ это странно! Пойду я посмотрѣть, что-то у нихъ дѣлается?

Христина. Я тебѣ скажу, только ты не промолвься.

Мавра. Да вы почемужъ знаетъ? Вѣдь и васъ также туда не впускаютъ?

Христина. По чему....

Мавра. Конечно вы у дверей подслушали, или въ замочную дырочку высмотрѣли?

Христина. Да, да! Только, пожалуй, бабушкѣ не сказывай.

Мавра. Этакая воровочка; я право и не думала, что за вами это ремесло водится! Чтожъ онѣ говорятъ тамъ?

Христина. Вѣстникова уговариваетъ бабушку, чтобъ она за Молокососова меня выдала; а Чудихина отговариваетъ, онѣ двѣ спорятъ. А бабушка держитъ сторону Чудихиной, и выдавать меня не хочетъ.

Мавра. Да вамъ въ этомъ и нужды нѣтъ. Вѣдь для васъ все равно: идти ли замужъ, или нѣтъ! Не правда ли?

Христина. То... такъ... однакожъ....

Мавра. Изрядно, изрядно, пойдемъ отсюда: я пойду къ нимъ, и чѣмъ нибудь потщусь разорвать это сонмище.

Конецъ втораго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТІЕ

ЯВЛЕНІЕ I.

ЧУДИХИНА бѣжитъ, а за нею ХРИСТИНА.

Чудихина. Ахъ! Погибла я!... Умереть мнѣ, умереть!... Ахъ... Ужъ умираю, чуть жива,... чуть дышу... нѣтъ больше мочи!

(*Кидается у кулисъ на кресла.*)

Христина. Что вамъ это сдѣлалось?

Чудихина. Проклятая Мавра меня уморила своими разсказами. Подумай, пожалуй, свѣтъ мой: я сижу, да гадаю въ карты, и въ самое то время, какъ у меня винновой-отъ король *) съ крестовою кралею передо мною лежали, и я тому порадовалась; а она и сказала, что я на томъ мѣстѣ сижу.... Ахъ! тошно мнѣ,... на томъ будто мѣстѣ, на которомъ человѣкъ назадъ тому тридцать лѣтъ умеръ.

Христина. Такъ развѣ вы этого боитеся?

Чудихина. Да какъ этого не бояться! Видно, что ты еще молодехонька и свѣта еще не знаешь. Я вѣдь испорчена, душа моя; злые люди меня съ молоду испортили; всего боюся!

*) Пиковый.

Да какъ и не бояться? Вотъ гдѣ *(указываетъ на животъ)* у меня порча-то сидитъ и нынѣ.

Христина. Такъ вы животомъ недомогаете?

Чудихина. У меня свѣтъ мой въ животѣ щука; съ молоду впустила ее туда мнѣ, сонной, мачиха моя; она была колдунья, и меня не любила; а въ спину засадила мнѣ собаку и когда онѣ тамо ссорятся, такъ я чувствую,... таки точнешенько слышу, какъ щука хвостомъ хлеснетъ по собакѣ; а собака отгрызается и ворчитъ. Ужасть какая у меня тогда боль сдѣлается! Охъ... охъ!... Боюсь... умру... Вѣрно умру...

(Христина, увидѣвъ у Чудихиной на концѣ шейнаго платка два маленькіе узелка завязаны.)

Христина. Что это за узелки, матушка, у васъ завязаны?

Чудихина. И... душа моя... ничего. Въ одномъ четверговая соль,... а въ другомъ росной ладонъ, отъ уроковъ *).

(Въ это время вынимаетъ платокъ изъ кармана, и съ нимъ выпадаютъ два корешка, крестъ на крестъ волосами перевязанные.)

Христина *(поднявъ.)* А это что такое?

---

*) Вредъ, причиняемый завистливымъ взглядомъ или недоброжелательной похвалой.

Чудихина. А это корешки, свѣтъ мой, на которыхъ нашептано. Я ихъ ношу всегда, чтобъ и меня таки любили.

ЯВЛЕНІЕ II.

Прежнія, МАВРА.

Мавра *(Чудихиной.)* Что, сударыня, вы такъ стонете!

Чудихина. Окаянная, ты меня разсказами своими уморила.

Мавра. Да можноль было мнѣ вообразить, что вы отъ одного слова, которое ничего не значитъ, испугаетесь?

Чудихина. Ахъ! Умереть мнѣ нынѣшній годъ всемѣрно, *(плачетъ)* всемѣрно умереть. Недаромъ третьяго дни курица у меня пѣтухомъ кричала. Я, правду сказать, приказала ее отъ того мѣста, гдѣ она сидѣла, чрезъ голову до порога кувыркать, чтобъ узнать, голову ли, или хвостъ у ней отрубить. Жеребій палъ на голову, и какъ мнѣ сказали, такъ велѣла ей отрѣзать голову. Хоть насѣдка и добра была, да провались она, свой животъ всего дороже! Однако мнѣ умереть... хоть еще и не такія лѣта,.. а многія живутъ себѣ... да веселятся,... которымъ бы и давно уже умирать надобно. Охъ! охъ!

ЯВЛЕНІЕ III.

ВѢСТНИКОВА, ХАНЖАХИНА, ХРИСТИНА, ЧУДИХИИА, МАВРА.

Чудихина. Сядемъ-те хоть здѣсь; Мавра, подай, на чемъ сѣсть.

Вѣстникова. *(Мавръ, не въ слухъ.)* Мавра, пошли къ Непустову, чтобъ онъ и съ Молокососовымъ поскорѣе сюда пріѣхалъ *(Садятся. Мавра уходитъ; Чудихиной:)* Неужто ты по сю пору не опомнилась, ништо тебѣ! Для чего ты отговариваешь сестрицѣ выдать внучку за Молокососова? Вотъ Богъ тебя за то наказалъ.

Чудихина. Я грѣшна! Что мнѣ дѣлать; люблю разбивать свадьбы, и, признаюсь, что для меня ничего нѣтъ пріятнѣе, какъ видѣть въ сватаньѣ разладъ. Вѣдаю, что дурно это, да удержаться не могу; какъ-таки не промолвить словца; а молвится всегда худое. Я ужъ и отцу духовному не одинъ разъ въ этомъ каялась. Всѣхъ амурщиковъ я съ природы ненавижу, и гдѣ только ни услышу про любовь, такъ тутъ врагъ меня и всунетъ!

Вѣстникова. Ну, такъ я тебя утѣшу. Вѣдь у Принковой разошелся ладъ съ Краткобрадымъ. Мужъ свѣдалъ, и, сказываютъ, жену то прибилъ, да и бросилъ; а никто не знаетъ, какой дьяволъ ему на ухо шепнулъ. Кажется,

онъ не изъ премудрыхъ, и передъ ногами мало видитъ: а жена-то сама у себя.... какъ бы ему догадаться?... Не вѣдаю.

Чудихина. А я такъ вѣдаю, да и не дешево мнѣ стало это знать.

Вѣстникова. Скажи, пожалуй, какъ?

Чудихина. Я согрѣшила, окаянная; научила своего дворецкаго, чтобъ онъ подкупилъ ихъ людей. Онъ это сдѣлалъ; а люди все и проболтали.... Высказали, гдѣ у нихъ съѣзды; какъ и долго ли они видятся. А послѣ я сама посылала за ними своего человѣка верхомъ, подсматривать, и знала всегда о ихъ свиданьи. Потомъ удалось мнѣ и письма ихъ получить въ свои руки, да какъ мнѣ до ихъ нужды нѣтъ, такъ я чрезъ третьи руки приказала ихъ вмѣсто жены отдать мужу. Вѣдь все равно, у жены ли они или у мужа въ рукахъ: одинъ домъ, одна семья.

Вѣстникова. Да тебѣ что въ томъ прибыли? Ни она твоя дочь, ни она твоя племянница; кто тебя къ ней приставилъ? Ну! пусть бы поразсказать кому, это иное дѣло; слово на вороту не виснетъ. А то... отдать мужу письма! На что это?

Чудихина. Можно ли этакой срамъ въ городѣ терпѣть? всѣ любятся, да любятся, и никто за этакими пакостями не смотритъ: въ

чужѣ право досадно. Однакожъ я сдѣлала по своему; таки какъ разорвала, такъ разорвала; а право, мой свѣтъ, сто рублей мнѣ это стало: и жаль денегъ-то; да радуюсь, что удалось.... Боялись же они меня очень.

Ханжахина, Сто рублей! Куда какая бѣда! Какая ты мотовка! Не дивно, что у тебя почти никогда копейки въ домѣ нѣтъ. Лучшебъ ты сто-то рублей отдала въ ростъ; такъ однихъ указныхъ процентовъ дошло бы тебѣ по полтинѣ съ рубля въ мѣсяцъ; а закладъ закладомъ.

Чудихина. Что мнѣ въ полтинѣ? Свое удовольствіе стоитъ полтины. Чѣмъ нынѣче позабавиться, вѣдь и такъ въ безконечной живемъ скукѣ и печали; таки нигдѣ радости-то нынѣче не увидишь! Съ тѣхъ поръ, какъ свѣтъ совсѣмъ сталъ превратенъ, и науки-то чужія врагъ къ намъ принесъ, такъ все стало и дурно, и время-то безтолково. Охъ-хо-хо! Хоть бы эту-то горесть ужъ съ рукъ сбыть, да пристроить бы малаго-то куда-нибудь къ мѣсту! Николашку-то моего бѣднаго... Онъ меня съѣдаетъ.

Вѣстникова. Вѣдь время еще не ушло. Сынъ твой Николашка еще молодъ.

Чудихина. Осьмнадцать ужъ лѣтъ, матушка.

Вѣстникова. А собою очень хорошъ.

Чудихина. Хорошъ, по несчастью: ты не

повѣришь, сколько и пригожство-то его мнѣ слезъ навело. Кто ни увидитъ, всякъ ему дивится, куда какъ хорошъ, куда какъ пригожъ! всякій это и говоритъ: а онъ урочливъ [1]), мой свѣтъ, такъ урочливъ, что нельзя больше. То и дѣло, и я, и мама попеременно его слизываемъ... [2]) Только и то уже не помогаетъ. Не одну уже и огневую [3]) онъ сватилъ отъ уроковъ, и отъ пригляда.

Ханжахина. Да ты бъ лучше за нимъ смотрѣла: да не всюду бы пускала; такъ и онъ бы и лошадки-то бы здоровы были.

Чудихина. И такъ, кажется какъ глазъ свой его берегу. Во всю зиму съ лежанки онъ у меня не сходитъ; а когда боленъ, то кромѣ блиновъ и сластей ничѣмъ не кормлю. Одинъ разъ такъ-то въ болѣзни ни вѣсть какъ захотѣлось ему тёши [4]) съ кислыми щами; это любимое его кушанье, да еще тѣльное такъ же онъ любитъ; однако я не дала, хоть онъ не сердился. Какъ не беречь, свѣтъ мой? Онъ у меня одинъ, какъ порохъ въ глазу! [5]). Еще до

---

[1]) Легко подвергающійся вреду отъ завистливаго взгляда или недоброжелательной похвалы.

[2]) Очищаемъ при помощи языка.

[3]) Горячка.

[4]) Нижняя часть большой рыбы недалеко отъ жаберъ.

[5]) „Одинъ, какъ порохъ въ глазу“, это выраженіе означаетъ: досаждаетъ, озабочиваетъ, милъ, дорогъ. (По Дамо).

Прим. ред.

самой прошлой осени все мама у него въ головахъ спала, что бы таки и ночьюбъ-то чего не причудилось. Больше никакъ уже смотрѣть нельзя; а онъ со всѣмъ тѣмъ все худѣетъ, все печалится. Вѣдь онъ здѣсь въ командѣ, такъ нападки на него великiя...

Вѣстникова. Отъ кого нападки?

Чудихина. Отъ командировъ. Онъ въ Питерѣ-то не бывалъ, а все въ здѣшней командѣ числится; да не могу выпросить, чтобъ и капраломъ-та его сдѣлали. Ужъ я и даривала, кому надлежитъ, да все не помогаетъ; говорятъ, что не грамотенъ; а онъ мой голубчикъ и азбуку уже доучилъ, да скоро и часословъ начнетъ.

(Христина, закрываясь, смѣется, а Ханжахина говоритъ).

Ханжахина. Ты чему, матка моя, смѣешься?

Христина. Да какъ, бабушка сударыня, не смѣяться; восьмнадцати лѣтъ парень часовникъ учитъ; вѣдь онъ не дѣвушка, ему не стыдно умѣть письма писать.

Ханжахина. А ты бы этого не примѣчала. Перестань.

Чудихина. Кабы и у меня дочь была, меньше бы и я имѣла заботы. Начто дѣвку учить грамотѣ? имъ ни къ чему грамота не надобна; меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше вретъ. Я принуждена была матушкѣ своей побожиться,

что до пятидесяти лѣтъ пера въ руки не возьму. Да полно что! нынѣче и дѣвокъ-то всему сказываютъ въ Питерѣ учатъ... Быть добру! А *(Христинѣ)* ты еще молоденька; тебѣ бъ и не надобно надъ нами старушками смѣяться; сама, мой свѣтъ, стара будешь... Эхъ! какъ я засидѣлась; а мнѣ пора ѣхать, нужда велика! Надобно мѣстахъ въ двухъ побывать, да кое о чемъ поговорить. Прощайте.

(Поклонясь, уходитъ).

Ханжахина *(въ слѣдъ)*. Прости, Богъ съ тобой; не забудь, что услышишь, и намъ сказать.

ЯВЛЕНІЕ IV.

ВѢСТНИКОВА, ХАНЖАХИНА, ХРИСТИНА

Вѣстникова. Насилу эту дуру выжили.

Ханжахина. За что ты ее бранишь, сестрица?

Вѣстникова. За то, что она вздоръ несетъ, а тебя сестрица, съ пути сбиваетъ.

Ханжахина. Да вѣдь и сама ты давича отговаривала мнѣ выдавать внучку за Молокососова; за чтожъ теперь всю вину кладешь на Чудихину? Куда, сестрица, какъ ты вѣтрена!

Вѣстникова. Ужъ будто я вѣтрена! Я немножко жива только, да какъ бы то ни было,

оставимъ это. Христина родилась въ сорочкѣ; ты это сама мнѣ сказывала; а Молокососовъ и хорошъ, и пригожъ, и богатъ, и знатенъ, такъ чего-жъ этого лучше; она и будетъ счастлива.

Ханжахина. Да, сестрица, у меня у самой пятнадцать было дѣтокъ, считая и отца Христинина, да всѣ за грѣхи мои померли. Одна она отъ покойнаго сына моего Василья осталась, да, правду сказать, и родилась она со всѣми счастливыми примѣтами, и въ сорочкѣ, и въ волоскахъ, и три раза, родясь, прокричала и для того, сестрица, я всю надежду мою на старости въ ней полагаю. Правду сказать, было у меня и шестнадцатое дитя, да то не кормилецъ. Какъ шестнадцатымъ-то была я брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка, а вложили камешекъ, и я помню, съ какимъ великимъ болемъ его родила, и теперь ношу его у себя за пазухой, каковъ ли ни есть, да мнѣ милъ такъ, какъ и настоящее дитя.

Вѣстникова. И, сестрица! Какъ ты мнѣ никогда этого племянничка-то не показала, я бъ... да вонъ г. Непустовъ...

ЯВЛЕНІЕ V.

ХАНЖАХИНА, ВѢСТНИКОВА, ХРИСТИНА, НЕПУСТОВЪ.

Вѣстникова. Добро пожаловать, сударь; сестрица моя желаетъ васъ видѣть, чтобъ окончить начатое дѣло.

Непустовъ. Мнѣ весьма это пріятно, сударыня; а паче, что намъ нельзя долѣе здѣсь жить, и давича бъ къ концу мы пришли, еслибъ вы этого молодаго человѣка столько не оскорбили.

Вѣстникова. И, батька! Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ.

Ханжахина. Да, хорошобъ сегодня окончить, и я съ благословеніемъ Божіимъ сама того желаю, только одно меня страшитъ...

Непустовъ. А чтожъ бы это такое? Чего вы опасаетесь.

Ханжахина. Сегодня вѣдь понедѣльникъ, да къ тому жъ и первое число мѣсяца, а я ничего въ такіе дни никогда не начинаю. Примѣта худа! Много образцовъ бывало, да и покойный мой мужъ меня утвердилъ въ этомъ; за десять лѣтъ до смерти своей, помяни его Господи! предсказалъ онъ однажды въ понедѣльникъ, что онъ умретъ. А то и сбылось!

Непустовъ. Да это дѣло надлежитъ окончать, а не начинать сегодня.

Вѣстникова. Это правда, сестрица, сватовство то вѣдь не сегодня началось! Такъ скажи начисто, отдаешь ли ты за Молокососова внучку или нѣтъ. Но вотъ онъ и самъ идетъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

ХАНЖАХИНА, ВѢСТНИКОВА, ХРИСТИНА, НЕПУСТОВЪ, МОЛОКОСОСОВЪ, МАВРА.

Молокососовъ. Я бы не осмѣлился, сударыня, еще разъ передъ вами показаться, если бъ другъ мой не увѣдомилъ меня, что вамъ это противно не будетъ.

Вѣстникова. Полно, батька мой, объ этомъ говорить, старое все позабыто; скажит-ко намъ, имѣешь ли ты прежнее намѣреніе жениться?

Молокососовъ. Я бъ весьма былъ счастливъ, если бъ желаніе мое исполнилось, и могъ бы я получить соизволеніе отъ той, въ чьей власти и невѣста моя и благополучіе мое состоитъ.

Вѣстникова. *(Ханжахиной).* Слышишь ли ты, сестрица? Что жъ ты не отвѣтствуешь, видишь ты, какой это изрядный молодецъ.

Ханжахина. Я еще и съ Христиною не

поговорила; вѣдь надобно и ее спросить, не противенъ ли ей женихъ-атъ?

Вѣстникова. Какъ быть противну? Я бъ право и сама его полюбила, таковъ-то онъ. Однако, спросимъ Христину. *(Христинѣ).* Христинушка, не противенъ ли тебѣ суженый, котораго мы тебѣ выбрали?

Мавра. Я за нее отвѣтствую, сударыня, что она изъ воли бабушкиной не выступитъ.

Вѣстникова. Да для чего жъ ты, душа моя, сама не говоришь; скажи, милъ ли онъ тебѣ?

(Между тѣмъ Ханжахина шепчетъ).

Христина. Воля бабушкина, сударыня.

Вѣстникова. Да долго ли этому быть, сестрица, нутка благословясь, да рука въ руку. *(Беретъ Ханжахиной руку, и даетъ ее насильно Непустову).* А я за тебя скажу: господинъ Непустовъ, сестра моя согласна, внучку свою отдаетъ за господина Молокососова и, при благословеніи Божескомъ, жалуетъ ей въ приданыя пятьдесятъ тысячъ рублей: это уже я давно знаю.

Ханжахина. *(держа Вѣстникову за платье).* Сестрица, съ умомъ ли ты? Этого много. Я не могу столько дать. Охъ!.. бѣдная я!

Молокососовъ. Не приданое меня прельщаетъ, сударыня; вы хоть столько дайте, хотя

нѣтъ: для меня все равно; лишь только внукомъ своимъ меня называйте.

Ханжахина. Ну... быть такъ... что дѣлать, разставаться съ деньгами... разставаться съ душею... Христина... охъ... горе мнѣ! Христина, вотъ тебѣ женихъ.

Непустовъ. Для прекращенія лишнихъ убытковъ, не согласитесь ли, сударыня, въ будущую среду въ моей Подмосковной сдѣлать свадьбу!

Ханжахина. Хорошо, батюшка, я согласна. Середу я паче прочихъ дней отмѣнно всегда любила: да вѣдь и коштъ-атъ вашъ тамо будетъ. Мнѣ не изъ чего, не изъ чего, право, дѣлать теперь банкетовъ.

Непустовъ. Объ этомъ не заботьтесь сударыня.

Ханжахина. (*Молокососову*). Да деньги-то приданыя отдашь-ли въ ростъ? Вѣдь не шутка, мой свѣтъ. Пòтомъ они наживаны... пòтомъ... Охъ!

Вѣстникова. Полно объ этомъ говорить, пойдемъ рядную писать. Да въ крестовой священникъ есть, такъ благословясь, да помолвимъ.

Ханжахина. Ну... чтожъ дѣлать... пойдемъ-те. (*Отходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Мавра. (*одна*). Вотъ такъ нашъ вѣкъ проходитъ! Всѣхъ осуждаемъ, всѣхъ цѣнимъ, всѣхъ пересмѣхаемъ и злословимъ, а того не видимъ, что и смѣха и осужденія сами достойны. Когда предубѣжденія заступаютъ въ насъ мѣсто здраваго разсудка, тогда сокрыты отъ насъ собственные пороки, а явны только погрѣшности чужія: видимъ мы сучекъ въ глазу ближняго, а въ своемъ — и бревна не видимъ.

Конецъ третьяго дѣйствія и комедіи.

ИМЕНИНЫ ГОСПОЖИ ВОРЧАЛКИНОЙ.

КОМЕДІЯ

ВЪ ПЯТИ ДѢЙСТВІЯХЪ

СОЧИНЕНА ВЪ ЯРОСАВЛѢ

1772 г.

Дѣйствіе первое.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Г-жи Ворчалкиной, у которой двѣ дочери: Олимпіада и Христина. Ихъ служанка Прасковья уговариваетъ кокетку Олимпіаду не быть слишкомъ строгой въ выборѣ жениховъ. За Прасковьей ухаживаетъ Антипъ, слуга Гремухина, желающаго выгоднымъ бракомъ на какой либо изъ дочерей Ворчалкиной поправить свои средства. Антипъ, котораго Прасковья за назойливое ухаживаніе ударяетъ по лицу, между прочимъ говоритъ.

Прасковья (*ударивъ по щекѣ*) Вотъ тебѣ поцѣлуй!

Антипъ. Тяжеленька твоя рука! однако, я милостивъ; прощаю тебѣ. Я не сержусь и на господина, когда онъ меня бьетъ.

Прасковья. А по сю пору онъ бѣшенства-то съ тебя не сбилъ-таки.

Антипъ. Какой вздоръ! будто можно побоями человѣческій перемѣнить нравъ. Посмотри-тко ты, у Невѣждова всякій день то и дѣло, что людей порютъ батожьемъ и за всякую бездѣлицу, равно какъ и за большую вину, кожу съ нихъ спускаютъ, а люди всѣ и воры и пьяницы. Этимъ не передѣлаешь нашего брата. Напротивъ того, мой баринъ не таковъ лихъ и рѣдко дерется, однако, глянь, какіе мы у него молодцы, человѣкъ человѣка лучше, красивѣе, веселѣе и порядочнѣе. . . . .
. . . .
. . . .

ЯВЛЕНІЕ IV.

Прежніе, Фирлюфюшковъ.

Фирлюфюшковъ. Не опоздалъ ли я? Госпожа Ворчалкина, я чаю, уже обѣдаетъ.

Прасковья, Нѣтъ еще. Только скоро за столъ сядутъ.

Фирлюфюшковъ. Сударушка, этотъ домъ сокровище, право: никогда въ немъ не опоздаешь. Какъ онъ милъ! ma foi, какъ онъ милъ! Какъ ни пріѣдешь... все еще во-время.

Прасковья. Да гдѣ вы такъ долго про-

были? Дѣла за вами, я думаю, не много, а теперь ужъ очень вѣдь поздно.

Фирлюфюшковъ. Belle demande! Гдѣ я пробылъ. A ma toilette.... голубка, à ma toilette.... Гдѣ можно такъ рано индѣ быть. — Вчера послѣ ужина я всю ночь проигралъ въ карты. Легъ me coucher въ шестомъ часу après minuit. Всталъ сегодня въ часъ, и теперь такая мигрена, и такъ въ носу грустно, что сказать не можно. Нѣтъ ли eau de luce понюхать? боюсь.... чтобъ отъ слабости не упасть.... Поддержите меня....

Антипъ. Не изволите ли на стулъ сѣсть? Вотъ....

Фирлюфюшковъ. Ужъ мнѣ сидѣть на стулѣ! да въ такой еще слабости! по крайней мѣрѣ подай мнѣ хоть кресла.

Прасковья. Я чаю, изъ прихоти вы еще захотите канапе или кровать.

Фирлюфюшковъ. Это бы и не худо. Какъ не стыдно хозяйкѣ этого дома, что нѣтъ у ней въ каждой комнатѣ по крайней мѣрѣ по одной chaise longue; здѣсь и обмереть съ благопристойностью нельзя, ah! mon Dieu, quel temps et quels gens!

Антипъ. Да на что обмирать? развѣ вы больны?

Прасковья. Развѣ карета васъ растрясла?

Антипъ. Такъ бы лучше ѣздили вы верхомъ.

Фирлюфюшковъ. *(вскочивъ со стула.)* Мнѣ, мнѣ верхомъ ѣздить? Я этого и вздумать не могу; *(съ пренебреженіемъ)* мнѣ вчужѣ жалко и дивно, когда я вижу кого верхомъ. Какъ могутъ люди азардовать свой животъ, повѣряя его скотинѣ! cela est ignoble. Что до меня касается, я, и въ каретѣ сидя, ни одного моста никогда не переѣзжаю, а перехожу изъ предосторожности пѣшкомъ.

Прасковья. Диво, что вы въ нынѣшнюю погоду и воздуха не боитесь, чтобъ лице не обвѣтрило.

Фирлюфюшковъ. Бываетъ и то въ здѣшнемъ пакостномъ климатѣ; но я къ ночи натираю лице французскою помадою, и тѣмъ его лѣчу.... ah, diable.... ха, ха, ха! ... ты дѣвушка.... ха, ха, ха! разумная.... ха, ха, ха! а какъ одѣта, fi donc.... ха, ха, ха! въ нынѣшній saison на тебѣ батавія... да еще и не батавія.... а самый легкій круазе, ха, ха, ха! уморишь, радость! возможно ли снести....

Прасковья. Что вамъ такъ это смѣшно? Мнѣ что даютъ, то я и ношу. Вѣдь мы не дворяне, въ долгъ намъ никто не вѣритъ; знаютъ и купцы, что намъ платить не чѣмъ; не такъ, какъ вы, сударь, богатые люди....

Фирлюфюшковъ. Ахъ, какъ ты, свѣтъ мой, глупа. Ты думаешь, что я плачу, забирая въ долгъ у купцовъ? Никогда, mon coeur, никогда. Я не плачивалъ, не плачу и никогда платить не намѣренъ. Былъ бы я, голубушка, одѣтъ, былъ бы я веселъ; а до тѣхъ дураковъ мнѣ нужды нѣтъ, которые, по глупости своей, мнѣ вѣрятъ. Они могутъ и тѣмъ быть довольны, что въ тридорога на счетъ пишутъ. D'ailleurs, и въ фамиліи нашей того не водится, чтобъ платить долги. Я слѣдую въ этомъ похвальному отца моего примѣру: онъ никогда и никому не плачивалъ, да съ тѣмъ и умеръ. A dire la verité, многіе мепризабельные люди пропустили слухъ, будто мы по-уши въ долгу, jusqu'aux oreilles; да и правительства дѣлывали намъ угрозы, только не очень это страшно. Весь свѣтъ знаетъ, сколько они правосудны: на этакой вздоръ не очень я гляжу и знаю, какъ въ случаѣ поступить съ ними. Есть у меня молодцы, кои меня въ нуждѣ не выдадутъ; они уже не одну и выемку отбили.

Антипъ. А сами бывали ль вы притомъ?

Фирлюфюшковъ. Вотъ еще! стану ли я съ такою подлостью encanailliроваться и жизнь свою рискировать. Довольно, я издали съ балкона смотрѣлъ.

(Въ то время, какъ Фирлюфюшковъ рѣчь сію

оканчиваетъ, Прасковья отъ скуки зѣваетъ и уйти хочетъ.)

Фирлюфюшковъ. Куда и ты идешь?

Прасковья. Я? я иду сказать барынѣ, что вы пріѣхали. (*Убѣгаетъ. Антипъ хочетъ также уйти.*)

Фирлюфюшковъ. (*взявъ Антипа за руку.*) А ты куда бѣжишь?

Антипъ. Кажется, мнѣ здѣсь дѣлать нечего; такъ я иду искать обѣда: я еще не ѣлъ сегодня.

Фирлюфюшковъ. Останься на часъ здѣсь

Антипъ. Да для какой нужды?

Фирлюфюшковъ. Для такой нужды, что я одинъ въ комнатѣ остаться не могу.

Антипъ. Да вѣдь вы не маленькое дитя; къ тому жъ у васъ свои слуги есть, для чего вы ихъ съ собою не имѣете, коли всего боитесь?

Фирлюфюшковъ. Какъ бы то ни было, только ты останься. Я боюсь тамъ быть, гдѣ никого людей нѣтъ.

Антипъ. (*увидя Некопѣйкова.*) Вотъ онъ съ вами побудетъ.

(*Бѣжитъ вонъ.*)

Послѣ этого обанкрутившійся купецъ Некопѣйковъ объявляетъ Фирлюфюшкову о своемъ проектѣ доставить Россіи столько денегъ, что всякій будетъ имѣть только трудъ поднимать

ихъ съ улицы. Фирлюфюшковъ радуется, что онъ тогда тотчасъ же себѣ сошьетъ двѣнадцать новыхъ кафтановъ, говоритъ, что великое будетъ дурачество, если кто привяжется къ книгамъ и письмамъ, сочувствуетъ Некопѣйкову, что тотъ торговалъ безъ всякихъ книгъ и записей, и удивляется его неумѣнію отдѣлаться отъ полиціи, не дозволявшей ему обирать малолѣтнихъ сиротъ.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Ворчалкина, Таларикинъ (сватающійся за Христину) и его дядюшка Дремовъ.

Ворчалкина. А! здравствуйте, государи мои. Добро пожаловать. Я рада, отъ сердца рада гостямъ; да и больше бы еще радовалась, еслибъ злые люди въ покоѣ насъ оставляли.

Дремовъ. Какіе злые люди, и что вамъ они сдѣлали, сударыня?

Ворчалкина. Развѣ вы не слыхали ничего? новыя-то чудеса не дошли развѣ до васъ?

Дремовъ. Какія?... Я никакихъ не знаю.

Ворчалкина. О, батька мой! житья намъ, бѣднымъ старухамъ, нѣтъ, а ужъ о почтеніи и говорить нечего. Вотъ, сказываютъ, сдѣлана камедь намъ въ ругательство; да играютъ ее. Что дѣлать!

Дремовъ. Вольно вѣдь вамъ брать на свой счетъ.

Ворчалкина. Да какъ не возьмешь. Сказываютъ, что сватья моя, да кума тутъ представлены; да таки точнешенько тутъ описаны.

Фирлюфюшковъ. Очень живо, parbleu, очень живо. Я видѣлъ комедію, и точь въ точь онѣ описаны. Какая была хохотня!

Ворчалкина (*Дремову*). Вотъ, батька, я не солгала: всѣ видѣли, какъ насъ потчуютъ.

Таларикинъ. Если вы о новой комедіи говорите, то и я могу васъ объ ней увѣдомить. Я былъ, какъ ее представляли. Смѣялись очень много для того, что смѣшные изображены въ ней характеры. Но я не знаю, на кого бы тутъ мѣчено было. Сочинитель этой комедіи хотѣлъ вывесть на театръ три порока и вывелъ въ образѣ трехъ женщинъ: одна была скупая, другая — взбалмочная вѣстовщица, а третья — суевѣрка.

Ворчалкина. Знаю, батька мой, знаю, что и ты намъ много посмѣялся.

Таларикинъ. Я смѣялся такъ, какъ и всѣ, порокамъ, а отнюдь не приходило мнѣ на умъ, чтобъ тутъ съ кѣмъ нибудь было сходство; это донесено вамъ неправильно.

Фирлюфюшковъ. А я-такъ по именамъ

всѣхъ узналъ. (*Ворчалкиной.*) И точно тѣ, о коихъ вы говорите.

Ворчалкина. Такъ, мой свѣтъ, всѣ такъ сказываютъ.

Таларикинъ (*иронически.*) Всякій судитъ по своему сердцу и чувствованіямъ. А я не ищу тутъ злаго, гдѣ его нѣтъ.

Дремовъ. Мнѣ кажется, что когда бъ тутъ были такія рѣчи, которыя кого нибудь трогаютъ, то бъ и играть не дозволили. Вѣдь за тѣмъ смотрятъ.

Ворчалкина. И.... батюшка! свѣтъ нынче таковъ: всему дурному потачка есть. Кому смотрѣть? кому запретить? и сами тѣ, кому бъ не допускать-то надобно было, хохочутъ изо всей мочи, когда руганье другимъ слышатъ.

Фирлюфюшковъ. Я того и смотрю, какъ и меня на театръ выведутъ... Но если это сбудется, то morbleu! ma foi (*ногой топчетъ*) достанется всѣмъ.... Я.... я (*принимаясь за шпагу*), я формально просить стану!

Некопѣйковъ. А я вамъ и проектъ челобитной составлю, если изволишь; да напишу и приложеніе, какимъ образомъ таковые и симъ подобные непорядки исправить.

Дремовъ. Ну, какъ вздумается кому представить на театрѣ безчётнаго дурака, кто тогда станетъ въ этомъ зеркалѣ находить себя? Я

думаю, что тотъ напередъ будетъ долженъ признаться, что онъ сходенъ образцу.... Однакожъ я объ закладъ ударюсь, что хоть въ свѣтѣ и есть дураки, но, по самолюбію, ни кто на свой счетъ не возьметъ, а будетъ находить кого нибудь другаго.

Таларикинъ. Что объ этомъ говорить. Комедія представляетъ дурные нравы и осмѣхаетъ то, что смѣха достойно, а отнюдь лично не вредитъ никого. Потому, еслибъ я примѣтилъ въ ней себя самого представлена и узналъ бы чрезъ то, что смѣшное во мнѣ есть, то-бъ я старался исправиться и побѣдить мои пороки; не сердился бы я за это, но, напротивъ того, почиталъ бы себя обязаннымъ.

Ворчалкина. Хорошо вамъ такъ говорить для того, что васъ не трогаютъ; а намъ, бѣднымъ, спасибо! довольно достается. Что дѣлать, вступиться не кому, и....

Затѣмъ Ворчалкина гостепріимно приглашаетъ всѣхъ отобѣдать.

Дѣйствіе второе.

Нѣкто Геркуловъ беретъ съ Фирлюфюшкова письменное дозволеніе называть его нечестнымъ человѣкомъ, если въ теченіе недѣли тотъ съ нимъ не расплатится. Затѣмъ является судья Спесовъ.

ЯВЛЕНІЕ II.

. . . .

. . . .

Геркуловъ. Дѣло извѣстное: Дремовъ старается женить Таларикина на Христинѣ.

Спесовъ. На Христинѣ! это дѣло нестаточное. Христина не такова подла. Она и другихъ жениховъ, получше природою, сыскать можетъ.

Геркуловъ. Это все правда; только мнѣ кажется, что она отъ этого не прочь... Однако, мать еще не согласна. Она продолжаетъ время, говоря, что Христина еще молода, и что она меньшой прежде большой дочери не выдастъ, а у большой еще и жениха нѣтъ. Но это только отговорка; а въ самомъ дѣлѣ, сказываютъ, будто матери-то не хочется съ приданымъ разстаться... Она любитъ дочерей и желаетъ ихъ пристроить, только богатство любитъ еще больше ихъ.

Спесовъ. Ну да ты женись на большой, а меньшая ужъ не будетъ безъ жениха.

Геркуловъ. А для чего жъ бы не на меньшой мнѣ жениться?

Спесовъ. Вотъ какой вопросъ, для чего? куда-какъ ты безтолковъ! для того... что я самъ... я... можетъ быть, женюсь на меньшой,

и время, кажется, мнѣ открыть госпожѣ Ворчалкиной: когда они сами не догадались, такъ быть-такъ, начать говорить. Однако, я чаю, что она, узнавъ мое намѣреніе, не говорю я, снисхожденіе, конечно съ радостью его приметъ и откажетъ Таларикину; а тѣмъ сдѣлаю два добра; и самъ женюсь на неубогой и нарочито знатной невѣстѣ и сихъ вредныхъ людей изъ дому этого выживу.

Геркуловъ. Это не дурно вздумано: женимся; только одного я боюсь...

Спесовъ. Чего? со мной, мой другъ, не сгинешь.

Геркуловъ. Боюсь того, чтобъ долго насъ на словахъ не проманили. Я вамъ уже сказывалъ, что трудно матери съ приданымъ разставаться. Особливо вдругъ за двумя надобно отдать.

Спесовъ. Можетъ быть и то. Однако я думаю, что таки и природа моя что нибудь поможетъ; впрочемъ что жъ дѣлать? вѣдь родители и по Уложенью *) вольны въ своихъ дѣтяхъ и приданомъ; а при сочиненіи стараго Уложенья все люди знатные были. Дѣдъ мой, будучи бояриномъ, тогда присутствовалъ, и вмѣсто его дьякъ руку приложилъ.

*) Уложеніе Царя Алексѣя Михайловича.

Примѣч. ред.

Геркуловъ. Каково вамъ покажется? мнѣ приходитъ на умъ маленькій способъ; отвѣдаемъ: авось либо онъ къ исполненію намѣренія нашего удастся.

Спесовъ. А какой?

Геркуловъ. Пропустимъ чрезъ кого нибудь слухъ, что скоро выйдетъ отъ правительства запрещеніе десять лѣтъ не вѣнчать свадебъ, и что въ это время, слѣдственно, никто ни за-мужъ выйти, ни жениться не можетъ. Госпожа Ворчалкина довольно вѣроятна и всякому слуху, хотя-бъ этого нелѣпѣе былъ, тотчасъ повѣритъ; слѣдовательно въ этомъ не усумнится и, принявъ его за правду, поспѣшитъ выдать дочерей своихъ.

Спесовъ. Какъ этому статься? повѣритъ ли она такой баснѣ?

Геркуловъ. Конечно, повѣритъ. Особливо когда и мы тоже подтвердимъ; вѣдь она знаетъ, что вы со многими знатными въ роднѣ.

Спесовъ. Нестаточное дѣло...

Геркуловъ. Ну, да если она этому не повѣритъ, такъ мы другое что нибудь выдумаемъ и пропустимъ новый какой нибудь слухъ, или сыщемъ способъ обманомъ достигнуть до желанія.

Спесовъ. Изрядно. Я согласенъ и подкрѣплять всею природою моею буду... Ты весьма

замысловатъ. Выдумки изъ твоей головы безъ запинки летятъ. Мы, знатной природы люди, не таковы прытки умомъ. Полно, и на что намъ разумъ! много такихъ и безъ насъ, которые должны думать, а мы судить только рождены, и потому, правду сказать, я болѣе пяти, шести слуховъ на своемъ роду не пропускивалъ; да и тѣ были не очень удачны..

Геркуловъ. А!... мы конечно не одни; кто нибудь подслушиваетъ *(Осматриваются.)*

Дѣйствіе третье.

Христина, узнавъ, что мать рѣшила выдать ее за Спесова, еще разъ, въ присутствіи Дремова, принимаетъ предложеніе Таларикина, который на колѣняхъ цѣлуетъ ея руку. Ворчалкина, увидавъ это, грозитъ Христинѣ, что сошлетъ ее въ деревню, и отказываетъ отъ дому Таларикину. Съ Христиной же дѣлается обморокъ, который приводитъ въ смущеніе всѣхъ ищущихъ ея руки.

Дѣйствіе четвертое.

Антипъ совѣтуетъ Гремухину отказаться отъ Христины и свататься за Олимпіаду, такъ какъ и этимъ бракомъ можно одинаково поправить свои средства.

—

ЯВЛЕНІЕ IV.

Гремухинъ, Олимпіада, Фирлюфюшковъ. (*Входитъ, поючи пѣсню французскую*), **Антипъ.**

Олимпіада. Ахъ! радость! куда какъ ты несносенъ! гдѣ такъ изволилъ по сю пору шататься?

Фирлюфюшковъ. Ah, ma princesse! bon jour. Я ѣздилъ гулять, взять немного воздуха. Вы знаете, что я умру, если долго въ одномъ мѣстѣ останусь. Я ничего не люблю, что́ uniforme; одна только красота ваша навсегда поселилась въ мою голову. Oui, votre beauté est enracinée dans mon coeur.

Олимпіада. Ха, ха, ха! куда какъ ты славенъ!... (*Гремухину*) Мнѣ кажется, онъ и впрямъ вздумалъ меня любить! ха, ха, ха! какія чудеса! безпримѣрно.

Гремухинъ. Какія чудеса, сударыня? не мудрено васъ полюбить: вы достойны любви.

Олимпіада. Немудрено! а мнѣ кажется мудрено. Да вамъ съ чего это немудренымъ представляется?

Гремухинъ. Это само по себѣ разумѣется: съ того, что вы прекрасны, что вы пріятны, что вы....

Фирлюфюшковъ (*ухвативъ Гремухина за руку.*) Permettéz, madame, представить вамъ mon

rival. Мнѣ-такъ сдается, что онъ въ васъ по уши влюбленъ.

Олимпіада. Ха, ха, ха! нельзя статься. Вы оба ужасть какъ неславны.

Фирлюфюшковъ. Оба! вы шутите! vous badinéz, madame, нельзя статься, чтобъ я безприкладно не былъ славенъ для васъ. Я двѣ недѣли, deux semaines entières, всякой день ѣзжу сюда, и вамъ дѣлаю мой cour, будто я не славенъ? Я еще отъ роду ни въ какомъ домѣ такъ долго не бывалъ.

Олимпіада. Легкое ли дѣло! велика мнѣ до тебя нужда!... Скучно; гдѣ Геркуловъ и Спесовъ? ужъ куда какъ они несносны. Воля ихъ, какъ заболтаются, такъ мочи нѣтъ. Я въ токой теперь дистракціи, чтобъ отъ скуки чего нибудь поѣла. (*Къ Антипу*). Послушай, мой дружокъ, скажи моей дѣвушкѣ, чтобъ она мнѣ чего нибудь принесла.... à propos, ха, ха, ха! Знаете ли вы, что Геркуловъ на мнѣ вздумалъ жениться? Ахъ, какъ онъ не важенъ! чтобъ я пошла за него. Ужъ подлинно! безпримѣрно-бъ это было, чтобъ я пошла за такова дурака! онъ весь свѣтъ передѣлать хочетъ, ха, ха, ха! какая пустошь въ голову его вселилась, c'ést un fou!

———

ЯВЛЕНІЕ V.

Прежніе, Геркуловъ.

Олимпіада. А! здравствуй душа моя, неважной! куда какъ мнѣ давеча досадилъ, я не знаю, какъ я жива, такъ я на тебя сердита, ужасть, ужасть!...

Геркуловъ. Да за что такой гнѣвъ, сударыня?

Олимпіада. За что? это я знаю... и никогда не забуду.—Уморишь.... ужъ подлинно, радость, уморишь. (*Фирлюфюшкову, который съ тѣхъ поръ, какъ Геркуловъ вошелъ, въ великую пришелъ трусость.*) Скажи ему, что я терпѣть его не могу.

Фирлюфюшковъ. Тотчасъ! tout à l' heure je dirai.

Олимпіада. Eh bien, mon ami! Помогай мнѣ. Не правда ли, что онъ такъ смѣшонъ.... безпримѣрно смѣшонъ... да что ты не говоришь ему ничего?

Фирлюфюшковъ (*Геркулову.*) Очень смѣшонъ и не славенъ.

Геркуловъ. Слушай ты, молодчикъ! съ тобою я перевѣдаюсь.

Фирлюфюшковъ. Да какъ же мнѣ ее не слушать? Cela sera impoli de ma part.

Геркуловъ. Зажми ротъ, я тебѣ сказываю.

Олимпіада (*Геркулову.*) Ахъ, радость! какъ ты бранчивъ.... боюсь! пожалуй, уйми свой гнѣвъ.... прилично ли браниться съ ребенкомъ?

Фирлюфюшковъ (*прячется за Олимпіаду.*) Ah, ma déesse! какое на васъ прелестное платье, quel gout!

Олимпіада (*Гремухину.*) А вы чему изволите смѣяться? полно важничать.

Гремухинъ. Я радуюсь, что Фирлюфюшковъ пользуется покровительствомъ вашимъ.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ жъ, Прасковья.

Прасковья (*Олимпіадѣ.*) Матушка приказала васъ къ себѣ позвать. Она васъ ждать изволитъ.

Олимпіада. Тотчасъ.—Господинъ Гремухинъ, не изволишь ли проводить меня! (*въ сторону*) я выправлю и этого: il est goche! il est goche!

(*Олимпіада съ Гремухинымъ и Прасковья уходятъ; Фирлюфюшковъ также уйти хочетъ, но Геркуловъ его останавливаетъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VII.

Геркуловъ, Фирлюфюшковъ.

Геркуловъ. Постой, мой другъ, мнѣ есть нуждица до тебя.

Фирлюфюшковъ. Да мнѣ нѣтъ никакой; притомъ мнѣ и недосугъ.

Геркуловъ (*его держа.*) Недосугъ тебѣ? развѣ ты позабылъ, что ты мнѣ дозволилъ, когда чрезъ часъ не дашь письма, называть тебя плутомъ, мошенникомъ, и....

Фирлюфюшковъ. Вѣдь это была только шутка между нами.... c'est un badinage.

Геркуловъ. Такъ ты, братъ, обѣщаніями своими шутишь! Однако, мнѣ нѣтъ до скаредныхъ твоихъ обычаевъ нужды. Отдай мои деньги, отдай сейчасъ.

Фирлюфюшковъ. Гдѣ мнѣ теперь ихъ взять? со мною нѣтъ ни полушки; я завтра или тотчасъ къ тебѣ пришлю.

Геркуловъ. Нѣтъ, братъ! я вижу, что мнѣ инако съ тобою раздѣлываться надобно.

Фирлюфюшковъ. Говори потише; люди всѣ услышатъ.

Геркуловъ. Что мнѣ нужды до людей; хотя бъ и сама Олимпіада, эта покровительница твоя, при которой ты меня дурачить хотѣлъ, здѣсь была и слышала все. Я болѣ спускать

тебѣ не хочу—или деньги, или, вотъ, палка.... (*беретъ палку.*)

Фирлюфюшковъ. Неужто за этакую бездѣлицу ты и драться станешь? Пусти меня.

Геркуловъ. Увидишь, какъ я самъ себѣ твой долгъ платить стану! (*бьетъ его палкою и приговариваетъ*) Не обманывай честныхъ людей; держи данное свое слово; не дозволяй поступать съ собою, какъ съ бездѣльникомъ; вотъ... плутовъ бьютъ, обманщиковъ бьютъ, бездѣльниковъ бьютъ, мошенниковъ....

Фирлюфюшковъ. (*во все время кричитъ: ой! ой! ой! и наконецъ упадаетъ, а Геркуловъ, бивъ его, сколько хотѣлъ, и переломавъ палку, уходитъ. Фирлюфлюшковъ, лежа на землѣ*) Ой! ой! караулъ! караулъ! бьютъ до смерти, рѣжутъ! (*на крикъ его прибѣгаютъ Антипъ и Прасковья.*)

Дѣйствіе пятое.

Обманъ Спесова и Геркулова открывается, а Гремухинъ уѣзжаетъ по случаю смерти отца.

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ворчалкина, Дремовъ, Спесовъ, Олимпіада, Прасковья.

Олимпіада. Всѣ мнѣ, матушка сударыня, сказываютъ, что вы сестрицу для того только выдать за-мужъ не хотите, что я большая; и

если это одно препятствіе, такъ сдѣлайте мнѣ милость и на старшинство мое не глядите; я за-мужъ не хочу, и рада вѣкъ быть дѣвкою и жить съ вами. Отдайте ее: да мнѣ только одну обѣщайте милость.....

Ворчалкина. Какую? чего ты хочешь?

Олимпіада. Я во всемъ вашей волѣ покоряться готова; не выступлю никогда изъ должнаго послушанія, только позвольте мнѣ всегда, когда я захочу, ѣздить въ комедіи, на балы, гдѣ бы они ни были: въ этомъ только мнѣ дайте полную свободу и не прекословьте никогда; впрочемъ, я вѣкъ ни за кого не захочу и съ вами не разстанусь.

Ворчалкина. Вотъ еще какая диковинка! какое желаніе! да не раскаяваться бы послѣ?

Олимпіада. Если и раскаюсь, сударыня, такъ тогда на себя пенять стану; а впрочемъ, время не уйдетъ, я и тогда еще жениха себѣ сыщу. Теперь не хочу мѣшать сестрину счастію, если она такъ замужство почитаетъ; выдайте ее за господина Таларикина: они другъ въ друга смертельно влюблены и умрутъ съ печали, если вы откажете.

Ворчалкина. Ну, добро,... быть такъ.... я ее отдамъ за него и позабуду давешнюю досаду.... хоть она и горька мнѣ....

Дремовъ. Примите жъ, сударыня, мое бла-

годареніе и позвольте послать за племянникомъ моимъ....

Прасковья. Извольте, я сбѣгаю. Онъ отсюда недалеко, я знаю; да и невѣсту я сыщу.

(Прасковья уходитъ).

Ворчалкина. А вы, господинъ судья, господинъ знатной природы, Спесовъ, не изволите ль изъ дому моего удалиться: вы видите, что вы въ немъ лишній. Здѣсь все мелкіе дворяне, все равные, такъ пожалуй, батька мой, оставь насъ въ покоѣ. Знайся съ буяномъ Гркуловымъ, котораго въ домъ къ себѣ также пускать я не велѣла: да если изволишь, съ господиномъ Фирлюфюшковымъ, который знатной же природы, хоть палками бить себя и позволяетъ. Скажи имъ обоимъ, что я всѣхъ васъ трехъ видѣть и терпѣть у себя по многимъ причинамъ не хочу; а первому прибавьте и то, что я хотя стара, хоть, по мнѣнію вашему, легковѣрна, но не такъ скоро провесть меня можно!

Спесовъ. Къ чему эти пустыя слова? я и безъ того, въ разсужденіи знатности моей природы, хотѣлъ презирать васъ всѣхъ. Прощайте.... дойдетъ нужда до нашего рода, тогда спокаетесь.

(Уходитъ съ презрѣніемъ).

Дремовъ. Какая глупая гордость! хвалиться родомъ, это называется хвалиться чужимъ; во-

рона всегда будетъ ворона, хотя бъ она и павлиновыми украсилась перьями.

. . . .

. . . .

ЯВЛЕНІЕ ПОСЛѢДНЕЕ.

Прасковья (*одна*). Дѣло наше, кажется, кончилось. Дураки съ ихъ пороками прогнаны и наказаны, а добродѣтель награждена, что мнѣ очень пріятно. Правда, госпожа Ворочалкина, не столько богата, какъ Ханжихина съ товарищи, но если снисхожденіе съ одной стороны сравняется съ усердіемъ другой, то приданымъ нашимъ и глаза и уши довольны быть должны. Мы потчуемъ по пословицѣ, чѣмъ богати тѣмъ и ради.

Конецъ пятаго дѣйствія и комедіи.

б) Комедіи противъ сектантовъ.

Въ царствованіе Имп. Екатерины II въ русскомъ обществѣ распространялись разныя таинственно-религіозныя ученія еретическаго характера. Одни распространяли ихъ въ силу своего убѣжденія, другіе только для того, чтобы, пользуясь таинственностью, обманывать и обирать простодушныхъ людей. По этому поводу Государыня написала нѣсколько произведеній. Ея комедія: „Шиманъ Сибирскій" представляетъ шарлатана, который будто-бы „по лицу узнаетъ умоначертаніе человѣка" и умѣетъ излѣчивать опасныя болѣзни. „Обманывая тѣхъ, которые сами хотятъ обманываться, которыхъ глупость и невѣжество видитъ колдовство тутъ, нагдѣ смыслъ обыкновенный ихъ кратокъ находится", Шиманъ Амбанъ-Лай обманываетъ преклоняющихся передъ нимъ до тѣхъ поръ, пока полиція его не арестуетъ. Очень недружелюбно относились Государыня къ сектѣ массоновъ, которые сильно развились въ противовѣсъ холодной, разсудочной философіи XVIII вѣка. Массоны у насъ и на Западѣ проповѣдывали любовь и братство, во всемъ видѣли таинственное и, не допуская контроля за своими дѣйствіями со стороны разума, впадали въ тайную, нелѣпую и даже смѣшную обрядность. Этой таинственностью нерѣдко пользовались злонамѣренные люди и обкрадывали наивныхъ людей. Государыня, видя въ массонахъ против-

никовъ новой философіи (Вольтера, Дидро и т. д.), въ которой были свои свѣтлыя стороны, и послѣдовательницей которой она сама являлась, къ сожалѣнію, мало цѣнила ихъ проповѣдь любви и ихъ благотворительную и просвѣтительную дѣятельность у насъ, напротивъ, исключительно выдвигала ихъ склонность къ нелѣпой таинственности и отождествляла ее съ обираніемъ неразумныхъ людей. Это она и осмѣяла въ двухъ своихъ комедіяхъ. Въ одной изъ нихъ: „Обольщенный“ рисуется отецъ семьи, который легковѣрно отдался разсказамъ недобросовѣстныхъ людей. Другая комедія: „Обманщикъ“ выводитъ типъ такого шарлатана. Подобное же отношеніе къ массонамъ мы видимъ и въ небольшомъ сатирическомъ произведеніи Императрицы: „Тайна противо - нелѣпаго общества (anti-absurde), открытая непричастнымъ оному“. Здѣсь осмѣивается какъ вступленіе въ секту, такъ и ея катехизисъ.

в) Историческія представленія.

Произведенія Имп. Екатерины II замѣтно отражаютъ на себѣ вліяніе Шекспировскаго генія. Это мы видимъ между прочимъ въ двухъ ея „историческихъ представленіяхъ“: „Изъ жизни Рюрика“ и „Начальное управленіе Олега“. По самому своему заглавію обѣ пьесы представляютъ „подражаніе Шекспиру безъ сохраненія театральныхъ обыкновенныхъ правилъ“, т. е. ложноклассическихъ единствъ. Національность этихъ произведеній, выразившаяся въ помѣщен-

ныхъ тамъ народныхъ пѣсняхъ и въ изображеніи древнихъ обрядовъ, можно тоже считать результатомъ вліянія великаго драматурга. Такое же стремленіе къ народности встрѣчается и въ операхъ Государыни. Кромѣ слабыхъ передѣлокъ, на русскомъ языкѣ еще не появлялось переводовъ Шекспировскихъ произведеній; большая часть европейской критики еще враждебно относилась къ великому генію; Вольтеръ, ревностной поклонницей котораго являлась Императрица, называлъ его „дикаремъ“. Между тѣмъ Государыня пытается ему подражать и тѣмъ способствуетъ ослабленію у насъ ложноклассическаго направленія. Что касается содержанія этихъ „историческихъ представленій“, то оно интересно только тѣмъ, что выражаетъ взглядъ автора на отношеніе княжеской власти къ народу. Здѣсь проявилась господствовавшая тогда, такъ называемая, идея просвѣщеннаго деспотизма, въ силу которой предполагалось, что счастье и благополучіе народовъ вполнѣ зависятъ отъ правящей власти. Къ тому же требованія ложнаго классицизма дозволяли произвольно обращаться съ героями древности, а неразработанная еще исторія не полагала на то предѣловъ.

НАЧАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНІЕ
ОЛЕГА.

ПОДРАЖАНІЕ ШАКЕСПИРУ,

БЕЗЪ СОХРАНЕНІЯ ѲЕАТРАЛЬНЫХЪ ОБЫКНОВЕННЫХЪ ПРАВИЛЪ.

1786 годъ.

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Въ семъ Историческомъ представленіи болѣе есть исторической истины, нежели выдумки; ибо Исторія повѣствуетъ, что „при концѣ жизни Великаго Князя Рюрика, когда былъ вельми боленъ и началъ изнемогати, видѣвъ сына своего Игоря во младыхъ лѣтахъ, отдалъ княженіе и сына своему шурину Олегу, Князю Урманскому“ *) Олегъ, по сему опредѣленію Рюрика, въ самомъ дѣлѣ былъ цядя и дядька Игоря.

Въ запискахъ касательно Россійской Исторіи **) подъ заглавіемъ Великій Князь Игорь I включено, что „Олегъ началъ опекунское свое управленіе объѣздомъ областей Русскихъ: при-

*) Венгры.

**) Составленной самой Императрицей.

шедъ на мѣсто, гдѣ рѣки Москва, Яуза и Неглинная соединяются, построилъ малый градъ, назвалъ его Москва и далъ его во владѣніе единому изъ своихъ свойственниковъ".

Основываясь на сей истинѣ, заложеніемъ Москвы начинается первое дѣйствіе. Тутъ къ Олегу приходятъ присланные отъ Кіевлянъ съ жалобами на Оскольда. Въ „Запискахъ касательно Россійской Имперіи" написано о сихъ жалобахъ тако: „Писатели думаютъ, что причину къ тому подало то, что Оскольдъ во время своего похода въ Царьградъ принялъ вѣру Христіанскую, что узнавъ, Кіевляне донесли Олегу, жалуяся, что Оскольдъ безъ вѣдома Великаго Князя крестился и хочетъ перемѣнить народную вѣру". Итакъ, Олегъ тѣмъ паче побужденъ ѣхать въ Кіевъ, что онъ съ Сѣвера, Запада и Полудня имѣетъ увѣдомленіе о крещеніи родственниковъ его Гаралда, Короля Датскаго, и Бориса, Царя Болгарскаго, такожде Борзивоя, Князя Чехскаго; въ самомъ дѣлѣ крещенія сіи происходили прежде, послѣ и около того времени, о чемъ свидѣтельствуютъ выписки изъ Исторіи тѣхъ народовъ, кои къ „Запискамъ касательно Россійской Исторіи" припечатаны.

Второе дѣйствіе начнется проходомъ Угровъ мимо Кіева, и въ то же время Игорь съ Олегомъ съѣдутся; тутъ отъ исторіи отступлено, понеже

Игорь малъ бѣ, когда Олегъ смѣнилъ Оскольда, слѣдовательно жениться не могъ, но бракомъ сочетался съ Прекрасою уже нѣсколько лѣтъ спустя въ Кіевѣ. Оскольдъ убитъ былъ при смѣнѣ, но здѣсь онъ уходитъ къ Леграмъ; по смѣнѣ Оскольда, Олегъ и Игорь въѣдутъ въ Кіевъ, куда и Прекраса перевезена.

Третье дѣйствіе открывается свадебнымъ нарядомъ Прекрасы, и почти все дѣйствіе сіе занимается древнимъ обрядомъ при свадьбѣ наблюдаемымъ. Въ концѣ онаго Олегъ сбирается ѣхать въ Царьградъ, что сходственно съ Исторіею, такъ равномѣрно, какъ число людей и судовъ, съ нимъ бывшихъ; при отъѣздѣ Олегъ наречетъ Прекрасу Ольгою, и сіе обстоятельство съ Исторіею сходно.

Въ четвертомъ дѣйствіи Олегъ предъ Царьградомъ заключаетъ славный миръ; сіе происшествіе слово отъ слова почти взято изъ Исторіи Россійской и другихъ земель, гдѣ о томъ точно упоминается.

Въ пятомъ дѣйствіи ни мало не отступлено отъ Исторіи, ибо Олегъ дѣйствительно имѣлъ свиданіе съ Восточнымъ Императоромъ Леономъ; равнымъ образомъ и кончится сіе Историческое представленіе согласно съ Исторіею тѣмъ, что Олегъ щитъ Игоревъ укрѣпляетъ на Иподромѣ.

———

Дѣйствіе третіе.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Ѳеатръ представляетъ палату Княжескаго дома въ Кіевѣ; двѣ боярыни свахи вводятъ Прекрасу подъ руки въ чертоги; она въ тѣлогрѣѣ парчевой, рукава кисейные, въ перевязкѣ, въ косахъ висящихъ, и фатою флеровою покрыта).

Тріянъ *). Государскимъ велѣніемъ, Княжна Прекраса, привезли мы тебя благополучно изъ Изборска въ сей славный градъ Кіевъ, введена ты въ чертоги Княжескіе и наречена Государынею Княжною Великою и невѣстою Князя Великаго.

(Свахи сажаютъ Прекрасу за дубовый столъ за скатертьми браными; потомъ четыре свахи садятся на одной лавкѣ врядъ, а четыре сидячія барыни на другой лавкѣ врядъ. Стоящія дѣвушки поютъ, и музыка играетъ).

ХОРЪ.

Перекатно красно солнышко, перекатно,
И ты, звѣзда, закатилася,
Перехожа наша подруженька,
Изъ горницы въ горницу, въ столовую во новую,
Садилась за дубовый столъ за скатертьми за браными,

*) Бояринъ Новгородскій.

Сидючи она задумалася,
Что задумавши заплакала,
Во слезахъ слово молвила:
Государь родимый батюшка
И родимая матушка,
Можно ли думы раздумати,
Меня дѣвицу не выдавати
За могучаго великаго богатыря?

Тріянъ. Подобаетъ теперь нареченную невѣсту Княжну Великую Прекрасу нарядить по своему чину, какъ ей Государынѣ итти на мѣсто, въ платье и въ вѣнецъ золотой съ городы *), съ каменьи и съ жемчуги.

(Тріянъ уходитъ и мужчинъ нѣтъ ни единаго).

(Свахи, барыни и дѣвушки наряжаютъ Прекрасу, какъ выше сказано, и верхнее Русское платье на нее налагаютъ, и пока наряжаютъ, поютъ свадебныя пѣсни, и музыка играетъ).

ХОРЪ.

По сѣнечкамъ, сѣнечкамъ,
Тутъ ходила, гуляла
Молодая боярыня,
Во рукахъ она носила
Блюдо серебряное,
    На блюдечкѣ носила
    Два яхонта червчатые,

---

*) Древнее названіе фестоновъ. Прим. ред.

Двѣ алмазныя запоны,
Сама проговаривала:
Ахъ вы яхонты, яхонты,
Двѣ алмазныя запоны,
Полежите малешенько,
Покуль я молодешенька
Схожу въ свѣтлую свѣтлицу,
Во столовую горницу,
Гдѣ сидитъ мой сердечный другъ,
Гдѣ нынѣ прохлажается,
Музыкой забавляется,
А мной похваляется:
У меня де жена умная,
У меня душа разумная,
Походка павлиная,
Тихая рѣчь лебединая,
Очи яснаго сокола,
Брови чернаго соболя.

(За симъ слѣдуетъ пляска однѣхъ дѣвушекъ).

(Нарядивши Прекрасу и покрывъ ее покрываломъ, а на покровъ убрусцомъ, а убрусецъ низанъ жемчугомъ съ дробницами золотыми, посадятъ ее по прежнему, а свахи и боярыни сидячія сядутъ по своимъ мѣстамъ, потомъ поютъ).

ХОРЪ.

Ты расти, расти чадо милое,
Отцу, матери на честь, хвалу,
Роду, племени на похвальбу,
Всему міру на завидость;

Пусть люди дивуются,
У боярина дочь хороша,
Калачами была вскормлена
И сытой была воспоена.

ЯВЛОЕІЕ II.

Прекраса, свахи, боярыни сидячія, дѣвушки, дружка.

Дружка *(входя поклонится Прекрасѣ).* Государь Князь Великій велѣлъ тебѣ Княжнѣ Великой Прекрасѣ итти на мѣсто.

(Прекраса, свахи и боярыни сидячія встаютъ, двѣ свахи берутъ Прекрасу подъ руки бережно, дружка идетъ напередъ, свахи и боярыни и дѣвушки идутъ за нею съ ѳеатра долой).

ЯВЛЕНІЕ III.

(Ѳеатръ представляетъ площадь града Кіева).

Двое мѣщанъ кіевскихъ.

Первый мѣщанинъ. Здорово, братъ.

Второй мѣщанинъ. Здорово.

Первый мѣщанинъ. Ты знатно за тѣмъ же сюда пришелъ, за чѣмъ и я?

Второй мѣщанинъ. Я шелъ смотрѣть ходъ Князя Великаго изо дворца ко храму для свадьбы.

Первый мѣщанинъ. И я за тѣмъ же сюда пришелъ.

Второй мѣщанинъ. Что за свертокъ у тебя въ рукахъ?

Первый мѣщанинъ. Я досталъ изо дворца списокъ, какъ кому за кѣмъ въ ходу изъ дворца слѣдуетъ итти.

Второй мѣщанинъ. Лишь бы скорѣе пошли, мнѣ недосугъ долго здѣсь мѣшкать, я подрядился возить сухари на суда... у насъ спѣшатъ.

Первый мѣщанинъ. Ужъ идутъ.

Второй мѣщанинъ. Прочти же мнѣ... я читать не умѣю...

Первый мѣщанинъ. Добро... *(читаетъ).* Во первыхъ, предъ Государи камки червчаты и желты будутъ слать Стольники; впереди идутъ поѣзжане...

ЯВЛЕНІЕ IV.

(Ходъ идетъ чрезъ ѳеатръ, и народа много).

Двое мѣщанъ Кіевскихъ.

Первый мѣщанинъ. *(Онъ попеременно то на ходъ, то въ бумагу глядитъ).* А строилъ и уряжалъ Бояринъ...

Второй мѣщанинъ. За поѣзжанами кто идетъ?

Первый мѣщанинъ. Дружки,... а за друж-

ками Бояры... да Окольничіе... да Думные люди... Тысяцкій ведетъ Князя Великаго подъ руки, а Конюшій Бояринъ идетъ возлѣ него...

Второй мѣщанинъ. Посмотри, какъ Государь то нараженъ!

Первый мѣщанинъ. Онъ нараженъ въ кожухъ золотный, аксамитный, на соболяхъ, да въ шубу русскую, соболью, крытую бархатомъ золотнымъ.

Второй мѣщанинъ. Государь идетъ, заметавъ полы назадъ за плеча...

Первый мѣщанинъ. А поясъ на Государѣ кованый, золотой...

Второй мѣщанинъ. А бояре и окольничіе, и стольники, и дворяне всѣ въ золотѣ...

Первый мѣщанинъ. И въ черныхъ шапкахъ и въ ожерельяхъ стоячихъ и отложныхъ...

Второй мѣщанинъ. Вотъ нареченная невѣста... Свахи ее подъ руки бережнехонько ведутъ...

Первый мѣщанинъ. За ней меньшія свахи... да боярыни сидячія...

Второй мѣщанинъ. Это что за робятки по сторонамъ идутъ?

Первый мѣщанинъ. Робятки, видишь, для береженія, чтобы между Государя Князя Великаго и Государыни Княжны Великой пути не переходилъ никто... Это дѣтки боярскіе...

Второй мѣщанинъ. Изголовье на что... и сорокъ соболей?

Первый мѣщанинъ. На изголовьѣ женихъ и невѣста сядутъ... а соболями ихъ опахиваютъ... такъ водится...

Второй мѣщанинъ. А колодочки на что?

Первый мѣщанинъ. Чтобъ поставить подъ ноги.

Второй мѣщанинъ. Что Князя Олега въ ходу не видать?

Первый мѣщанинъ. Самъ возишь сухари на суда... а спрашиваешь... Онъ, знатно, занятъ вооруженіемъ... Сказываютъ, будто по окончаніи веселья онъ съ первымъ благополучнымъ вѣтромъ отправится съ войскомъ въ Греческую Державу.

Второй мѣщанинъ. Ахти!... побѣгу я, чтобъ за сухарями дѣло не стало... прощай.

Первый мѣщанинъ. Прощай...

(Оба уходятъ).

Сцена измѣняется и представляетъ „чертоги княжескіе".

г) Оперы.

Стремленіе къ національности особенно проявилось въ операхъ Государыни, но стихи въ нихъ принадлежатъ не ея перу. Эти произведенія неинтересны въ чтеніи, но своими пѣснями,

балетомъ и вообще своею постановкою доставляли большое удовольствіе зрителямъ въ дворцовомъ эрмитажномъ театрѣ. Этому содѣйствовало именно то, что всѣ они хоть внѣшнимъ образомъ, но связаны съ русскою жизнью. Для приводимой ниже оперы: „Новгородскій Богатырь Боеслаевичъ“ Императрицѣ послужили новгородскія былины, а для другихъ оперъ русскія сказки и пѣсни. Нѣкоторыя изъ нихъ, бывшія у Государыни въ рукописныхъ сборникахъ, безъ всякихъ даже измѣненій вошли въ ея произведенія; такъ напр., въ оперѣ: „Федулъ съ дѣтьми“ помѣщена пѣсня: „Во селѣ, селѣ Покровскомъ“, которая потомъ долго распѣвалась въ великосвѣтскихъ гостиныхъ; опера „Өевей“, какъ сказано въ заглавіи ея, „составлена изъ словъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій“. Такія же народныя пѣсни мы встрѣчаемъ и въ „историческихъ представленіяхъ“ Императрицы. Вся ложно-классическая критика съ Вольтеромъ во главѣ считала народную поэзію противорѣчіемъ просвѣщенію, и писатели, рѣшавшіеся черпать изъ нея, вмѣняли себя въ обязанность улучшать ея „неисправный слогъ“, противорѣчившій ихъ эстетикѣ. Поэтому, если мы примемъ во вниманіе, что при такомъ состояніи критики Императрица тѣмъ не менѣе любила народную поэзію въ ея подлинномъ видѣ, то намъ придется за Государыней — авторомъ признать заслугу въ сближеніи между собою народной и искусственной поэзіи.

НОВОГОРОДСКІЙ БОГАТЫРЬ
БОЕСЛАЕВИЧЪ.
ОПЕРА КОМИЧЕСКАЯ,

составлена изъ сказки, пѣсней русскихъ и иныхъ сочиненій.

1786 г.

Дѣйствіе открывается балетомъ, въ которомъ богатырь Василій Боеслаевичъ вступаетъ въ кулачный бой съ Новгородскою черныю и прогоняетъ ее. Посадники просятъ его мать Амельфу Тимоѳѣевну унять свое милое чадо.

ЯВЛЕНІЕ VI.

Василій, Амельфа, Умила.

Амельфа *(къ Василью).*

Охъ, ты мое чадо милое! перестань ты ходить на улицу на Рогатицу; полно тебѣ играть съ мужиками Новогородскими, вижу я въ тебѣ силу богатырскую, но ты еще дитя младое; твои шутки не удалыя: ты на кулачномъ бою всѣхъ прибилъ, скорбятъ на тебя посадники и люди Новогородскіе; когда они на насъ подымутся, на кого намъ понадѣяться? въ сиротствѣ мы съ тобой осталися! хоть твоя сила велика, но стать ли тебѣ на тысящу? А побіешь ты тысящу, за тысящью ихъ и смѣты нѣтъ. Послушай слова добраго, перестань ходить ты на улицу.

Василій *(поклоняется своей матери).* Государыня ты моя матушка, не боюсь я посадниковъ, не страшны мнѣ люди Новогородскіе, я боюсь твоихъ рѣчей родительскихъ, мнѣ страшно твое слово доброе; не пойду я уже на улицу; но чемъ же мнѣ позабавиться? съ кѣмъ отвѣдати могуча плеча? не сидѣть ты меня породила; не даромъ мнѣ моя звѣзда счастливая дала силу богатырскую; какъ придетъ моя пора, укрочу я всѣхъ посадниковъ, мнѣ поклонится земля Словенская и Старорусская; а теперь я во твоей волѣ, но прикажи ты мнѣ потѣшиться: благослови выбрать товарищей, съ кѣмъ бы было мнѣ слово молвить, съ кѣмъ отвѣдать мнѣ своей руки. Ты вели мнѣ дать зелена вина и наварить пива: я дамъ почесть всему граду, и найду чрезъ то товарищей, чтобъ были они на мою руку.

Амельфа. Добро, я прикажу. *(Уходитъ).*

Послѣ балета, изображающаго пиръ у Бoеслаевича, театръ представляетъ Новгородскую думу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Сатко, Чудинъ, Рагуилъ *).

(Посадники входятъ и по скамьямъ сядутъ).

Чудинъ. *(Когда посадники усѣлися, встаетъ Чудинъ, выходитъ онъ на средину горницы, на всѣ*

*) Посадники Новгородскіе.

четыре стороны поклоняется, онъ поглаживаетъ свою сѣдую бороду, трижды ударяетъ о полъ посохомъ, и начинаетъ): Вы, гой еси, мужи Словенскіе и всѣ посадники Новогородскіе! не стало Князя въ нашей области, Боеслай оставилъ вамъ мало дѣтище. Мы правимъ всею землею Словенскою и Старорусскою, уповаемъ мы на это дѣтище Княженецкое; мы ждемъ въ немъ обороны крѣпкія и управы добрыя, ждемъ лишь въ немъ ума зрѣлаго, чтобъ поставить его во главу себѣ. Но сіе дѣтище неудалое, пропадаетъ отъ него земля Словенская и Княжество Старорусское. Василій Боеславичъ дошелъ едва лѣтъ пятьнадесяти, а ужъ замыслы его не робятскіе, и забавы его не обычныя. Прежде онъ своими шутками изуродовалъ людей смѣты нѣтъ, а теперь прибираетъ къ себѣ богатырей изъ всея земли Русскія и народъ поитъ, кормитъ; въ чемъ будетъ его такова дума?

Первый посадникъ *(сидя.)* Онъ хочетъ насъ прибрать во свои руки и владѣть нами своей волею.

Второй посадникъ *(сидя).* Пропадетъ наша вся слава добрая!

Третій посадникъ *(сидя).* Насмѣется намъ бѣлой свѣтъ, что мы мудрые посадники покорилися малому дѣтищу. Оле намъ стыда сего!

Сатко *(сидя).* О, вы посадники могучіе, соберите вы свое единодушіе.

Рагуилъ *(сидя).* Призовите вы свой крѣпкой умъ!

Чудинъ *(стоя).* Не дѣтищу нами ругатися! подсѣчемъ мы зло въ его корени, поколь оно не утолщено! мы сдѣлаемъ пиръ на цѣлый міръ лучше его; призовемъ мы на оный Василья Боеслаевича, и учнемъ выпытывать.

Рагуилъ. Хорошо; поднесемъ мы ему братину вина заморскаго.

Сатко. Буде не станетъ пить, инъ онъ зло мыслитъ.

Первый посадникъ. Буде выпьетъ, во хмелю онъ промолвится, и что есть на сердцѣ, онъ все выскажетъ.

Второй посадникъ. Коль примѣтимъ мы, что не кормилецъ онъ земли Словенскія, мы промыслимъ себѣ князя по сердцу.

Третій посадникъ. Насъ бѣлой свѣтъ не осудитъ въ томъ.

Сатко. Не одинъ онъ роду Княженецкаго на святой Руси.

Чудинъ. Буде же нѣтъ, проживемъ мы, братцы, и своимъ умомъ.

(Посадники съ мѣстъ своихъ поднимаются и до пояса они передъ Чудинымъ поклоняются и поютъ).

ХОРЪ.

Быть по твоему,
Какъ придумала
Твоя голова умная! *(уходятъ)*.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Амельфа, Умила, Сатко, Чудинъ, Рагуилъ, Василій.

Сатко. Князь Василій Боеславичъ! просимъ тебя всѣ усердно почестить нашъ пиръ своимъ присутствіемъ.

Василій. Буде матушка благословитъ къ вамъ итти, то буду.

Амельфа *(къ Василью)*. Я тебѣ не прещаю, мое милое чадо, побывать на пиру. *(Посадники поклонясь уходятъ)*.

Ты пей мой другъ,
Не пропей ума!
Люди сіи суть хитры,
Лихорадливы.

Обойдутъ тебя словомъ лестливымъ; но ты, когда до похвалъ дойдетъ, не хвались ничѣмъ у нихъ: лѣта твои младыя, не груби ты ни въ чемъ посадникамъ.

Василій *(поклоняется своей матери)*.

Благодарствую, матушка,
Что меня надоумила,
Я одинехонекъ на пиръ пойду,
Безъ Фомы, безъ Потанюшки я иду *).

*) Богатыри, друзья Боеславича.

Посадники даютъ пиръ, на которомъ всѣ хвастаются, такъ, одинъ изъ нихъ поетъ народную пѣснь:

1-й посадникъ.

Жена моя боярыня,
Родомъ она Болгарыня,
Черноброва.
Черноглаза,
Черноволоса,
Съ поволокою глаза,
Съ примашкою голова,
Съ прищелкою рука,
Съ притопкою нога.

Долго не могутъ заставить расхвастаться Боеслаевича, но вино беретъ верхъ.

Рагуилъ. Князь Василій Боеслаевичь, для чего ты ничѣмъ не похвалишься, для чего невесело сидишь?

Василій. Ой еси, вы посадники Новогородскіе! се похвальба Василья Боеславича, что сидѣть ему надъ землей Словенскою и княжить на старой Руси; быть Нову-Граду всему за нимъ.

Сатко. Не бывать за тобою Нову-Граду!..

Чудинъ. Не сидѣть тебѣ надъ землею Словенскою и не княжить на Старорусcіи!

Рагуилъ. Не доживъ поры, ты похваляешься.

1-й посадникъ. Не стерпѣть сего намъ, Посадникамъ!

2-й посадникъ. Младъ еше, не зрѣлъ твой умъ.

3-й посадникъ. Намъ нечего отъ тебя дожидаться.

Сатко,
Чудинъ,
Рагуилъ,
1-й посадникъ,
2-й посадникъ,
3-й посадникъ,

На утро ты иди изъ земли нашей, не пойдешь, инъ погонимъ тебя съ честію.

Василій. Не боюсь я васъ, Посадниковъ; собирайте вы всю силу Новогородскую, я иду съ нею перевѣдаться; не изгнать вамъ меня изъ земли Словенскія, таки быть за мною всему Новуграду! (*Сказавъ сіе, встаетъ онъ изъ-за стола дубоваго, отдаетъ поклонъ посадникамъ и идетъ. Посадники въ изумленіи даютъ ему широкій путь*).

Потомъ мать за это порицаетъ его, а посадникамъ посылаетъ каменья самоцвѣтные. Они ихъ не принимаютъ, и балетъ изображаетъ, какъ толпа идетъ къ погребамъ, какъ Василій вылѣзаетъ и гонитъ всѣхъ осью дубовою. Посадники опять просятъ Амельфу Тимоѳѣевну укротить сына.

ЯВЛЕНІЕ II.

Василій, Фома, Потанюшка, Сатко, Чудинъ, Рагуилъ.

(*Посадники кладутъ на голову запись*).

Сатко. Здравствуй, батюшка нашъ, Словенскій Князь Василій Боеславвичь!

Чудинъ. Покорилась тебѣ земля Словенская и все княжество Старорусское!

Рагуилъ. Поклонились къ ногамъ твоимъ всѣ посадники; вотъ ихъ запись крѣпкая.

(*Подаетъ запись Василью*).

Василій. Безъ благословенія матушки моей принять не могу.

ЯВЛЕНІЕ III.

Василій, Фома, Потанюшка, Сатко, Чудинъ, Рагуилъ, Амельфа, Умила.

Василій (*къ Амельфѣ*). Благословляешь ли, матушка, мнѣ принять отъ нихъ запись?

Амельфа. Пріими, мило чадо, княженіе (*беретъ Умилу за руку*) и отъ меня сей залогъ всѣхъ вѣрности, и укроти свой сильный гнѣвъ.

(*Василій беретъ Умилу за руку и запись отъ посадниковъ; они ему кланяются*).

Пьеса оканчивается хорами, въ которыхъ восхваляются Василій и Умила, вступающіе между собою въ бракъ.

ОПЕРА КОМИЧЕСКАЯ,

ХРАБРЫЙ И СМѢЛЫЙ ВИТЯЗЬ

АХРИДѢИЧЪ.

1786 г.

Среди общаго веселья. на глазахъ нянь и мамъ похищаются въ облакѣ двѣ царевны: Луна и Звѣзда. Объ этомъ узнаетъ ихъ мать, царица Дарья, и „обмираетъ", а отецъ, царь Ахридѣй, не знаетъ, что и дѣлать. Тогда ихъ сынъ Иванъ Царевичъ хочетъ итти „въ далекія государства и провѣдывать о любезнѣйшихъ сестрицахъ". Послѣ этого всѣ уходятъ „съ пантомимою печальною,—Царь же Ахридѣй и Иванъ Царевичъ съ пантомимою пренебрежительною къ женскимъ слезамъ".

Дѣйствіе второе.

ЯВЛЕНІЕ I.

(Θеатръ представляетъ большой и густой лѣсъ. Два лѣшіе дерутся).

Иванъ Царевичъ, два лѣшіе.

Иванъ Царевичъ (*идетъ съ топоромъ*). Что за шумъ?... послушайте: о чемъ вы деретесь?... скажите мнѣ, авось я васъ помирю.

1-й лѣшій. Добрый человѣкъ, разсуди, пожалуй, нашу ссору, вотъ посмотри: мы двое шли дорогою и нашли вотъ эту шляпу невидимку, съ которою преодолѣваются опасности; эти сапоги самоходы, ими укращается путь; да еще скатерть хлѣбосолку: какъ развернешь ее, такъ будетъ, что ѣсть, пить и веселиться; двѣнадцать молодцевъ, да двѣнадцать дѣвицъ изъ нея всякій разъ выпрыгнутъ и наставятъ на ту скатерть разнаго кушанья и напитковъ и станутъ потчевать того, кто скатерть развернетъ.

2-й лѣшій. Они потчеваютъ также и другихъ, ежели имъ приказано будетъ.

1-й лѣшій. Изъ этой находки беру сапоги да шляпу, а скатерть товарищу моему даю; а онъ хочетъ, чтобъ всѣмъ завладѣть, и для того началъ со мною драку.

Иванъ Царевичъ. Хорошо, я дѣло ваше разберу, только скажите мнѣ: не знаете ли вы хотя напримѣръ хозяина тѣхъ вещей?

2-й лѣшій. Народная молва у насъ шла, будто судьбою приготовлены давно какому то Царскому сыну, который за тридевять земель въ тридесятое государство пойдетъ одинъ, какъ перстъ, отыскивать увезенныхъ своихъ сестеръ.

Иванъ Царевичъ. Какъ же вы дѣлить хотите между собою чужое добро?

1-й лѣшій. Вѣдь находка та наша... а прочее басня...

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Послушайте меня, лѣсные господа,
Дѣлить васъ мнѣ досталась череда:
Вы три версты бѣгите,
Другъ друга передите,
Пусть въ спорѣ помиритъ
Васъ скорая походка,
И кто кого опередитъ,
Тому достанется находка.

2-й лѣшій. (*первому лѣшему*). Ну, становись со мною рядомъ...

Иванъ Царевичъ. Первый, другой, разомъ!

(*Лѣшіе побѣгутъ съ театра*).

ЯВЛДНІЕ III

Иванъ Царевичъ (*одинъ*).

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Смѣшные нынѣ вѣки!
Дерутся лѣшіе, какъ будто человѣки.
Подъ шляпу невидимку
Я скрою бѣлую личинку;
Сапожки самоходы
Отслужатъ всѣ походы,
Уйдутъ отъ зайца и отъ волка:
А скатерть хлѣбосолка
Накормитъ, напоитъ.
И сердце взвеселитъ.

(*Иванъ Царевич надѣнетъ на себя сапоги самоходы и шляпу невйдимку, а скатерть хлѣбосолку возьметъ подъ мышку и идетъ въ путъ*).

ЯВБЕНІЕ IV.

(Ѳеатръ представляетъ въ томъ же большомъ и густомъ лѣсу маленькую избушку къ лѣсу передомъ, а къ Ивану Царевичу задомъ).

Иванъ Царевичъ (*подходя къ избушкѣ*). Вотъ еще какая диковинка! Слыхалъ я, что въ подобномъ случаѣ въ сказкѣ говорятъ: из-

бушка, избушка, стань къ лѣсу задомъ, а ко мнѣ обернись передомъ...

(Избушка обернется къ лѣсу задомъ, а къ Ивану Царевичу передомъ, и изъ избушки выходитъ Яга-баба).

ЯВЛЕНІЕ V.

Иванъ Царевичъ, Яга-баба.

Яга. Фу, фу, фу, какъ доселѣва русскаго духу слыхомъ не слыхано, а нынѣ русскій духъ во-очью совершается: за чѣмъ ты, добрый молодецъ Иванъ Царевичъ, сюда зашелъ? волею или неволею? Я здѣсь живу уже сорокъ лѣтъ, а никакой человѣкъ мимо не прохаживалъ и не проѣзживалъ, ни звѣрь не прорыскивалъ, ни птица не пролетывала, а ты какъ сюда забрелъ?

Иванъ Царевичъ. Сколько волею, а вдвое того неволею, иду я искать моихъ родныхъ сестрицъ, Луну и Звѣзду, которыя у насъ изъ саду пропали, и гдѣ мнѣ ихъ сыскать, самъ не вѣдаю.

Яга-баба.

Охоту многую имѣешь
Шататься для сестрицъ своихъ;
Но прежде ты, дружекъ, вспотѣешь,
Пока еще дойдешь до нихъ.

Въ твоей теперь осталось волѣ
Прямо дорогою итти,
И, не сбиваяся съ пути,
Ты вдругъ увидишь въ чистомъ полѣ
Веселенькій широкій дворъ
И бѣлокаменны палаты,
На нихъ узорчатый уборъ,
Онѣ безъ пестроты богаты,
И въ нихъ сестра твоя Луна
Живетъ, однакожъ не одна:
Живетъ Медвѣдь тамъ молодецъ,
Волшебникъ умный и хитрецъ.

ИВАНЪ ЦАРЕВИЧЪ.

Бабинька Яга,
Ты желѣзная нога,
Ты почто меня пугаешь?
Смѣлости во мнѣ не знаешь:
Въ воду и въ огонь пойду,
И сестрицъ своихъ найду.

Яга-баба. Добро Иванъ Царевичъ, утро вечера мудренѣе.

Иванъ Царевичъ. Прощай, я иду...

Ѣга баба. Что же ты. Иванъ Царевичъ, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебѣ надобно и въ которую сторонушку? поди ты вотъ по этой дороженькѣ.... пойдемъ, я тебѣ покажу...

(Иванъ Царевичъ и Яга-баба уходятъ съ одной стороны, а два лѣшіе вбѣгутъ съ другой).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Два лѣшіе.

1-й лѣшій.

Здѣсь прежде я,

2-й лѣшій.

Нѣтъ, братецъ, я,
Находка-та моя.

(*Оба лѣшіе вмѣстѣ*).

Ба! гдѣ же нашъ судья?
Какой любезный другъ!
Онъ насъ обралъ вокругъ.

1-й лѣшій.

Пойдемъ его искать по лѣсу...

2-й лѣшій.

А не найдемъ, пойдемъ домой...
(*Оба лѣшіе свистятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII

Яга-баба, два лѣшіе.

ЯГА-БАБА.

За чѣмъ вы здѣсь шумите.
Какъ глупы лѣшіе, бурлите?
Смотрите, не шутите
Вы бабою Ягой.
Прибью васъ кочергой:

Я вздорныхъ унимаю
И кости имъ ломаю.

ОБА ЛѢШИЕ (*кланяются и поютъ*).

Боимся гнѣва твоего,
Но мы не виноваты,
Что были глуповаты,
Лишились мы богатства своего.

ЯГА-БАБА.

Лѣсовики, не лгите,
Пустаго не кричите,
Я знаю все, молчите.

ТРІО.

Царевичу принадлежитъ находка:
Въ немъ разумъ, младость, красота,
Геройска сила и походка;
А въ лѣшихъ дикость, простота.

КОНЕЦЪ ВТОРАГО ДѢЙСТВІЯ.

Въ слѣдующихъ трехъ дѣйствіяхъ разсказывается, какъ Иванъ Царевичъ попадаетъ въ бѣлокаменныя палаты сестры своей Луны, гдѣ, при помощи шляпы — невидимки и скатерти— хлѣбосолки, спасается отъ Медвѣдя — молодца и узнаетъ, гдѣ живетъ его сестра Звѣзда. Проникнувъ къ ней въ мѣдный замокъ Морскаго Чуда, гдѣ на сторожѣ стоятъ морскія чудовища съ пушками на плечахъ, онъ получаетъ отъ нея указаніе, какъ при помощи подвиговъ храбро-

сти, а также ловкости освободить обѣихъ сестеръ. Кузнецы куютъ ему мечъ — кладенецъ, и, съ нимъ въ рукахъ, Иванъ Царевичъ вступаетъ въ ожесточенный бой со змѣемъ о двѣнадцати головахъ, испускающимъ огненное пламя, и одолѣваетъ его. Тогда двѣнадцать дѣвицъ съ пѣніемъ ведутъ Царевича въ палаты къ Царь-Дѣвицѣ, которая его торжественно встрѣчаетъ. При содѣйствіи колдуна, заключеннаго у нея въ погребѣ, она освобождаетъ его сестеръ и вступаетъ съ нимъ въ бракъ. Затѣмъ открывается балетъ, послѣ котораго на свадебный пиръ слетаются въ колесницахъ сестры и родители Царевича.

д) Сатирическіе очерки

Участіе Государыни въ сатирической литературѣ выразилось прежде всего въ сатирическомъ журналѣ: „Всякая Всячина". Хотя его редакторомъ считался Козицкій, но небезизвѣстно было русскому обществу, что на самомъ дѣлѣ изданіемъ руководила сама Императрица. У насъ, какъ и въ Западной Европѣ, особенно съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, писатели постоянно черпали для своихъ журнальныхъ статей матерьялъ и форму изъ англійскаго журнала: „Спектаторъ", издававшагося съ начала столѣтія. Въ немъ преобладала сатира, и потому первый сатирическій журналъ въ Россіи: „Всякая Всячина", естественно, сталъ ему подражать. Всему журналу была дана такая окраска, въ силу которой изъ смѣха „исключалось все

то, что не въ улыбательномъ духѣ",... „что скуку возбудить можетъ и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы". Несмотря на такую легкость сатиры, не затрагивающей ни печальнаго положенія крѣпостныхъ въ то время, ни другихъ коренныхъ вопросовъ общественной жизни, этотъ журналъ Императрицы имѣлъ большое значеніе въ исторіи литературы XVIII вѣка. До него не было у насъ такихъ журналовъ, а за нимъ, въ томъ же 1769 году, появляется еще семь сатирическихъ изданій, отчего „Всякая Всячина" и считается „пробабушкой" такихъ журналовъ. Нѣкоторые изъ нихъ, отличавшіеся серьезнымъ направленіемъ, какъ напр., „Трутень" Новикова, вступили даже въ горячую полемику съ изданіемъ Государыни. Быстрое развитіе сатиры объясняется между прочимъ тѣмъ, что, при отсутствіи романа и повѣсти изъ обыденной русской жизни, общество нашло въ этихъ произведеніяхъ типичныя картины изъ знакомаго ему быта, на которыхъ могло отдохнуть отъ сухой морали и докучливыхъ пріемовъ ложнаго классицизма. Да и слогъ сатиры былъ живой и легкій, какъ требовала того сама Императрица, напр., въ своемъ шутливомъ „Завѣщаніи" (стр. 190). Къ сожалѣнію, однако, успѣхъ такой литературы долженъ былъ скоро упасть, такъ какъ поднятые въ ней вопросы своею серьезностью испугали Императрицу, которая опасалась, чтобы такая сатира не всколебала общественнаго строя. Въ 1770 г. „Всякая Всячина" прекращается, и только черезъ

тридцать лѣтъ снова выступаетъ Государыня съ своими сатирическими очерками. Именно, въ 1783-мъ году Княг. Е. Р. Дашкова, состоявшая директоромъ Академіи Наукъ, предпринимаетъ изданіе журнала: „Собесѣдникъ любителей Россійскаго слова“, въ которомъ участвуетъ сама Императрица и помѣщаетъ рядъ своихъ сатирическихъ очерковъ: „Были и Небылицы“. Въ нихъ авторъ осмѣиваетъ чванство, излишнюю склонность ко всему французскому, пустоту и щегольство мужчинъ и женщинъ, нападки на новые порядки и полемизируетъ съ тѣми, которые хотятъ придать сатирѣ болѣе серьезное направленіе.

Изъ „Былей и Небылицъ“.

Дѣдушка мой говоритъ, будто въ молодости его люди лучше знали цѣну вещамъ и людямъ, нежели нынѣ знаютъ, и будто въ то время болѣе умными разговорами занимались и веселонравнѣе были. Въ третій день пріѣзда моего къ нему, онъ насъ, внучатъ своихъ (числомъ 15 человѣкъ), собралъ и часа съ три о семъ велъ рѣчь. По счастію, мы всѣ предъ нимъ (за неимѣніемъ въ той горницѣ стульевъ) стояли; сему только и приписываю, что мы отъ сей проповѣди не задремали, однако-жъ глаза протирать часто нужду имѣли; зѣвалъ ли же кто, я точно не примѣтилъ; но всѣ шляпой,

картузомъ или колпакомъ, у кого что въ рукахъ случилось, уста свои нерѣдко закрывали. Кончилъ дѣдушка разговоръ свой сравненіемъ, который, сократнвъ для памяти, я записалъ: *Когда мы молоды были*, говорилъ онъ, тогда праздность, въ конюховой одеждѣ закутанная, подъ видомъ прогулки для здоровья, по улицамъ не шаталась. Сіе тогда почитали безчинствомъ. Сонъ нашъ продолжался до полудня; оставшуюся часть дня провождали, сидя у окошка, играніемъ въ карты до разсвѣта и далѣе: должность, къ которой невольно напряжены бывали, немного съ лѣнцою отправляли; но понеже казалось, что въ свѣтѣ кое-что поправки требовало, то люди охотнѣе упражнялись нынѣшняго въ разговорахъ, касающихся до поправленія того, сего; разговоры же сіи вели въ полголоса, или на ушко, дабы лишней какой бѣды оные кому изъ насъ не нанесли; слѣдовательно; громогласіе рѣдко между нами слышно было: бесѣды же получали отъ того нѣкоторый блескъ и видъ вѣжливости, которой слѣды не столь примѣтны нынѣ; ибо разговоры, смѣхъ, горе и все, что вздумать можешь, открыто и громогласно отправляется. Дѣдушка примѣчаетъ, что вообще чистосердечіе отъ того въ людяхъ выиграло, потому что скрытаго за пазухой мало остается; для изъясненія своей мысли употребляетъ онъ

сравненіе, говоря, будто мысли и умы, долго бывъ угнетены подъ тягостью тайны, вдругъ, яко плотина отъ сильной водополи, прорвались, а накопленная вода стекаетъ до тѣхъ поръ, пока, не осушивъ дна, онаго не откроетъ. Выговоря сіе, дѣдушка имѣлъ, мнѣ казалось, голову разгоряченную, взглядъ его казался мнѣ быстрѣе обыкновеннаго, на щекахъ его игралъ румянецъ. Онъ всталъ съ креселъ своихъ и, возвысивъ голосъ, сказалъ: Припомните мои слова; всѣ теперешніе пороки ничего не значатъ; они схожи на стекающее полноводіе; вода же, пришедъ въ прежнія границы и берега свои, возъимѣетъ теченіе естественнѣе прежняго; берега суть воспитаніе. Проговоря сіе съ жаромъ, онъ паки сѣлъ, какъ будто отдыхать хотѣлъ, и углубился въ задумчивость. [Мы думали, что онъ кончилъ рѣчь свою, и хотѣли откланяться, но онъ, не примѣтя того и бывъ въ восхищеніи (Богъ вѣсть отъ чего), паки началъ говорить, но съ вельми степеннымъ видомъ и голосомъ, тому виду приличнымъ: „Ни чему я такъ не радовался послѣдніе сіи годы, какъ тому, что къ совѣстному разбирательству *) по-

*) т. е. разбирательству во вновь учрежденномъ тогда судѣ, въ которомъ извѣстный разрядъ дѣлъ разрѣшался не на основаніи внѣшнихъ доказательствъ, а исключительно на основаніи совѣсти судей. *Прим. ред.*

всюду оказалось много охотниковъ. Маятникъ сей подаетъ объ общемъ расположеніи добрую надежду подобно, какъ пульсъ врачу о состояніи больнаго“.

Примѣчаніе.

Дѣдушка посредствомъ Совѣстнаго Суда въ семи намѣстничествахъ, помирился съ сосѣдями своими, съ коими тягался лѣтъ болѣе тридцати.

NB. Въ Смоленскѣ имѣлъ онъ распри по наслѣдству.

Въ Великихъ Лукахъ ябедою продолжившееся дѣло.

Въ Ингерманландіи вексельный искъ.

Въ Курскѣ споръ по стариннымъ отказнымъ книгамъ.

Въ Москвѣ судное по крѣпости дѣло.

Въ Нижегородской губерніи хлопоты по рыбнымъ ловлямъ.

Въ Новѣгородѣ прадѣдовскіе поемные луга, кои у него отнять хотѣли.

Сочинитель Былей и Небылицъ, разсмотрѣвъ присланные вопросы отъ неизвѣстнаго, *) на оные сочинилъ отвѣты, кои совокупно здѣсь прилагаются.

*) Вопросы эти были присланы въ редакцію Фонвизинымъ.
Прим. ред.

ОТВѢТЫ НА ВОПРОСЫ *).

Вопросы:	Отвѣты.
1. Отъ чего у насъ спорятъ сильно въ такихъ истинахъ, кои нигдѣ уже не встрѣчаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія?	На 1. У насъ, какъ и вездѣ, всякій споритъ о томъ, что ему не нравится, или непонятно.
2. Отъ чего многихъ добрыхъ людей видимъ въ отставкѣ?	На 2. Многіе добрые люди вышли изъ службы, вѣроятно, для того, что нашли выгоду быть въ отставкѣ.
3. Отъ чего всѣ въ долгахъ?	На 3. Отъ того въ долгахъ, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ
4. Если дворянствомъ награждаются заслуги, а къ заслугамъ отверзто поле для всякаго гражданина, отъ чего же никогда не достигаютъ дворянства купцы, а всегда или заводчики, или откупщики? **)	На 4. Одни, бывъ богатѣе другихъ, имѣютъ случай оказать какую ни на есть такую заслугу, на которой получаютъ отличіе.
5. Отъ чего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній Правительства?	На 5. Для того, что вольныхъ типографій до 1782 года не было.

*) Вопросы эти были присланы Фонвизинымъ въ редакцію „Собесѣдника“.

**) Лицо, купившее единоличное право на производство въ извѣстной мѣстности торговли какой-либо, сборовъ податей и т. д.; отъ винной торговли у насъ многіе разбогатѣли.

Прим. ред.

6. Отъ чего, не только въ Петербургѣ, но и въ самой Москвѣ перевелись общества между благородными?

На 6. Отъ размножившихся клубовъ.

7. Отъ чего главное стараніе большей части дворянъ состоитъ не въ томъ, чтобъ поскорѣй сдѣлать дѣтей своихъ людьми, а въ томъ, чтобъ поскорѣе сдѣлать ихъ, не служа, гвардіи унтеръ-офицерами?

На 7. Одно легче другаго.

8. Отъ чего въ нашихъ бесѣдахъ слушать нечего?

На 8. Отъ того, что говорятъ небылицу.

9. Отъ чего извѣстные и явные бездѣльники принимаются вездѣ равно съ честными людьми?

На 9. Отъ того, что на судѣ не изобличены.

10. Отъ чего въ вѣкъ законодательный никто въ сей части не помышляетъ отличиться?

На 10. Отъ того, что сіе не есть дѣло всякаго.

11. Отъ чего знаки почестей, долженствующіе свидѣтельствовать истинныя отечеству заслуги, не производятъ, по большей части, къ носящимъ ихъ ни малѣйшаго душевнаго почтенія?

На 11. Отъ того, что всякій любитъ и почитаетъ лишь себѣ подобнаго, а не общественныя и особенныя добродѣтели.

12. Отъ чего у нась не стыдно не дѣлать ничего?

На 12. Сіе не ясно: стыдно дѣлать дурно, а въ обществѣ жить не есть не дѣлать ничего.

13. Чѣмъ можно возвысить упадшія души дворянства? Какимъ образомъ выгнать изъ сердецъ нечувственность къ достоинству благороднаго званія? Какъ сдѣлать, чтобъ почтенное титло дворянина было несомнѣннымъ доказательствомъ душевнаго благородства?

На 13. Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены либо упали. Самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ.

14. Имѣя Монархиню честнаго человѣка, что бы мѣшало взять всеобщимъ правиломъ удостоиваться Ея милостей одними честными дѣлами, а не отваживаться проискивать ихъ обманомъ и коварствомъ? Отъ чего въ прежнія времена шуты, шпыни *) и балагуры чиновъ не имѣли, а нынче имѣютъ и весьма большіе?

На 14. Для того, что вездѣ, во всякой землѣ и во всякое время родъ человѣческій совершеннымъ не родится. Предки наши не всѣ грамотѣ умѣли. NB. Сей вопросъ родился отъ свободоязычія, котораго предки наши не имѣли; буде же бы имѣли, то начли бы на нынѣшняго одного десять прежде бывшихъ.

15. Отъ чего многіе пріѣзжіе изъ чужихъ краевъ, почитавшіеся тамо умными людьми, у насъ почитаются дура-

На 15. Отъ того, что вкусы разные, и что всякій народъ имѣетъ свой смыслъ.

*) Колкій шутникъ. *Прим. ред.*

ками, и на оборотъ: отъ чего здѣшніе умницы въ чужихъ краяхъ часто дураки?

16. Гордость большей части бояръ гдѣ обитаетъ: въ душѣ, или въ головѣ?

На 16. Тамо же, гдѣ нерѣшимость. *)

17. Отъ чего въ Европѣ весьма ограниченный человѣкъ въ состояніи написать письмо вразумительное, и отъ чего у насъ часто преострые люди пишутъ такъ безтолково?

На 17. Отъ того, что тамо, учась слогу, однако пишутъ; у насъ же всякъ мысли свои, не учась, на бумагу кладетъ.

18. Отъ чего у насъ начинаются дѣла съ великимъ жаромъ и пылкостью, потомъ же оставляются, а нерѣдко и совсѣмъ забываются?

На 18. По той же причинѣ, по которой человѣкъ старѣется.

19. Какъ истребить два сопротивные и оба вреднѣйшіе предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?

На 19. Временемъ и знаніемъ

---

*) Государыня приписывала сначала эти „Вопросы" И. И. Шувалову, котораго передъ тѣмъ она изобразила въ одномъ изъ своихъ сатирическихъ очерковъ, какъ очень нерѣшительнаго человѣка.

Прим. ред.

20. Въ чемъ состоитъ нашъ національный характеръ?

На 20. Въ остромъ и скоромъ понятіи всего; въ образцовомъ послушаніи и въ корени всѣхъ добродѣтелей, отъ Творца человѣку данныхъ.

Записная книжка сестры моей двоюродной, мѣсяца юля, 1 седмицы, 1783 года.

Первая страница содержитъ имена тѣхъ, коихъ посѣтить намѣреніе имѣетъ, также лавочниковъ, разносчиковъ, продающихъ женскіе уборы. За симъ слѣдуетъ:

Вторникъ.—Я встала съ постели въ первомъ часу по полудни.

NB. Я встала такъ рано для того, что легла рано: лишь три часа было за полночь.

NB. Мужъ на своей половинѣ. У насъ, въ Парижѣ, всякъ живетъ про себя.

Парикмахеръ чесалъ мнѣ сегодня волосы такъ порядочно, что я принуждена была болѣе часа растрепываться, чтобы въ люди было можно показаться.

Отобѣдала въ 5 часу.

Скучно въ Петербургѣ лѣтомъ: день и ночь равно свѣтлы. Я принуждена сидѣть съ опущенными занавѣсами. Солнечные лучи неблагородно видѣть.

Въ комедію я поѣхала, хотѣла видѣть К...
Я подозрѣваю, что онъ глазѣетъ на А.

Въ саду его не было.

Случайно свѣдала я, что онъ весь день игралъ въ вискъ у З....

А... сегодня дурно одѣта была; она похожа на шефирку. За ужиномъ меня уморить хотѣли, потчевали котлетами.

Середа.—Сегодня мнѣ удачи ни въ чемъ нѣтъ отъ того, что лѣвой ногой съ постели встала, да и кошку во снѣ видѣла.

Ѣздила на биржу товаровъ покупать; но ничего не нашла по моему вкусу, а что и нашла, того въ долгъ отдать не хотѣли.

NB. Мнѣ на сихъ дняхъ необходимо надобно сказаться больною: мужъ денегъ не даетъ, а сердечный мой не догадывается, что кошелекъ мой пустъ.

К... поѣхалъ утокъ стрѣлять, авось-либо увижу его за городомъ. Не знаю, для чего за нимъ вездѣ бѣгаю; онъ хорошъ, но право глупъ.

Пріѣзжала къ М.... Ужасно, какъ она скучна: непрестанно говоритъ о дѣтяхъ и ихъ воспитаніи.

Ѣздила къ Д....., кого тамъ ни наѣхало, всѣ до крайности несносны.

Четвергъ.—Я четвергъ люблю паче другихъ дней, сама не знаю за что.

Ахти! съ недѣлю я у батюшки не была. Заѣхать было къ Ф..., помнится, что по дорогѣ, лишь бы не встрѣтить похоронъ. Смѣшно, право! сегодня портной, башмачникъ и разносчикъ за долгомъ приходили; я велѣла сказать, что меня дома нѣтъ.

NB. Третій день какъ К..... не встрѣчаю. Я домой пріѣхала не весела.

Пятница. — Сегодня изъ комедіи на балъ. М.... влюбленъ въ С..... Какая это смѣшная тварь, а шляпу, однакожъ, къ лицу надѣваетъ.

З...... любится съ Г..... Онъ легокъ, а она дунь-полети.

Суббота.—Дома гостей имѣла.

Л...... не пріѣзжалъ, я для него нарядилась и всѣхъ дѣвокъ перебранила: ни одна угодить не умѣла.

NB. Сказываютъ, что П..... изъ окошка опустила на ниткѣ бумажку, а Ф....., шедши мимо, бумажку отвязалъ.

И..... ушла отъ отца черезъ заборъ, а Н... отъ мужа.

Воскресенье. — Б.... пріѣхала въ половину службы. Всѣ обратились, какъ вошла.

NB. Впредь надобно стараться позже пріѣзжать.

Понедѣльникъ.—Я встала весела и писать не буду.

Послѣ сей добровольной исповѣди, напечатанной по собственному прошенію кающагося *) сочинителя Былей и Небылицъ, не остается что-либо сказать, тѣмъ паче, что онъ въ душѣ своей увѣренъ, что сей поступокъ господина сочинителя вопросовъ сходствуетъ съ обычаемъ, достойнымъ похвалы православнаго Христіанина, по которому за грѣхомъ вскорѣ слѣдуетъ раскаяніе и покаяніе; но въ семъ случаѣ разрѣшеніе зависитъ не отъ кого инаго, какъ отъ многоголовной публики; мое же дѣло тутъ постороннее.

Примѣчаніе.

Чтожъ касается до даннаго мнѣ совѣта, чтобъ я описаніе ябедника и мздоимца на себя взялъ, на то въ отвѣтъ скажу, возблагодаривъ напередъ за похвалы, въ коихъ себя нимало не узнаю, что въ Быляхъ и Небылицахъ гнусности и отвращеніе за собой влекущее не вмѣщаемы; изъ оныхъ строго исключается все то, что не въ улыбательномъ духѣ и не по вкусу прародителя моего, либо скуку возбудить

*) Этимъ строкамъ предшествуетъ письмо: „Къ Г. Сочинителю Былей и Небылицъ отъ сочинителя вопросовъ", т. е. Фонвизина, въ которомъ онъ выражаетъ глубокое сожалѣніе, что „нѣкоторые вопросы не умѣлъ написать внятно", почему имъ и приданъ былъ другой смыслъ, чѣмъ онъ хотѣлъ.

Прим. ред.

могущее, и наипаче горесть и плачъ разогрѣвающія драмы. Ябедниками и мздоимцами заниматься не есть наше дѣло; мы и грамматику худо знаемъ, гдѣ намъ проповѣди писать!

Господинъ писатель Былей и Небылицъ!

Недавно скончался братъ мой; онъ оставилъ на попеченіе мое шестерыхъ дѣтей: три сына и трехъ дочерей; но я не знаю, какъ мнѣ съ ними быть; примѣчаю въ нихъ необычайные нравы, какъ вы сами изъ слѣдующаго усмотрите. Трое изъ нихъ имѣютъ склонности, много похожія на обезьянъ; большой инаго ничего не дѣлаетъ, какъ только старается перенять, что ни увидитъ, и для того цѣлый день бѣгаетъ по улицамъ и изъ дому въ домъ, двадцатью въ день голову перечесываетъ, то кудри очутятся вверхъ растаращены, то внизъ опущены, то поперекъ поставлены, то по лбу висящіе, а иногда сплететъ ихъ за уши назадъ. На сихъ дняхъ вздумалъ онъ гнушаться природнымъ своимъ языкомъ, и четыре дня мы кромѣ исковерканныхъ словъ и слоговъ не слыхали. Мы не знали съ женою, что ему сдѣлалось, наконецъ уже узнали, что заходилъ въ французскую комедію. Послѣ смерти отца своего началъ онъ мотать; множество подщипанныхъ кафтановъ себѣ нашилъ, назвалъ ихъ фраками; къ каждому жъ изъ нихъ сдѣ-

лалъ короткіе бостроки *), накупилъ себѣ разныхъ хлыстиковъ и, что пуще всего, всякому цвѣту кафтановъ своихъ придаетъ имена, какихъ бы я при отцѣ своемъ, опасаясь оплеушины, громко назвать не смѣлъ. Когда жъ я его унимаю и браню, тогда говоритъ въ отвѣтъ: ахъ дядюшка! вы не знаете, нынѣ всѣмъ цвѣтамъ имена даны: по вашему пакостные, а по нашему они модны. Всѣ тѣ фраки, какъ онъ ихъ прозвалъ, сшилъ онъ въ долгъ, не платя ни купцу, ни портному. Я говорилъ ему, что это дурно, что изъ того добраго не выйдетъ, и что ему второе платить достанется отъ того, что въ долгъ забираетъ; но въ отвѣтъ я получилъ паки: дядюшка! вы ничего не знаете; такъ водится. На сихъ дняхъ онъ за полночь часу въ четвертомъ домой пріѣхалъ, какъ будто не доброй его растеребилъ. Я на то время всталъ, обходивъ уже дворъ, шелъ изъ конюшни, а онъ на задній дворъ, но тайкомъ, взъѣхалъ и бѣжитъ крадучись на крыльцо, и уже отъ людей его, кои ночь на дождѣ простояли, я свѣдалъ, что нелегкая его занесла въ трактиръ, гдѣ такъ промотался, что часы и отцовскую золотую табакерку оставилъ въ закладѣ, и то, чаю, для того единственно сдѣ-

*) Собственно куртки. *Прим. ред.*

лалъ, что слышалъ, что кто-то другой тоже сдѣлалъ. Но полно про сію обезьяну говорить. Средній его братъ иного совсѣмъ сложенія; тотъ цѣлый день провождаетъ на дворѣ, играетъ въ свайку, въ бабки, въ городки съ ребятами; на немъ кафтана, окромѣ за обѣдомъ, не увидишь. Не могу его пріучить, чтобы къ чему нибудь иному прилежалъ, да и не очень ловко съ нимъ говорить: вспыльчивъ, за все про все споритъ, сердится и, какъ разгорячится, со всѣми дерется; онъ же мастеръ бороться и удалой боецъ; его, не мѣшкавъ, думаю записать въ какой нинаесть полкъ, пусть служитъ; о первомъ же не знаю, что предпріять; опасаюсь, что никуды не поспѣетъ, развѣ, какъ перенявъ еще болѣе шалостей, свою судьбу самъ рѣшитъ, и тѣмъ жребій свой додѣлаетъ. Сестры ихъ собою статны. Старшая изъ нихъ главнымъ попеченіемъ имѣетъ наружностью своею быть похожею на выпачканную ея служанку; почему, какъ встанетъ съ постели, такъ волосъ не причешетъ и платка не перевяжетъ. — NB, Но здѣсь я моей женѣ перо уступаю. — Она сама желаетъ описать похожденіе третьягоднишняго дня.

Господинъ сочинитель Былей и Небылицъ!

Я хотѣла взять племянницу съ собою въ гости и для того велѣла ей почище одѣться;

она пришла ко мнѣ напудрена, но не причесана, волосы повсюду около головы висѣли, какъ у львицы, а помада клочками видна была; на ней было напутано флеру много и высоко, на флерѣ цвѣты туды и сюды; на цвѣтахъ красныя фольги *), на сихъ великое множество крупныхъ бусъ, подобно какъ зимой ледяныя сосули на кровляхъ висятъ, а сверхъ всего сего голубыя замаранныя запудренныя ленты приколоны были; ушей и глазъ она не вымыла, и пудра въ нихъ кучами лежала, на лбу и на щекахъ видны были полосами грязь, пудра, румяна и изъ бровей сурмила. Флеровое на ней платье надѣто было такъ, что она на одну полу спереди наступала, пока другая на боку вздернута висѣла. Платье бусовыми сосульками было выложено; но какъ она на оное непрестанно наступала и почти, такъ сказать съ позволенія вашего, верхомъ въѣхала въ комнаты, то бусы оторвались и разсыпались; но меня однакожъ хотѣла увѣрить, что съ головы упали. Я доказала ей, что́ съ платья, и принуждена была оставить ее дома; мнѣ стыдно показалось таковую чучелу въ люди казать; она же бѣлья по недѣлѣ не перемѣняетъ... Мужъ мой допишетъ... Дома сидя, она у дѣвокъ

*) Тонкія плоскія украшенія изъ олова или мѣди.
Прим. ред.

навѣдалась, что лучше, чтобъ бусы съ головы или съ платья сорвались. Изъ того можете видѣть остроту ума ея; что мнѣ съ нею дѣлать? Сестра ея середняя совсѣмъ сложенія инаго, но также необычайно ходитъ, не инако какъ въ мужскомъ платьѣ, скачетъ на прерѣзвыхъ лошадяхъ, говоритъ о собакахъ, о травлѣ звѣриной, стрѣляетъ изъ лука, ружья и пистолета и самой гренадерской выступкою ходитъ.

NB. За сію нынѣ сватается нѣмецкій баронъ. — Третій братъ перенимаетъ всѣ женскіе обычаи; онъ бы бѣлился и румянился, буде бы я его до того допускалъ; говоритъ женскимъ голосомъ и слова не договариваетъ, цѣлый день лежитъ или на постели или на сундукѣ. — NB. Канапе я велѣлъ вынести изъ горницы, чтобъ менѣе валялся. — Всего притворно боится, крайнее попеченіе имѣетъ о своей красотѣ, даже до того, что прошедшее лѣто пришилъ флеръ къ своей шляпѣ и носилъ надъ собою подсолнечникъ, чтобъ отъ солнца не загорѣть. Онъ вообще похожъ на вощаную куклу; такова и меньшая сестра, которую онъ очень любитъ; они оба отмѣнно нѣжны, отъ всего обмираютъ; сверхъ того, близоруки. Не знаю, откуда имъ Богъ далъ стекла, сквозь которыхъ инаго не дѣлаютъ, какъ цѣлый день изъ оконъ на улицы зѣваютъ, изъ дома же ни куды не выходятъ,

опасаясь суровости воздуха, либо солнца, вѣтра, сырости, засухи или невѣсть чего еще инаго. Прошу описаніе сіе вмѣстить въ Собесѣдникѣ; авось либо удастся, для блага ихъ, изъ того сдѣлать имъ доброе употребленіе, тѣмъ одолжите слугу вашего Михайла Передкова.

Завѣщаніе.

Сего утра сочинилъ я вчернѣ слѣдующее мое завѣщаніе.

Собственное мое имѣніе Были и Небылицы отдаю я (имреку) съ тѣмъ,

1. Что ему самому, или кому онъ отдастъ, повѣритъ, продастъ, или заложитъ, для продолженія оныхъ, не писать шероховато, либо съ трудомъ, аки подымая тягости на блокѣ.

2. Писавъ, думать не долго и не много, наипаче не потѣть надъ словами.

3. Краткія и ясныя израженія предпочитать длиннымъ и кругловатымъ.

4. Кто писать будетъ, тому думать по-русски. Всякая вещь имѣетъ свое названіе.

5. Иностранныя слова замѣнить русскими, а изъ иностранныхъ языковъ не занимать словъ; ибо нашъ языкъ и безъ того довольно богатъ.

6. Краснорѣчія не употреблять нигдѣ, развѣ само собою на концѣ пера явится.

7. Слова класть ясныя и, буде можно, самотеки.

8. Скуки не вплетать нигдѣ, наипаче же умничаньемъ безвременнымъ.

9. Веселое всего лучше; улыбательное же предпочесть плачевнымъ дѣйствіямъ.

10. За смѣхомъ, за умомъ, за прикрасами не гоняться.

NB. Не запрещается однакожъ оныхъ употреблять вездѣ тутъ, аки струи.

11. Ходулей не употреблять, гдѣ ноги могутъ служить, то есть надутыхъ и высокопарныхъ словъ не употреблять, гдѣ пристойнѣе, пригожѣе, пріятнѣе и звучнѣе обыкновенные будутъ.

12. Врача, лѣкаря, аптекаря не употреблять для писанія Былей и Небылицъ, дабы не получили врачебнаго запаха *).

13. Проповѣдей не списывать и нарочно оныхъ не сочинять.

14. Гдѣ индѣ коснется до нравоученія, тутъ оныя смѣшивать наипаче съ пріятными оборотами, кои бы отвращали скуку, дабы красавицамъ острокаблучнымъ не причинить истерическихъ припадковъ безвременно.

15. Глубокомысліе окутать ясностью, а пол-

---

*) Сатирики того времени очень часто придавали своимъ произведеніямъ форму обращенія за наставленіемъ къ врачу.

Прим. ред.

номыслie легкостью слога, дабы всѣмъ сноснымъ учиниться.

16. Пустомыслie и слабомыслie откинуть вовсе, буде можно.

17. На всякiя мысли смотрѣть не съ одного конца, но съ разныхъ сторонъ, дабы избирать удобно было видъ тотъ, который разсудку прiятнѣе представится.

18. Стихотворческiя изображенiя и воображенiя не употреблять, дабы не входить въ чужiя межи.

19. Желается, чтобъ сочинитель скрылъ свое бытie и вездѣ бы было его сочиненie, а его самого не видно было, и нигдѣ не чувствовалось, что онъ тутъ дѣйствуетъ; и для того совѣтуется ему говорить такъ, чтобъ не онъ говорилъ, а безъ того умъ его или глупость равно не способны будутъ читателямъ.

Сiе пишу въ совершенной памяти и въ полномъ здравiи.

